

Дарья Кузнецова

Образцовый самец

Глава 1

Маленький Большой взрыв

Когда на станцию напали, в это поначалу никто не поверил.

Обитавших здесь специалистов можно понять: служба безопасности так часто проводила учения в условиях, приближенных к боевым, что работники попросту перестали обращать на них внимание. Если в самом начале все дисциплинированно прятались там, где велел план обороны, то вскоре людям просто надоело тратить по два-три часа рабочего времени на ерунду. Идут эксперименты, прерывать их – неприятно, порой – очень сложно, порой – губительно для результатов, полученных за многие месяцы работы, а иногда даже и опасно.

Когда во время одной из тревог у генетиков сдохла какая-то очень ценная культура, научный руководитель «Черного лебедя» взбунтовался. И уже полгода длилась его партизанская война против начальника службы безопасности. На стороне первого выступало большинство ученых, на стороне последнего – почти весь ненаучный персонал. Они-то здесь отбывали вахту, а среди нашей братии борьба за место на новой станции порой в прямом смысле слова доходила до драк. И стоило ли это выдерживать, чтобы зря тратить время на месте!

Капитан станции, человек ответственный и серьезный, контролировавший на вверенной территории почти все, именно в этот вопрос не лез. Поскольку не лез не только он, но и высшее руководство, чуялся в этой конфронтации некий политический душок: похоже, спорили между собой не только два начальника, но и их покровители на самом верху. Впрочем, рядовых обитателей станции это мало заботило, главное, выговоров нам не делали и взысканиями не грозили.

В общем, когда истошно взвыла сирена, работы продолжились согласно утвержденному плану.

Мы с Леночкой как раз в этот момент спешили с обеда в макетный зал. Программисты должны были закончить расшифровку данных, полученных зондом «ЧЛР-46», которые сулили отличные перспективы.

– Василиса Аркадьевна, мы же не побежим в укрытие? – с надеждой спросила Лена, когда мы, вжавшись в стену, пропустили мимо маленькое стадо мужиков в легкой броне.

– Делать нам больше нечего! – согласилась я, продолжая путь. – Что-то черный полковник развоевался, суток же не прошло с прошлых учений!

Под сутками я по здешней привычке подразумевала период оборота двойной звезды, вокруг которой вращалась станция – чуть больше пяти с половиной земных. Новички обычно путались, но быстро привыкали.

– Может, проверка какая-нибудь?

– Думаешь, Гаранин все-таки выбил? – Я засомневалась. – Через голову Дениса Саныча?

– Ой, что тогда буде-ет! – протянула Леночка с восхищенным ужасом.

Остроту и пикантность ситуации с противостоянием придавал тот факт, что научрук тоже военный и они с безопасником в одном звании. Но наш Баев, белый полковник – старше, биолог из военной науки, мужчина большого ума и чуткости, а Гаранин – из боевиков, в полном смысле слова солдафон. Местные легенды расширяли его послужной список на все военные столкновения последних тридцати лет и наделяли всеми возможными наградами, но это добавляло ему любви только девочек из снабжения и аппаратной.

Черный и белый – конечно, по шахматной аналогии, да и внешне им подходило. Научрук благородно сед и чаще всего в халате, начбез – смуглый брюнет в черном форменном комбинезоне.

Когда мы вошли в макетный зал, один из огромных типов в броне наставил на нас нечто большое, агрессивного вида. Оружие, конечно.

– Вы обе, быстро туда! – Он махнул стволом в сторону.

– Не повышайте так децибелы, мы не глухие, – недовольно ответила я, но прошла, куда велели. Не из уважения, нам именно туда и нужно было.

В этот момент еще один в броне подскочил к пульту управления шлюзом и что-то начал с ним делать. На мгновение немного упала гравитация: отсек перешел на автономное существование.

– Да что вы себе позволяете! – подскочил к ним Андерсен, начальник программистов. – Прекратите ломать технику! Согласно штатному расписанию вы не имеете права!..

К шлюзу обернулись все: у Джеймса крайне мерзкий и громкий голос. А еще он очень настырный и тошнотворно-правильный, связываться – себе дороже. Всех интересовало, как вояка станет выкручиваться.

Но он не стал. Выстрелил в голову. Та лопнула с тихим сухим звуком.

Немую сцену длиной в пару секунд разорвал слаженный визг Леночки и Ольги с другого конца зала.

– Всем заткнуться! – заорал один из бронированных. – Собраться в этом углу! Бегом! На пол!

Я, поспешно отведя взгляд от мерзкого зрелища, одной рукой обхватила свою аспирантку за плечи, второй – зажала ей рот и, шепотом попросив вести себя тихо, потащила туда, куда приказали. Перед глазами как наяву встала очередная памятка из разряда «если вдруг», которые, конечно, никто никогда не учит и читают только для того, чтобы убить время. Но вот, поди ж ты, врезалась в память!

Не спорить с террористами. Молчать. Не смотреть в глаза. Не ругаться, не качать права, сидеть и тихонько ждать спасения.

Если, конечно, Гаранин не обидится на бестолковых штатских и станет нас спасать. Я бы на его месте не спешила...

Тех, кто проявил меньшую расторопность, бронированные награждали тычками, сгоняя в кучу, как скот. Не знаю, почему начали только сейчас. Может, до сих пор пользовались полным равнодушием со стороны работников, чтобы «окопаться» здесь?

На пятачке, где разместили заложников, обычно проводили совещания и презентации, для чего из пола «выращивали» стулья и подгоняли проектор. Но сейчас тут было пусто, обеспечивать нас удобствами не спешили.

Тринадцать человек, десять моих и трое выделенных программистов, сконцентрировались возле меня и Майка, коллеги ныне покойного Джеймса. В отличие от начпрога, его зама на станции любили: редкий специалист, обаятельный, да еще симпатичный спортивный парень. Он и сейчас прикрывал широкими плечами остальных женщин – киберумницу Ольгу и физика-ядерщика Хему, мою подругу. Перед нами с Леной, прижавшимися к стенке, тоже уселись хмурые мужчины.

Порывания и окрики бронированных пресекли все разговоры и вопросы. Сбор заложников, к счастью, обошелся без новых трупов. Останки начпрога оттащили куда-то в другой угол, находящийся вне поля нашего зрения, за что я была искренне благодарна.

– Василиса Аркадьевна, что им от нас надо? – всхлипнула Леночка.

– От нас, наверное, ничего, – ответила честно. – Скорее уж от правительства...

– Эти из «Последнего дня», – через плечо шепнул Амадео Тотти, мой зам.

– Заткнулись! – рявкнул один из бронированных.

Лена дернулась и крепче вцепилась в мой халат. Я погладила ее по голове, сосредоточенно разглядывая пол и искоса наблюдая за перемещениями нападающих.

Их было всего пятеро. В непрозрачных снаружи шлемах, рослые, массивные из-за брони и с высоты моих полутора с хвостиком метров казавшиеся особенно огромными. Двое у входа, один – наверху, на эстакаде, четвертый возле нас – сторожем.

Сильнее всего беспокоил пятый. Он маячил в опасной близости от макета, болтался между пультами и гравитационной ловушкой в центре зала, чем приковывал напряженные взгляды всего отдела. Потому что одно неосторожное движение...

Астрофизическая часть «Черного лебедя» занимается изучением черных дыр и создаваемых ими пространственных проколов. X-I Лебедя, вокруг которой вращается станция – это система из голубого гиганта и черной дыры, за которыми мы наблюдаем с помощью зондов. Макет же представляет собой микроскопическую черную дыру в гравитационно-вакуумной ловушке.

Если эти психи что-нибудь там собьют, в системе двух звезд ненадолго появится третья, еще одна маленькая черная дырочка. Становится ее частью не хотелось никому, поэтому обстановка в зале была особенно нервной.

Если Део прав и это действительно «Последний день», ждать от них можно чего угодно. Религиозные фанатики, из психов психи. Идейные, с жесткой иерархией, готовые жертвовать собой и окружающими. Увы, чем больше мы узнаем о мире, тем с большим остервенением некоторые

темные личности начинают отрицать очевидное. То есть руководит ими, конечно, кто-то умный и зарабатывающий деньги, но рядовые исполнители...

В общем, я очень надеюсь, что им действительно что-то надо от правительства, а не просто уничтожить станцию с показательной казнью «пособников режима».

И как они вообще сюда попали, со всеми предосторожностями и учениями Гаранина?!

Тишину макетного зала нарушал только тихий гул антигравитационной установки; обычно незаметный, сейчас он сильно давил на нервы. Если террористы о чем-то переговаривались, то по внутренней связи, неслышно для окружающих. Трое стояли почти неподвижно, словно и не люди вовсе. Еще двое порой ходили туда-сюда, и их шаги грохотали в гудящей тишине набатом.

Сильнее этих звуков выматывала только неопределенность.

Страшно мне... было. Всем было страшно. Део нервно сжимал кулаки – он мирный, милый, добрейшей души человек, но от страха или волнения делается злым и дерганым. И Майк храбрился, наверное, только ради девочек, и остальные мужчины инстинктивно втягивали головы в плечи, хотя держались.

Как и им, слишком бояться мне мешала Лена, которая успела удариться в истерику первой. Да и...

Стыдно паниковать. Начальник все-таки. Тетка, по отзывам, строгая, но справедливая. Надо же соответствовать народному мнению! И не трястись. И думать о хорошем. Нас наверняка спасут, служба безопасности на станции на высоте, а черный полковник хоть и вредный мужик, но офицер и не сволочь, до такой мести, конечно, не опустится.

Через некоторое время в движениях захватчиков как будто прибавилось нервозности. Трое стражей закурили головами, стали переступать с ноги на ногу. Двое у входа начали скупно жестикулировать, о чем-то споря.

- Василиса Аркадьевна! – тихо-тихо выдохнула Лена. – Что делать? Я... Я в туалет хочу... Очень.

- Лена, а потерпеть? – без особой надежды спросила я.

- Не могу уже... Я чаю напилась, и страшно еще!

- Заткнулись быстро! – отреагировал на наши перешептывания ближайший из бронированных.

Мгновение подумав, я медленно, стараясь не делать резких движений, подняла руку, как на уроке.

- Разрешите обратиться, господа налетчики!

- Чего тебе? – похоже, обращение подобрала правильно, террорист как минимум не выстрелил молча.

- Нам бы в туалет сходить.

- Под себя сходите! – рыкнул второй.

- Пожалуйста, а то девушка стесняется. Нам далеко не надо, вот в тот угол хотя бы, где пальмы.

- Василиса Аркадьевна!.. – сделала страшные глаза Лена, пунцовая от смущения.

- Бегом! – разрешил первый.

- По одной, – добавил второй.

- Так быстрее получится, честное слово. И без истерик, – предупредила я, поднимаясь на ноги и поднимая Лену.

- Бегом, – более добрый махнул рукой, и второй на этот раз не стал спорить.

- Василиса Аркадьевна, я же не смогу, здесь же...

- Лена, жить хочешь? Тогда не ной, – шепотом рявкнула я, едва ли не волоком таща аспирантку за собой в противоположную сторону макетного зала. Там имелся зеленый уголок – из мелкого гравия и негустого «подлеска» торчало несколько крупных декоративных растений.

Лена очень специфическая девочка. Она большая умница в том, что касается науки, но во всех других сферах – слабое, неприспособленное к жизни существо. Капризный комнатный цветок, способный умереть от неосторожного взгляда. Что поделал, отец растил ее один, души в дочке не чаял и защищал от всего мира. Перестарался.

Я присмотрела ее на четвертом курсе, взяла под крыло и в чем-то заменила ей мать – по возрасту-то вполне гожусь. Да и для меня Леночка стала уже совсем не чужой. Хотя, конечно, если у меня когда-нибудь появятся дети – при современной продолжительности жизни и технологиях регенерации я в свои сорок шесть еще о-го-го! – сделаю все, чтобы они не выросли похожими на Лену. Потому что мучиться, рожать, потом тратить годы и мегаватты нервных импульсов на воспитание ради того, чтобы дети эти убились, оставшись в двадцать лет без присмотра, – на мой вкус, бессмысленная трата времени.

Макетный зал высотой семь метров имеет форму цветка с тремя лепестками. В сердцевине расположена защищенная силовым полем платформа гравитационной ловушки, вокруг нее – плотная сетка приборов. Следующее кольцо – пульты и рабочие станции. На потолке по центру – ответная платформа ловушки.

Сердцевину на высоте трех метров окаймляет открытая эстакада, разделяющая лепестки на два яруса.

В одном лепестке на обоих уровнях – зеленый уголок. Во втором – сейчас сидели заложники, ярусом выше – сияла яркая, наглядная голографическая модель нашей системы, возле которой обычно работали астрофизики, изучавшие не черные дыры, а саму двойную звезду со всеми ее планетоидами. Третий лепесток занимали программисты и техники, а над их головами размещалась зона отдыха.

Выходов в зале два, один над другим на разных уровнях, напротив зеленой зоны. И если основной шлюз не заметить сложно, то второй, ведущий в жилой отсек, дизайнеры тщательно замаскировали теми же панелями «под дерево», что украшали весь верхний ярус.

Когда бабахнуло, малиновая от смущения Леночка как раз вылезла из-под кустов. Я опять обхватила ее одной рукой за плечи и потянула вниз, на пол, под ближайший пульт. Потому что гравитация опять скакнула: кажется, нас начали штурмовать.

Бабахнуло у второго выхода, хотя понять это при здешней акустике было сложно. Зашипело, захрюкало. Закричали девчонки. С противным хлюпом и грохотом брони на пол со второго яруса рухнул обгорелый труп террориста, прямо возле нас.

Леночка испуганно булькнула, я тоже поспешила отвернуться, борясь с подступившей к горлу тошнотой.

Надсадно взвыла вентиляция. Загрохотали бронированные ботинки.

Откуда-то слева дохнуло жаром. Запульсировал на грани ультразвука, пробирая холодом по спине, сигнал тревоги.

Вот сейчас мне стало по-настоящему страшно.

– Сиди тут, не высовывайся, – велела аспирантке. А сама, шипя под нос ругательства, на четвереньках переползла к соседнему, контрольному, пулту. Рабочее место оператора только что сжег чей-то «меткий» выстрел, но доступ к нужным узлам, к счастью, имелся не только там.

Чтобы не высовываться и не тратить зря время, я цапнула из ложементов нейроконтакт и забилась под пульт, прилаживая липкий аморфный шарик к виску.

Не люблю нейротерминалы.

Установку я знала отлично. Все знали; не то оборудование, в работе которого можно позволить себе не разбираться. Экспериментальная, ненадежная, с открытыми контурами управления – это тебе не простой ядерный реактор, тут любое неосторожное движение может обернуться катастрофой. Ее поэтому и построили здесь, на станции. Вернее, станцию построили во многом ради макета и там, где он уж точно не навредит человечеству. В худшем случае людям грозила только потеря «Черного лебеда».

И этот худший случай, похоже, наступил. Установка пошла вразнос. От выстрела выгорела часть генераторов, остальные работали на пределе мощности и готовились последовать за товарищами. Как назло, система аварийного сброса макета тоже не отвечала: автоматика заявляла, что люк заблокирован.

Начала подозревать, что именно в этом состояла цель террористов. Просто потому, что поверить в случайность такого стечения обстоятельств еще сложнее...

Судорожные попытки остановить катастрофу были прерваны резким рывком за плечо.

– Черную дыру в задницу, ты что делаешь?! Сказано – в укрытие! Гр-гражданские!..

Нейрик отреагировал на внешнее прерывание, и вместо системного интерфейса перед глазами возникло искаженное злобой лицо. Я не сразу поняла, что это не террорист, свой.

Надо же, и правда – спасать пришел. Сам.

– Я как раз пытаюсь этого избежать, не надо повышать на меня децибелы. И руку уберите.

Пальцы Гаранин разжал, кажется, только от неожиданности. Я успела схватиться за пульт, а то грохнулась бы обратно на пол. Оглядевшись и не обнаружив поблизости бронированных террористов, выдвинула себе из пола кресло. И отложила нейрик.

– Избежать чего? – все же спросил вояка.

– Черной дыры в заднице, – пояснила ему. – Но вы пока все-таки отдайте приказ об эвакуации станции, у меня таких прав нет. А то общая сигнализация, кажется, выведена из строя теми бравыми молодчиками.

Надо отдать должное черному полковнику, слушать он умел и соображать тоже. Не случайно дожил до своих лет, хоть в этом нам всем повезло. Пока я пыталась договориться с установкой, Гаранин залаял в рацию. Фигурально выражаясь, конечно; просто у него очень резкий, грубый голос и отрывистая манера говорить. Если не вслушиваться, кажется, что где-то неподалеку лает здоровенный такой, злоущий кобель. Интересно, это природные таланты или результат долгих тренировок по выработке командного голоса?

А еще полковник не лез под руку. То есть навис надо мной, упираясь одной ладонью в край пульта, второй – в спинку кресла, вперился в экраны с таким видом, словно что-то понимал в происходящем, но все это молча.

– Эвакуация окончена, – через несколько минут прозвучал над головой голос Гаранина.

– Шли бы вы тоже к шлюпкам, – через плечо предложила я.

– После вас, – возразил полковник.

Я искоса глянула на мужчину. Он выглядел поразительно спокойным и собранным, даже чему-то улыбался уголками губ.

– В таком случае предлагаю поучаствовать в эксперименте, – решила я, запуская эмуляцию другого рабочего места. Как все же удачно, что мне подвернулся именно контрольный пульт!

– Какого рода?

– Я отсоединю отсек от станции, так удастся сохранить все остальное оборудование. И запущу прототип. Может быть, он заработает, и мы тоже выживем.

– Запускайте, – легко согласился полковник. – Прототип чего?

– Генератора.

Гаранин все понял правильно и умолк, я даже разрешила себе немного отвлечься и вырастить для него кресло: почти везде на станции пол покрыт толстым слоем полиморфного материала, который позволяет такие вот развлечения. Сложный прибор так не создашь, а мебель – запросто. На «Черном лебеде» другой вообще нет, все столы, кровати и стулья – из него.

«Отстрел», к счастью, прошел штатно, наш модуль переключился на самообеспечение и двинулся по заданной траектории к нужной орбите. Кажется, его немного клонило в сторону, но тут я положила на автоматику и маневровые двигатели.

Вокруг платформы гравитационной ловушки началось шевеление: приборы расползались в стороны, уступая место поднимающемуся из пола открытому тору, ошетиенному разнокалиберными наростами и петлями кабелей.

– Что это? – не выдержал полковник.

– Прототип, – прозвучало почти нежно.

Сомнения Гаранина можно понять: не участвуй я в создании этого агрегата, тоже не рискнула бы доверить ему жизнь. Да я бы и сейчас не доверила, но выбора не было.

То есть, конечно, был: сбежать, бросить станцию, спустить в черную дыру – в прямом смысле слова – несколько лет работы и прорву денег, вложенных в создание этого передового форпоста научной мысли. Деньги не мои, наработки можно восстановить, а я – не герой с горящим взглядом.

Но... загубить «Черного лебедя» не поднималась рука.

Да и страх куда-то пропал. Вот как подключила нейрик, так и прекратили дрожать пальцы, перестал скакать пульс, мысли закончили заикливаться вокруг возможных картин гибели. Стоило заняться привычным делом, и происходящее начало восприниматься как обыкновенный эксперимент, когда все просчитано, предусмотрены пути отхода, техника безопасности соблюдена, риски взвешены и заложены в программу испытаний с солидным запасом прочности. Никак не получалось осознать, что мои нынешние действия – буквально самоубийство. Положиться на непроверенную теорию, довериться аппарату, который еще ни разу не запускали в рабочем режиме...

Мы ждали результатов с «ЧЛР-46», и только после их анализа собирались запускать прототип – наладив дальнюю связь, отодвинув модуль на безопасное расстояние от станции. Но чуть-чуть не успели.

Генератор басовито загудел. Я откинулась на спинку кресла: больше от меня, кажется, ничего не зависело.

- И что генерит этот генератор? – воспользовался паузой Гаранин.

- Вы слышали о белых дырах?

- Которые как черные, но наоборот? Но это вроде воображаемая штука, нет? – удивил меня полковник широтой собственного кругозора.

- Теоретически их существование возможно. И даже в какой-то мере неизбежно. По основной теории, белая дыра возникает на противоположном конце пространственного искажения, созданного черной дырой, в момент коллапса последней. Ну, проще говоря, при определенных условиях черная дыра схлопывается и выплевывает всю свою массу в другой точке Вселенной в виде потока элементарных частиц. Вот этот возникший буквально из ниоткуда поток и является белой дырой, которая, выдав единственный мощный импульс, перестает существовать. Такой себе маленький Большой взрыв. На похожем принципе, кстати, основаны двигатели дальнего сообщения, хотя далеко не все теоретики с этим согласны.

- То есть? Двигатели двести лет работают, а вы до сих пор не знаете как?

- Для того чтобы использовать результаты какого-то эффекта, совсем не обязательно знать точный механизм, – пожала я плечами. – Человечество всегда так делает, во всех науках полно эмпирических зависимостей и коэффициентов.

- И куда нас выкинет эта штука?

- Теоретически – никуда, – осторожно ответила я. – Прототип должен... ну, будем считать, вывернуть нашу дырочку наизнанку и заставить ее коллапсировать. То есть она лопнет где-то там, а здесь мы получим белую дыру и зарегистрируем выброс материи. Теоретически.

- Значит, даже при штатном срабатывании и подтверждении всех прогнозов эта штука жажнет?

- Почему? – растерялась я.

- Потому что выброс вещества – это взрыв.

- Ловушка должна выдержать, – заверила я. – Еще сколько-то минут она проработает, а прототип уже почти вышел на расчетную мощность.

- Может, нам лечь?

- Вы, конечно, ничего, но сейчас точно не время и не место, – возразила я, искоса окинув мужчину оценивающим взглядом.

- Тьфу! – ответил Гаранин, но продолжить не успел.

Прототип натужно завыл, откуда-то посыпались искры. Мигнул и потускнел свет, ослабла гравитация – система жизнеобеспечения перешла на резервный контур. Я потянулась к пульту, но в следующее мгновение какая-то сила сдернула меня с места и впечатала в пол, да еще придавила сверху. Кстати, очень больно: если полиморф приятно пружинил, то броня начбеза на ощупь была очень твердой.

- Да что вы себе...

Но высказать возмущение до конца я не успела: по глазам ударило вспышкой, уши заложило от грохота, а потом навалилась темнота.

Глава 2

Среднестатистическое чудо

Пробуждение оказалось под стать всем предыдущим событиям. Меня неласково тряхнули за плечо, рывкнули почти в ухо:

- Подъем!

Дернулась, села, одновременно открывая глаза и пытаюсь сообразить, где я и что происходит. Причем очнулась с ощущением чего-то хорошего. Но, судя по окружающему, это самое «хорошее» было просто приятным сном и ничем больше. Сразу вспомнились и террористы, и искрящий прототип, и как Гаранин швырнул меня на пол. Полковник и нависал надо мной сейчас.

Лучше бы наоборот: приснилось все это, а приятный сон оказался реальностью.

Впрочем, я придираюсь. Мы же живы, это само по себе чудо!

- Наконец-то, - проворчал Гаранин. - Вставай и пошли, пес знает, что у них тут водится. Надо найти укрытие до темноты.

- А где мы вообще? - спросила я, одергивая сбившийся халат. Обеими руками зарылась в волосы, хорошенько поворошила, вытряхивая какой-то мусор. В очередной раз мельком порадовалась, как удобны и практичны короткие стрижки, которые я носила со времен учебы.

Под ногами обнаружили остатки полиморфного пола станции. Почти правильный круг метров десяти в диаметре с дымящимся остовом прототипа в середине лежал на какой-то поляне под синим, привычного земного вида небом с серо-белыми облаками. Между ветвей проглядывало светило, один в один Солнце.

Лес вокруг был редким, прозрачным и совсем не страшным. Цвет листвы показался скорее бирюзовым, чем зеленым, но в остальном деревья выглядели нормально, зелень под ногами казалась обыкновенным разнотравьем, да и земля с песчаными проплешинами ничем не удивляла.

- В лесу. Ходу!

- Какое красноречие. Спасибо, я уже догадалась. Ладно, к черту подробности! Какая это планета?

Но заговорила я на ходу, шагая следом за Гараниным. Как бы мирно все ни выглядело на первый взгляд, водиться тут могло что угодно.

Кстати, вполне вероятно, оно уже завелось в нас и потихоньку жрало изнутри. Комплексная прививка, конечно, самообучалась и потенциально была способна защитить от любой заразы и паразитов, но кто знает, как она сработает на практике!

- Это у тебя надо спросить, куда нас твоя установка забросила.

- Для начала можно сказать спасибо за то, что забросила она нас на поверхность пригодной для жизни планеты, - обиделась я за прототип. - По теории вероятности, это один шанс из триллиона, если не больше!

- Я просто счастлив, что эта хрень нас не угробила! - Гаранин в негодовании остановился и обернулся, угрожающе навис надо мной. Привычная жизненная несправедливость: надо мной не нависают только дети лет до двенадцати, а начбез, хоть и невысок для мужчины, все равно не настолько мелкий. - Все вы, ученые, психи. На кой черт вообще работать с такой опасной установкой, которую нельзя просто вырубить?!

- Если бы в нее не начали палить, ничего бы не случилось!

- Если бы вы все действовали по инструкции, не пришлось бы спасать ваши задницы! - парировал черный полковник.

- Если бы вы не дергали всех своими учебными тревогами, мы экстренную ситуацию не посчитали бы очередной вашей блажью!

- Если бы вы хоть раз уложились в норматив, не приходилось бы повторять раз за разом!

- Мы ученые, а не солдаты!

- Прекрасно! Изучай! - Он широко повел ладонями, кажется, имея в виду окружающий лес. - И скажи, где мы теперь находимся!

- Я астрофизик, а не биолог, - упрямо поправила его. - Могу заверить, что местная звезда - желтый карлик, спектрального класса...

- Я восхищен! - перебил полковник, негодуя всплеснув руками.

Пару секунд мы с ним мерились взглядами, после чего Гаранин сплюнул под ноги, опять развернулся и зашагал через лес. Мне ничего не оставалось, как двинуться следом.

Поговорили. Не с той ноги он, что ли, встал? А вчера, то есть на станции, такое хорошее впечатление произвел, я даже подумала, что зря мы его солдафоном называли! Но нет, солдафон и есть.

Конечно, если совсем честно, доля истины в его словах имелась. И немалая доля. Инструкцию мы действительно нарушили, и это действительно привело к печальным последствиям. Я раньше даже готова была признать его правоту и извиниться по меньшей мере от лица своего отдела. Но сейчас передумала. Терпеть не могу, когда на меня голос повышают. И крикунов благодаря отцу не люблю с детства, а Гаранин, похоже, из них. Жаль.

Полковник шагал твердо и уверенно, не оглядываясь и не проверяя, иду я за ним или нет. Заданный темп поддерживать было трудно, но окликать и о чем-то просить? Да вот еще. Не после всех его претензий.

Некоторое время я шла, мысленно ворча на начбеза. Потом... не то, наконец, проснулась, не то настигло осознание произошедшего, не то - все и сразу.

Это ведь чудо, самое настоящее чудо, что мы до сих пор живы. И террористы - сущая мелочь в сравнении со сработавшим прототипом. Правда, как именно сработавшим - непонятно, но везение фантастическое.

Только самая большая проблема состоит в том, что везти постоянно не может. И вполне вероятно, что лучше было погибнуть сразу.

Этот мир может оказаться враждебным. Возможно, мы уже больны чем-то по-настоящему страшным, что кончится мучительной смертью. Вон Гаранин уже проявляет агрессию. Пока борется с собой, но все же - вдруг это симптом?

И даже если нет, мы ведь можем оказаться где угодно. В галактике на другом краю Вселенной, в совсем другой Вселенной или в нашей, но в другое время. На миллионы лет вперед или назад. Я не возьмусь даже гадать, какое именно пространственно-временное искажение создал прототип и куда нас зашвырнул!

А если так, есть ли смысл цепляться за жизнь?

С такими мыслями переставлять ноги становилось труднее с каждым шагом, я начала отставать. Подумалось, что, вероятно, это и к лучшему: потеряюсь, пойду на корм местной живности. Надеюсь, она не отравится...

Я так углубилась в вязкие, унылые мысли, что совершенно перестала смотреть по сторонам. Очнулась, только врезавшись в Гаранина, который остановился и обернулся, явно поджидая меня.

Точнее, врезалась бы - мужчина поймал за плечо чуть раньше.

- Привал, - скомандовал коротко.

Я равнодушно кивнула, так же равнодушно уселась на какой-то камень, куда махнул рукой полковник. Не спрашивая о безопасности, приняла из рук начбеза мешочек из какого-то эластичного материала, наполненный водой из реки. Сделала несколько глотков, вернула остатки - только для того, чтобы Гаранин вылил их мне на голову.

Негодуя вскрикнула, дернулась, едва не упала с камня.

- Ты рехнулся?! - подскочила я. - Что ты делаешь?!

- Бужу.

- Солдафон! Тупое животное! - выдохнула, в бессильной злобе сжимая кулаки. Не бить же его по броне, в самом деле! Потом не выдержала и все-таки замахнулась, пытаясь отвесить пощечину.

Полковник легко перехватил мою ладонь, потом вторую, ловко завел руки за спину, оставив возможность только отбивать о броню ноги, брыкаться и ругаться.

Чем я и воспользовалась. Вложила в длинную тираду все, что думала о Гаранине с его методами,

а потом... Потом силы меня вдруг оставили. Я поняла, что едва стою на ногах, а больше вижу в руках мужчины – колени подогнулись от слабости. А еще... плачу? Я что, правда плачу?!

Нервно, судорожно всхлипнула. Начбез ослабил хватку, развернул меня к себе лицом, обнял одной рукой, другой – неловко погладил по голове, позволив уткнуться лбом в твердое бронированное плечо.

– Ну вот, другое дело, – спокойно заметил полковник. – А то я начал думать, что что-то с тобой не так.

– А что, это вот – так? – пробормотала я. Отстранилась, чтобы вытереть щеки рукавом халата. Было неловко от такой сцены и не по себе от невозмутимости Гаранина. – Я с пяти лет, по-моему, не плакала...

– Когда лабораторная девочка в момент смертельной опасности действует с точностью боевого дроида, это наводит на мысль, что у нее с головой не в порядке, – отозвался мужчина. – Полбеда, если она просто шизоид. А если от страха умом тронулась? Я все думал, как тебя проверить. Но у тебя, оказывается, просто отложенная реакция на стресс. Вот этот ступор и истерика уже больше похожи на нормальный откат.

– Наорали вы на меня после пробуждения ради проверки? – спросила хмуро, все еще избегая смотреть на мужчину и озираясь по сторонам.

Остановились мы у небольшой речки – узкой, темной, быстрой. Она бежала по крупным камням вроде того, на котором я сидела, и пахла тенистой сыростью. Все как на Земле. Даже, можно сказать, хорошо, если бы точно знать, что мы находимся на территории Союза.

– Отчасти, – со смешком подтвердил полковник. – Наорать мне хотелось на вас всех, давно. А тут не сдержался.

Признание далось мужчине удручающе легко. Похоже, он и правда не видел в этом ничего ужасного и повышение голоса на окружающих полагал нормальным. Досадно. Но... что поделать, другого спутника у меня нет. Лучше пусть кричит, чем руки распускает, в самом деле. Потерплю как-нибудь.

– А как же серьезная подготовка и боевое прошлое? – все же спросила я, внутренне опасаясь лишиться еще и этой надежды. Такие про него легенды рассказывали! Неужели окажется, что полковник – штабная крыса? Да нет, не должен, слишком уж уверенно себя ведет...

– Потому и не сдержался. – Гаранин жестом велел следовать за ним и зашагал дальше вдоль реки. Проглотив тяжелый вздох и поморщившись от оплетающей ноги усталости, я послушалась. – В боевом прошлом таких под трибунал отправляли за неподчинение приказам.

– То есть правду болтали, вы действительно во всех последних конфликтах участвовали? И награды имеете?

– Не во всех, – поправил полковник.

Я подождала, но продолжения и пояснений не последовало. Похоже, вспоминать об этом сейчас начбезу не хотелось. Или дело в том, что он в принципе не очень общительный тип?

– А куда мы идем? – решила я сменить тему.

Говорить на ходу оказалось трудно, сбивалось дыхание, но молчать тем более не хотелось. Слишком свежи еще были следы слез на щеках, и я опасалась, что, предоставленная самой себе и мрачным мыслям, могу опять не сдержаться. Теперь уже не из-за истерики, а осознав здравым умом всю безнадежность нашего положения.

– Туда, – Гаранин махнул рукой вниз по течению ручья. – Я, когда осматривался, нащупал там что-то интересное, похожее на следы цивилизации.

Осматривался он, надо полагать, не буквально, глазами, а с помощью какой-то техники.

– Нас что, выкинуло на обитаемую планету?! – не поверила в такую удачу.

– Дойдем – узнаем. Как тебя зовут-то хоть, лабораторная девочка?

– Василиса Аркадьевна, – ответила без особой надежды, что мужчина воспользуется полным именем. – А вас?..

– Захар. Можно Зар. И на «ты», не на пленэре.

- При чем тут пленэр? - опешила я.

- Ну там же все друг другу выкают и вежливые, - нехотя ответил Гаранин, хмуро глянув через плечо.

- На пленэре рисуют, там не выкают, - пояснила осторожно. - Это живопись на открытом воздухе. Может, вы раут имели в виду?

- Да пес с ним.

И опять - поговорили.

Насколько же сложный все-таки человек. Не верится, что у них с Баевым есть что-то общее! Что значит разные рода войск, разные обстоятельства службы и разные характеры, а! Денис Александрович - интеллигентный, порядочный до кончиков пальцев, ну просто офицер из старинных романов времен дуэлей и легкой кавалерии. Всегда вежлив, предупредителен, никто от него грубого слова не слышал, при этом слушались беспрекословно и решительно все. Был бы чуть помоложе и не так безнадежно женат, я бы точно влюбилась.

А Гаранин... В общем, никакого сравнения.

Впрочем, я сама тоже не литр сахарозы. Ну резкий он, путает пленэр с раутом, зато про белые дыры слышал. Но главное, умеет выживать среди дикой природы, в отличие от меня, и не бросает балласт в лице навязчивой... лабораторной девочки.

- Захар, а расскажите, что случилось на станции? Ну, до того, как я запустила прототип. Что было нужно этим людям? Выкуп?

- Официально - да, - против этой темы Гаранин явно не возражал. И даже на удивление не стал напоминать о том, что в успешном захвате виноваты бестолковые гражданские. - Но для этого они выбрали наиболее неподходящее время и место, а еще были слишком хорошо подготовлены: знали коды безопасности станции.

- И что это значит?

- Много вариантов, - пожал плечами полковник. - Дело точно в больших деньгах. Либо только в них и в каких-то исследованиях, которые вы проводили, либо еще и политика замешана. Но оставлять персонал в живых явно было не в их интересах.

- Погодите, но тогда выходит, что персонал в спасательных капсулах должен был стать чьей-то добычей? И этой командой мы только поспособствовали исполнению плана?! - осознала я, и по спине пробежал противный холодок. - Не один же корабль у нападающих!

- Не один. - И без того всегда кажущийся хмурым Гаранин заметно помрачнел. Похоже, именно эти мысли и не давали ему покоя. Ладно, мы вроде как живы, повезло; но что с остальными? Я-то была уверена, что все в безопасности, а выходит...

А что - выходит? Можно подумать, имелись другие варианты!

Имелся. Не отвлекаться на эвакуацию, сразу сообразить и отстыковать макетный зал, тогда все остались бы на станции, и... и что? Вряд ли те, кто на нас напал, не предусмотрели этот вариант.

- Захар, а если бы персонал остался на станции, у них было бы больше шансов? - тихо спросила я через десяток шагов.

- Не знаю. Я не знаю, сколько кораблей у «Последнего дня», чего они хотели и по какому плану действовали. Высадились с одного транспортника, который прислал сигнал бедствия и попросил разрешения на стыковку. Потом, когда мы их заблокировали на шлюзовой палубе, присосалась еще пара десантных капсул, до того замаскированных. Готовились они ловить капсулы и держали наготове еще несколько кораблей или хотели разом уничтожить всю станцию - не знаю. Может, я вообще не прав, и ничего уничтожить они не хотели, а план состоял в другом. Не знаю, Вася. Можно только гадать. Но у рассеянной группы шансов выжить обычно больше. В смысле у какой-то ее части. Так что... - Гаранин передернул плечами.

- Ясно. Не называй меня так, пожалуйста.

- Как? - не понял полковник.

- Хочешь сокращать - Леся, Лиса, Лися.

- Почему? - опешил мужчина.

- Потому что, если будешь называть меня Васей, имеешь все шансы при первом же удобном случае не проснуться.

- Какая ты свирепая, - рассмеялся Гаранин - так же неприятно, лающе, как говорил. Но угрозу, кажется, всерьез не воспринял. - Нет, Вася больше подходит.

- А если я тебя Харей буду называть? - возмутилась я.

- Да плевать. Зато смотри, как ты сразу выкать перестала! Чем тебя Вася-то не устраивает?

- Не люблю, - коротко огрызнулась я.

- В детстве, что ли, дразнили?

- Если скажу «да», это что-то изменит?

- Нет.

Ну вот, и снова - поговорили. Определенно, мне с этим человеком лучше молчать. Не зря мы его всей станцией избегали. Скорее бы уже дойти и...

А что, собственно, «и»? Я абсолютно уверена, что мы оказались не просто на поверхности кислородной, пригодной для жизни планеты, населенной разумными существами, но еще и входящей в Союз? Что нас сейчас тепло встретят, обрадуются и отправят домой? И Гаранина я больше никогда не увижу, поэтому можно позволить себе не искать с ним общий язык?

Стыдно признаться, но, кажется, да, именно в этом я и была уверена. Каким бы невероятным ни казалось подобное везение, принять как данность нашу с полковником оторванность от остального человечества по-прежнему не получалось.

Нет, пора уже потихоньку свыкаться с мыслью, что мне с этим человеком предстоит выживать вдвоем и ругаться с начбезом - последнее дело. Надо искать подход.

Правда, что ли, переспать с ним для уменьшения взаимной неловкости?

Я оценивающе оглядела стриженный затылок полковника. Если смотреть непредвзято, Гаранин весьма неплох. В отличной физической форме как минимум. Не красавец, да и обаятельным его назвать сложно, но и не противный. Никакой, честно говоря. Темные волосы, темные глаза, обыкновенное лицо с грубыми, тяжеловатыми чертами. Да у него, пожалуй, весь характер на этом лице написан, достаточно один раз взглянуть, чтобы понять: легко с ним не будет.

С другой стороны, во всем этом тоже есть определенная харизма. Суровый, властный мужчина, который привык командовать и способен убить недрогнувшей рукой. Жаль только, что я всегда предпочитала совершенно других мужчин. Не люблю, когда мной командуют.

Тьфу, ну и глупости же в голову лезут! Даже если бы Гаранин мне очень нравился, обстановка все равно не располагает к интиму. Ну не под ближайшим же кустом нам устраиваться, в самом деле!

Представила себе реакцию полковника, когда я пристану к нему с непристойными предложениями на ближайшем привале, - как начбез начнет вырываться, отбиваться и пытаться спастись бегством. С визгом.

Развеселилась, даже идти стало легче.

Про бегство я, конечно, утрирую, Гаранин - мужик сильный и подготовленный, скрутит только так. Но точно решит, что я умом тронулась от страха. Нет, все-таки нужно искать другие пути и, главное, за собой следить, не огрызаться по пустякам. В общем, постараться привыкнуть к его манере разговора и - смириться.

Некоторое время я шла, пытаюсь выбрать достаточно нейтральную тему для разговора. О службе расспрашивать не стоит, если воевал - скорее всего, воспоминания будут не из приятных. Тем более что один раз полковник уже от этого разговора ушел, второй раз пытаться пока не стоит. О семье и домашних тоже лучше не спрашивать, вся станция и так в курсе, что он не женат, а выяснять подробности - только душу травить. Это у меня, кроме Леночки, близких, считай, нет, а Гаранин, может, о ком-то скучает и переживает, что никогда больше не увидит.

Окажись тут кто-то из моих, можно было бы обсудить происшествие, построить теории. Но я догадывалась, что на это ответит полковник: или что мне виднее, поскольку моя установка, или что нет смысла гадать, все равно никаких данных. И планету эту тоже толком не обсудишь, мы о ней ничего не знаем.

А впрочем...

- Захар, а у тебя в броне есть какие-то полезные приборы? - Я снова догнала мужчину и зашагала рядом, чтобы не разговаривать с его затылком. - Откуда ты знаешь, что воздух тут пригоден для дыхания, а воду можно пить?

- Своевременный вопрос, - усмехнулся полковник.

- Ну, лучше поздно, чем никогда. - Я твердо намеревалась следовать своему решению и не ввязываться в глупые споры, поэтому ответила спокойно и уклончиво. Пока он не кричит, я точно способна держать себя в руках, как бы ни хотелось ответить колкостью. Проверено.

- Есть, - кивнул мужчина. - Это стандартный комплект, он при необходимости выполняет функции легкого скафандра - в вакууме и при посадке в не очень агрессивные среды. Тут и радиацию есть чем померить, и микробов проверить, и обеззаразить тоже.

- А террористы в таких же были? Мне не показалось?

- У них следующая модель. Но контора та же. Таких скафандров вообще по Союзу и за пределами как пыли, удачная модель получилась.

- А почему вам новые не выдали? - любопытствовала я. За службу безопасности станции стало немного обидно.

- А зачем? - Он пожал плечами. - Там уже лет двадцать отличие только в дизайне и разных свистоперделках, которые на работоспособность не влияют.

- И броня не тяжелая? Или там какие-то усилители есть?

- Ну, ты бы, пожалуй, далеко не ушла. - Гаранин окинул меня скептическим взглядом. - С другой стороны, детских размеров у брони в принципе не бывает.

- А если в килограммах?

- В половину тебя, - не изменил полковник собственной манере. - Около двадцатки.

- Слушай, скажи честно, зачем ты меня дразнишь? - спросила я со вздохом. - Ну ведь намеренно же. Взрослый мужик, а ведешь себя как малолетний хулиган, который не знает, как выразить девочке симпатию.

Захар покосился с насмешливой полуулыбкой, неопределенно повел плечами.

- Ты забавная, - наконец решил полковник. - На воробья похожа. Сердитый воробей - это весело.

- Прекрасно. Единственный человек на многие миллиарды световых лет в округе не может придумать ничего умнее, как веселиться за мой счет!

- А почему нет? - Мужчина вновь пожал плечами, и я подумала, что разговор на этом опять окончен. Но полковник неожиданно продолжил, очень спокойно и серьезно: - Когда сердишься или смеешься - не до лишних мыслей и не до паники. Ты держись хорошо, но не верю я, что не сорвешься. Это пока еще до тебя не дошло, в какой мы заднице.

- Да уж дошло, - поморщилась я. - Давай ты лучше будешь считать меня шизоидом, чем вот это все, ладно? Раз уж мы с тобой обречены на совместные скитания, вероятно, до конца жизни, не хочется ругаться, а я тебя такими темпами скоро ненавижу начну.

- Считаю я тебя могу кем угодно, на возможности истерики это не скажется.

- Скажется, потому что это близко к истине. Я по жизни немного эмоционально заторможенная и очень рациональная, - пояснила терпеливо. - И муж со мной из-за этого развелся, и после я предпочитала в долгие отношения не вступать. С любовниками проще, им внимание за пределами постели не нужно.

- А зачем он тогда вообще женился?

- Да я откуда знаю? Наверное, думал, что ради мужа брошу работу и перестану там дневать и ночевать. Это вы только на словах грозные и хочется вам такую жену, которая не мешает под ногами. А по факту нужна та, которая окружит заботой и соплю подтирать станет... Стоп, нет, я несправедлива. Такая нужна была Антону, с другими я не проверяла.

- А ты зачем замуж пошла?

- Молодая была, глупая, влюбилась. Надеюсь, что не придется выбирать.

Гаранин покосился с каким-то очень странным выражением в глазах, малость стеклянным, задумчиво кивнул:

- Вась, а лет-то тебе сколько?

- Сорок шесть, - призналась честно.

Полковник запнулся буквально на ровном месте. Я качнулась - подхватить его под локоть, но вовремя опомнилась и отдернула руки. Ну да, удержу я его, как же! Только сверху прилечу, если отцепиться не успею.

И правильно не полезла, мужчина и так устоял.

- Seriously? Я думал, лет двадцать...

- Мелкая собака до старости щенков, - улыбнулась ему. - Но вообще-то я начальник лаборатории.

- Извини, - после короткой паузы хмыкнул Гаранин. - Это кое-что объясняет. Мне, выходит, еще и с попутчиком повезло.

- Мне тоже, - кивнула, подтверждая перемирие. - Ты... извини, что мы там, на станции, не слушались. Всегда сложно поверить, что подобное действительно может случиться.

- Да ладно, с вас какой спрос, гражданские! - великодушно простил полковник. - Начальника вашего, вот его точно прибить хотелось. Идиот. Военный вроде, должен понимать! Да хрен там. А с таким его отношением глупо ожидать сознательности от остальных.

- Не трогай Баева, - нахмурилась я. - Он золотой человек, умница, вся станция на нем держалась!

- Если бы у него звания не было, с него и спроса никакого. Надел погоны - обязан соответствовать, - отрезал черный полковник.

Я открыла рот, чтобы возмутиться... но закрыла. Не надо с ним спорить, без толку. Баеву никакой разницы, а я только опять с Гараниным поругаюсь. У него своя правда и система ценностей, выбить ее из взрослого мужика не стоит даже пытаться. Хорошо еще гражданские у него занимают место неразумных детей, от которых не стоит ждать взрослых поступков и за некоторые вещи, конечно, можно поругать, но без надежды на правильные выводы.

Но, учитывая события, которые привели нас на эту планету, спорить с точкой зрения Гаранина, пожалуй, не просто сложно, а бессмысленно. Прав-то в итоге оказался он со своими инструкциями. Такая вот жизненная несправедливость.

Еще хотелось высказаться и объяснить, что надетые погоны совсем не всегда означают грубые манеры и сомнительный лексикон вкупе с уставом вместо мозга, но тут я уже сдержалась волевым усилием.

На этом разговор опять прервался, и возобновлять я его не стала. Случилось то, чего до сих пор удавалось счастливо избегать: дорогу пересек глубокий овраг с обрывистыми берегами, кажется, слишком длинный, чтобы можно было быстро обойти, и полковник решил форсировать преграду.

Я довольно крепкая, за своей формой слежу, но лазать по сыпучим стенам никогда прежде не пробовала. И впредь предпочла бы обойтись без этого!

Одна наверняка свернула бы шею на таком крутом спуске, а с помощью полковника - ничего, справилась. Не знаю, как он умудрялся балансировать на таком откосе в своей тяжелой броне, да еще при этом поддерживать меня. И, честно говоря, знать не хочу, все равно мне подобное не светит. Осталось только понять, какие высшие силы благодарить за такую удачу - со сработавшим прототипом, пригодной для жизни планетой и надежным спутником под боком.

Спустившись вниз, к бегущему по дну оврага ручью, мы снова остановились передохнуть. Гаранин проверил воду, опять набрал ее в тот фильтрующий и обеззараживающий мешочек, дал напиться, даже согласился полить мне на руки, чтобы могла умыться.

Хорошо, что это не безводная пустыня, опять повезло. Но уже начала беспокоить другая проблема - голод, хотя плакаться об этом я не стала. Вряд ли у полковника есть стратегический запас сухпайков, а ловить местную живность...

В общем, начбезу виднее, он наверняка понимает, что еда нам нужна, и если сможет, то решит этот вопрос.

Однако вопрос решил себя сам.

Меня вдруг сбила с ног какая-то тяжелая твердая туша – не сразу поняла, что это Гаранин. Плюхнулась спиной в ручей, холодная вода потекла за шиворот. Мужчина скатился с меня, проворно вскочил. В стороне раздался непонятный утробный, хриплый звук – и по глазам резанула яркая голубая вспышка, которая закончилась мерзким шипящим всхлипом и истошным визгом.

Последний отрезвил. Перед глазамиплыли яркие «слепые» пятна, но я забарахталась, пытаюсь выбраться из ручья и подняться, скользя в иле и тихо ругаясь себе под нос.

– Цела? – коротко спросил полковник, подхватил меня под мышки и поставил на твердую землю.

– Не знаю. Пока да. Теперь дело за прививкой, – пробормотала, пытаюсь проморгаться и прийти в чувство. – Что это было?

– Нами хотели подзакусить, но нам повезло. Вон местное зверье, полюбуйся.

– Не могу, я его не вижу, – ответила, уцепившись за Гаранина, который меня отпустил и, кажется, собрался куда-то сбежать.

– Совсем? – напрягся мужчина.

– Нет, просто от вспышки солнечных зайчиков словила, сейчас пройдет. Надеюсь. Это был выстрел?

– Да. Сядь вот здесь, если ослепило – должно скоро пройти. Я запасусь ужином. Надеюсь, эта тварь съедобна.

– Ты не знаешь, что это за животное? – спросила я с робкой надеждой.

– Впервые вижу.

Вскоре засвеченные пятна перед глазами действительно побледнели, и я смогла «познакомиться» с местным обитателем. Крупный зверь, около метра в холке, с лохматой серо-зеленой шерстью, длинной широкой мордой и крупными зубами. Вроде и привычного вида, но – другой, как весь окружающий лес. Явно родня, но с земными не спутаешь.

Ничего удивительного в этом, однако, не было. За время пристального изучения космоса люди выяснили, что наличие жизни на планете – не такое уж уникальное явление, и наряду с весьма экзотическими существами, построенными на совсем иных принципах, во Вселенной хватает вполне понятной белковой жизни, местами даже близкородственной земным видам. В том числе – разумной жизни. С некоторыми «братьями по разуму» мы оказались даже совместимы биологически, и смешанные браки никого уже не удивляли.

Не знаю, какие там теории на эту тему сейчас популярны у биологов, никогда не интересовалась, но лично мне всегда казались дикими докосмические представления об уникальности человечества. Ну нет во Вселенной ничего уникального, если уж нашелся какой-то интересный объект – его классификация и обнаружение многочисленной родни лишь вопрос времени. Это работает в микромире, это работает в макромире, так с чего бы вдруг это не должно работать на среднем уровне человеческого восприятия?

– Как хорошо, что хищник – одиночка, – заметила я, разглядывая труп. Гаранин отхватил ему задние, более мясистые, лапы и теперь пытался скрепить их так, чтобы было удобно нести.

– Не уверен, – возразил полковник. – Ты оклемалась? Надо убираться поскорее, не родня – так охотники за падалью набегут. Можно и их пострелять, но смысла нет.

Гаранин закинул связанные звериные лапы на плечо. С них капала кровь, выглядело это первобытно и весьма зловеще, хорошо еще броня темная, на ней не так заметны брызги.

Нож, какая-то веревка... до чего же многофункциональный костюм!

И мы опять пошли, теперь – вверх по склону оврага. Это оказалось немного проще, чем вниз, но извозилась я окончательно. Халат после взрыва-то уже не был белым, купание в ручье добавило разводов, а этот подъем окончательно добил. И халат и, похоже, меня. Но жаловаться я себе запретила и продолжила упрямо плестись за полковником. Не стоит осложнять ему жизнь своим нытьем и тем более проситься на ручки, пусть лучше охраняет.

Где-то через полчаса мы отошли, по мнению начбеза, на достаточно безопасное расстояние, и начали разбивать лагерь. Точнее, это я примазываюсь, все взял на себя Гаранин. Он с сомнением посмотрел на меня, спросил, умею ли готовить на костре, и, получив честное «нет», махнул на ствол большого поваленного дерева с наказом сидеть и не отсвечивать.

Сам же сложил костер, ловко напластал мясо, нанизал его на заготовленные вместе с дровами прутья, отложил в сторону и занялся подготовкой ночлега. Укладываться спать стали у

вывороченного комля все того же рухнувшего дерева, под которым образовалась укромная пещерка. Встопорщенные, с комьями земли, белые корни производили жутковатое впечатление. Казалось, что они хищно шевелятся и ждут добычи, так что я бы предпочла держаться от них подальше. Но мнение это оставила при себе. Сама терпеть не могу, когда дилетанты лезут со своими ценными советами в дело, в котором ничего не понимают, не стоит им уподобляться.

Неведомый зверь на вкус оказался препротивным. С болотистым, гнилостным душком, горьковатый, а если учесть отсутствие соли и каких-либо приправ – то и вовсе мерзость. Зато, по заверениям полковника, он был вполне съедобным и безо всяких инородных включений вроде паразитов. К счастью, мясо хотя бы получилось мягким и хорошо прожаренным, не знаю уж, как Гаранин сумел этого добиться. Наверное, опыт.

Все-таки мне очень повезло с попутчиком.

При наличии выбора такую дрянь, конечно, есть не станешь, но нам оставалось только морщиться и терпеть.

- Какая гадость, – проворчала я, с трудом проглотив очередной кусок.

- А он нам радовался, – усмехнулся в ответ полковник.

- Да я ему тоже рада, не голодать же. Но мечтать о чем-нибудь повкуснее это не мешает. Только мечтать теперь и остается...

- Не обязательно, – возразил Гаранин. – Тебя не смутило, что он напал?

- Меня не смущает даже то, что мы его сейчас едим, несмотря на сомнения в съедобности. Почему меня должны беспокоить его вкусовые пристрастия?

- Мы люди, мы жрем все, что шевелится. И у нас есть приборы, которые подтверждают пригодность этого в пищу. А у него – не было.

- Предлагаешь поделиться?

- Хищники не нападают на незнакомую добычу. Только совсем уж от безысходности. В лесу полно другой, более привычной живности, но он выбрал нас. Почему?

- Потому что мы больше? – предположила я со смешком. – Не знаю, где ты тут живность разглядел, я вообще ничего не видела... Ты к чему клонишь-то? Я в биологии не разбираюсь совсем, имей в виду.

- Ты не была отличницей в школе? – Гаранин недоверчиво вскинул брови.

- Нет. По медицине и биологии у меня натянутый трояк.

- Почему?

- Потому что я не люблю живое, – объяснила снисходительно. – Цифры и звезды гораздо интереснее. Что не так-то с этим животным?

- Оно посчитало нас за привычную добычу. – Гаранин решил не продолжать разговор о моем образовании. – Значит, тут водятся если не люди, то нечто очень похожее.

- Ах во-от ты о чем! Ну да, логично. Но получается, что люди тут недоразвитые и вообще дикари? Иначе бы звери скорее шарахались, чем нападали.

- Вероятно. Но это если я прав и звери похожи на нормальных. Может, они просто тупые и агрессивные.

- А у тебя в школе по биологии, наоборот, пятерка была? – заинтересовалась я.

- Только по физкультуре, – ответил мужчина весело. – Это не школа, это позднейшие навыки выживания. Обустройство лагеря в полевых условиях, защита от биоугрозы. Повадки хищников входят туда же.

- Ну ничего себе... Я думала, военных воевать учат, а это все туризм какой-то!

- Это примерно как сказать, что все ученые с микробами возятся, – усмехнулся Гаранин. – Специальности разные, учат разному.

- И чему учился ты?

- Выживать, – насмешливо отозвался полковник. – В любых условиях. И выполнять поставленную задачу.

- Это что за род войск такой?

- Дальняя разведка. Спецназ.

Я только и смогла, что уважительно кашлянуть в ответ. А начбез-то наш и вправду крут!

Дальняя разведка отвечала за открытие и освоение миров и контакты с новыми, неизвестными цивилизациями. Не то военные, не то спецслужбы – я никогда толком не знала, к чему они относятся, но зато, как и большинство обывателей, видела кучу фантастических боевиков про этих ребят. Конечно, если судить по фильмам об ученых, беспрекословно верить вымыслу режиссеров не стоило, но какое-никакое представление о службе ДаРа благодаря им имелось. Например, о том, что спецназ этого ведомства – такие особые люди, которые решают самые щекотливые вопросы в самых непредсказуемых обстоятельствах.

Мне, выходит, не повезло, а за пределами повезло: вляпаться в такую передрагу не просто в сопровождении опытного мужчины, но в сопровождении того, кто фактически всю свою жизнь к подобным приключениям готовился. И «приключался», надо думать, регулярно.

- Как же тебя на нашу станцию занесло?

- Отдохнуть захотелось, можно сказать, на заслуженную пенсию вышел, – отозвался Гаранин. И я как-то сразу поняла, что соврал. Не знаю, почему и зачем, но соврал.

- А почему именно туда? У тебя такие навыки и опыт...

- Подвернулась удачно, – продолжил отмахиваться полковник. – Тихое, спокойное подведомственное учреждение. Почти курорт.

- Как это «подведомственное»? – растерялась я. – Мы же от Академии наук...

- Наивная женщина, – развеселился начбез. – Все исследовательские объекты в космосе, удаленные от обитаемых миров, принадлежат юрисдикции ДаРа. И многие не исследовательские тоже. Ты наелась?

- Да. Вернее, нет, но больше я это есть не могу.

- Значит, наелась. Иди ложись спать, я тут приберу, чтобы нам без завтрака не остаться.

- Я не смогу там спать, – призналась, с неприязнью косясь на вывороченные корни.

- Куда ты денешься, – и не подумал проявить сочувствие Гаранин.

- Там же насекомые! А если что-нибудь за шиворот заползет?! – поежилась от одной мысли об этом. – Омерзительно! Можно я лучше тут, снаружи?..

- Жить хочешь? – оборвал причитания полковник. – Тогда лезь в нору.

Умеет он уговаривать...

Глава 3

Рыбохотпчелоконтроль

Опасалась я правильно, толком выспаться в этом месте так и не получилось. Было душно, жестко, постоянно что-то мешало и куда-то не туда упиралось, песок и земля на коже заставляли ежиться, чесаться и ощущать прикосновения мерзких лапок насекомых. С одной стороны царапали и щекотали корни, с другой – больно давили неровности костюма Гаранина, который лежал с краю. Хорошо еще одежда, а вернее, многострадальный халат неплохо защищал от холода.

Кроме того, с наступлением ночи в лесу закипела жизнь, постоянно кто-то пробегал мимо, заставляя сжиматься и ждать нападения. А стоило закрыть глаза – и из темноты выскакивали террористы, мир взрывался цветными вспышками и погибал в огромной черной дыре.

Полковник несколько раз недовольно шипел, когда я особенно сильно дергалась, я шипела в ответ. Несколько раз забывалась в полусне, но быстро вскидывалась от очередного кошмара. Так и прошла ночь.

Не знаю, удалось ли отдохнуть Гаранину с такой беспокойной соседкой. Он выбрался из укрытия, когда снаружи едва-едва рассвело. Стало посвободнее, но в отсутствие мужчины я начала еще старательней прислушиваться к окружающему миру, вынужденная бороться, ко всему прочему, и со страхом остаться в одиночестве. То ли начбез уйдет и бросит меня тут, то ли его сожрет какая-нибудь местная живность...

В общем, долго я в одиночестве не выдержала и выбралась наружу, старательно отряхиваясь и ероша волосы. Хорошо, что они у меня черные, жесткие – сосульками не слипаются, грязь хотя бы не видна, пусть и чувствуется.

Радовали меня в это утро только практичность собственной прически и отсутствие рези в животе и тошноты: значит, вчерашняя неведомая зверушка усвоилась хорошо. В остальном настроение было отвратительным, да и погода – ему под стать. Зябко и сыро, в воздухе то ли частая морось, то ли редкий туман. С листьев печально капало.

- Там ручей. – Гаранин вместо приветствия махнул рукой в сторону. – Вода нормальная.

Я молча поплелась в указанном направлении. Уточнять, насколько он уверен в нормальности воды, не стала. Какая разница, в самом деле! Можно подумать, у нас есть выбор.

Ручей оказался достаточно большим и очень холодным. Я долго и старательно терла лицо, пыталась поливать себе на голову, чтобы промыть волосы, пока покрасневшие руки не свело от холода. Ни хорошего настроения, ни желаемой бодрости все это, увы, не прибавило.

- Ты в него упала, что ли? – спросил полковник, когда я опустилась на корточки у костра, протягивая к огню озябшие руки.

- Без комментариев, – ворчливо ответила, не глядя в его сторону.

Горячие язычки пламени слегка разогнали меланхолию. Но вскоре погода определилась, непонятное нечто превратилось в дождь, и идти куда-то окончательно расхотелось. Гаранин тоже не выглядел бодрым, но мы оба проявляли взаимную сдержанность, не срывая дурного настроения. Это дома можно поругаться и спокойно разойтись, а здесь подобной возможностью обладал лишь полковник. Но благородно ею не пользовался.

Вот и оставалось обоим сидеть, недовольно кривиться в предвкушении завтрака, слушать стрекот дождя по листьям. И думать о том, что скоро придется плестись дальше через лес, и вряд ли у начбеза есть какой-то прибор, способный определить, насколько затянется непогода.

- Ты чего? – пробормотала я, когда Гаранин поспешно, одним пружинисто-хищным движением встал и пристально взгляделся в мокрую бирюзовую хмарь леса.

- Ты не слышишь? – напряженно спросил он, отстегивая от крепления на бедре оружие.

- Не слышу чего? – озадачилась я. И только теперь поняла, что стрекотал не дождь, больше того, звук явно приближался. Тоже медленно поднялась.

- За спину! – скомандовал полковник, и я послушалась безоговорочно, затаилась между бронированным мужчиной и ненавистным древесным комлем. Но через пару мгновений не выдержала и все-таки любопытно высунулась из-за плеча.

- Как думаешь, что это? Какие-то животные?

- Скоро узнаем. Если что - в нору, поняла?

- Да. - Высказывать в очередной раз собственное отношение к этому месту я не стала, уточнять, если что, - тоже.

А через несколько секунд на прогалину выбралась... выбралось...

- Оно живое? - шепотом спросила я, но Гаранин пристально следил за появившимся существом и не стал отвлекаться даже на то, чтобы предостерегающе шикнуть.

Больше всего оно напоминало какое-то насекомое вроде паука, но одновременно с этим механизм, потому что откровенно поблескивало металлом и не имело ни глаз, ни пасти. Огромное, метра три в высоту, с длинными суставчатыми ногами, оно ловко лавировало между деревьями, а на свободном месте возле нашего лагеря опустилось на брюхо.

На спине существа сидел мужчина. То есть человек. То есть совсем человек. Он не просто выглядел похожим на человека, в чертах его лица не было даже намека на инаковость. Если бы не экзотический транспорт, я бы точно решила, что мы попали на какую-то из колоний Союза.

Следом за первым из леса выбежала еще пара гигантских насекомых со всадниками, а чужак тем временем спрыгнул на землю.

Нет, насчет его обыкновенности я приврала. Да, это был человек, но был он потрясающе хорош собой. Словно ненастоящий, как лицо какой-то рекламной кампании, собранное стремящимся к идеалу дизайнером. Два метра ростом, фигура атлета, обтянутая эластичным серебристым комбинезоном. Белоснежные длинные волосы, собранные в сложную косу с какими-то вплетенными фитюльками - толстенную, с мою руку. Я даже на мгновение позавидовала подобному богатству. Глаза ярко-синие, большие, такие... затягивающие. Глаза от удивления при виде нас еще больше расширились. Потом совершенно очерченные губы тронула легкая улыбка - и мужчина что-то сказал.

Мой лингвистический имплант, увы, никак не отреагировал - этого журчащего, мягкого языка он не знал. А вот Гаранин вдруг ответил на том же наречии, чем еще сильнее озадачил собеседника.

- Ты что, знаешь этих?!

Полковник отрицательно дернул головой и вскинул руку, жестом прося меня замолчать.

С минуту они что-то обсуждали, к разговору присоединились еще двое мужчин. Тоже, кстати, сногшибательные красавчики - один такой же блондин, второй светлый шатен. Я ужасно страдала оттого, что не понимала слов, но, судя по тому, что оружие Гаранин опустил и даже как будто слегка расслабился, прямо сейчас нас убивать не планировали.

Потом полковник вовсе убрал пушку, и я почти успокоилась, даже немного высунулась из-за его широкой спины, чтобы лучше видеть. Через пару секунд начбез обернулся, подхватил меня под локоть и потянул к аборигенам.

Однако возникло неожиданное препятствие, шатен заступил ему дорогу и принялся что-то втолковывать. Внутри все заледенело от накатившей жути: что, меня они брать не хотят?!

Гаранин некоторое время препирался, причем аборигены махали руками на свои аппараты и что-то хором доказывали, а полковник упрямылся. Но потом, явно нехотя, сдался и обернулся ко мне.

- Значит, так. Мы с тобой упали, похоже, в заповеднике или заказнике, а это - местные егеря. То есть черт знает, кто они на самом деле, но лингва считает такой перевод наиболее близким.

- И что, нас за ту тварь сейчас расстреляют? - испугалась я. - Она жутко редкая и уникальная?

В это мгновение блондин номер два запрыгнул на своего зверя и пустил его, кажется, в ту сторону, откуда мы пришли. Решил похоронить останки?

- Нет, они даже не заикались о наказании. Наоборот, приятно удивлены, что мы выжили.

- А тут, случайно, не травят людей дикими зверями? Может, они как раз хищникам охоту устраивают?! - еще сильнее напряглась я.

- Да не похоже, - неопределенно хмыкнул начбез. - Они явно настроены дружелюбно и настаивают на том, чтобы отвезти нас в город, пока не пришли новые хищники. Но мне категорически не нравится желание нас разделить. Аргументируют невозможность ехать на одном транспорте не отсутствием места, а грузоподъемностью, и тут уже не поспоришь.

- А, ты об этом ругался! - облегченно вздохнула. - А то уж я подумала, меня вообще брать

отказываются.

- Как раз наоборот, - возразил Гаранин. - Тебе они очень рады и еще поспорили за честь везти, а меня делили по остаточному принципу. У них к тебе слишком сильный и явный интерес, чтобы объяснять его только любопытством. И это нехорошо. Будь осторожна. Помни, аборигены - не друзья, и кто знает, что у них в головах.

- И что именно им от меня может быть нужно? - кисло спросила я.

Оставаться один на один с кем-то из аборигенов, даром что они те еще красавчики, совершенно не хотелось. Гаранин прав, это совсем не друзья и даже не обязательно люди. Вдруг они меня как деликатес воспринимают? А привлекательной внешностью заманивают...

- Всякое может быть, - поморщился полковник. - Но оставаться в лесу в любом случае не вариант.

Скептический взгляд, которым мужчина окинул мелкую меня в грязном халате, совершенно не обидел. Понятно, что один бы он где угодно продержался, но не с таким балластом.

- А откуда ты знаешь их язык, если с ними контакта нет?

- А я и не знаю. Это лингва расширенная, как у контактеров, с каким-то хитрым алгоритмом и кучей баз, она с легу умудряется переводить, - пояснил начбез. - Твоя самообучается?

- Вроде должна, но ей нужна база, - с сомнением ответила я.

- Хорошо. Если нас не разделят, займемся твоим обучением. Если разделят... Будь осторожна, я постараюсь тебя найти.

- Только сам никуда не вляпайся! - попросила с тревогой.

- Да уж сильнее вроде бы некуда, - Гаранин насмешливо подмигнул и подвинул меня к первому блондину. Видимо, именно этот абориген выиграл спор.

К нашему разговору он прислушивался с интересом и улыбкой, но не было похоже, что понимал сказанное. Надеюсь, что не понимал.

Блондин протянул руку. Я неуверенно оглянулась на Гаранина, но тот ничем не мог помочь, оставалось лишь принять приглашение. Предложенная ладонь была сильной, теплой и совершенно человеческой на ощупь.

Меня подвели к транспортному средству, потом обхватили обеими руками за талию и с легкостью подняли на спину паука. Там, утопленные в корпус, стояли два кресла, одно за другим, и мне досталось заднее.

Хорошо, что их представления об удобстве совпадают с моими! А то была я один раз на историческом фильме с эффектом присутствия, очень познавательном, с симуляцией верховой езды и всяких других древних развлечений. Несмотря на то что эффект явно смягчили, чтобы не травмировать нежную психику избалованных комфортом современных людей, на выходе я искренне радовалась, что живу совсем не в той эпохе.

Паук шел быстро и очень мягко. Между деревьями петлял ловко, без труда перешагивал кусты и буреломы, пересекал овраги, почти не снижая скорости, тело мягко покачивалось на виражах, сохраняя горизонтальное положение. Стрекотал вот неприятно, но в остальном - очень удобная штука, пусть и немного не по себе от отсутствия фиксирующих приспособлений. Однако я так и не смогла определиться, живое это насекомое или точный механизм. Может, что-нибудь среднее?

Я то и дело оглядывалась, опасаясь потерять из виду второго. Но если нас с Гараниным и планировали разделять, то не прямо сейчас. Егеря шли параллельными курсами, не теряя друг друга из виду, и я позволила себе немного расслабиться. Кажется, мы с полковником вытянули по-настоящему счастливый билет: ко всем прежним радостям добавились еще и высокоорганизованные аборигены с близкой нашей моралью. Поразительно.

Интересно, в чем причина? В случайное совпадение довольно сложно поверить, слишком большое получается везение. Значит, ключ в том, что случилось на «Черном лебеде» в момент запуска прототипа. Выходная точка пространственного прокола была выбрана не случайно, а каким-то образом самонавелась вот сюда. Каким? А черт ее знает!

Но если допустить, что мы остались в пределах собственной Вселенной и не слишком сильно прыгнули во времени, то... Прототип открывает широчайшие возможности. Это же удачный эксперимент по телепортации биологического объекта! Самый настоящий прорыв в науке, который...

В котором я смогу разобраться только после возвращения в Союз и при условии сохранности хоть каких-то данных эксперимента. А нас там наверняка уже похоронили, даже если остальные обитатели станции уцелели и не попали в руки к террористам.

«Если вернемся», – я окончательно спустилась из заоблачных бесплодных мечтаний в реальный мир. Станный, чужой, но, как говорится, данный в ощущениях. И лучше думать о нем, а не о работе!

Однако любоваться пейзажем мне надоело еще вчера, блондинистая длинная коса тоже наскучила, а дорога оказалась слишком долгой. Кроме того, несмотря на разумное опасение аборигенов, я все равно чувствовала себя спасенной и уже почти не тряслась за собственное будущее. И после непродолжительной внутренней борьбы все-таки отдалась роящимся в голове отвлеченным мыслям.

Очень жаль, что нет никакой информации. Ни показаний приборов в момент срабатывания прототипа, ни сведений о местном звездном небе, ни чего-то еще, что позволило бы хоть примерно оценить вектор и расстояние...

Впрочем, отсутствие показаний – это не такой уж тупик, если подумать. Можно же исходить из запаса энергии в прототипе, а ее было не так уж много.

Положим, достоверной и экспериментально подтвержденной оценки кривизны межгалактического пространства до сих пор не существует. Но той мощности, которой мы располагали в момент прыжка, не хватило бы на его прокол по любой из известных мне теорий. Значит, с наибольшей вероятностью мы остались в родной галактике. Даже, скорее всего, в нашем рукаве. Теперь уже мысль о том, что мы находимся на территории Союза, не казалась столь фантастичной. Тогда это, скорее всего, один из миров-заповедников, в которых обнаружена разумная жизнь, пока не готовая к контакту и подлежащая наблюдательному изучению.

Впрочем, все это работает, только если рассматривать перемещение в нашем, родном пространстве. Теория множественности Вселенных вполне правдоподобна и имеет право на жизнь, а наш прокол мог вести не вдаль, а вглубь. И тогда весь мой оптимизм рассыпается, как атом московия на свежем воздухе.

Разумеется, размышления эти не привели ни к каким результатам, но зато развлекли и совершенно успокоили. Поэтому, когда лес кончился, я пребывала в самом лучшем настроении за все время нахождения на незнакомой планете.

Кончился лес вдруг, очень неожиданно и резко. А следом началось нечто, чему я далеко не сразу сумела подобрать название.

Это была огромная и безукоризненно симметричная широкая коническая гора с чуть усеченной верхушкой, очертаниями похожая на нарисованный по линейке вулкан. По-настоящему огромная, особенно в сравнении с совершенно плоской равниной, она возносилась минимум на пару километров. За ней в дымке угадывались похожие силуэты, но разглядеть их за пеленой дождя не получалось.

На поверхности горы кишели транспортные средства, похожие на нашего паука. Они быстро перебежали по склонам и исчезали в норах, буквально изрешетивших каменный конус.

«Муравейник», – сообразила я наконец. Гигантский, населенный многими тысячами существ, копошащийся...

«Человейник», – всплыло в голове через пару секунд уточняющее. Я точно знала, что придумала это слово не сама и сейчас, а где-то когда-то вычитала, но вспомнить так и не смогла.

В любом случае ощущения это строение будило очень неприятные, хотя я толком не могла бы объяснить почему. Может, оттого, что я ненавижу насекомых и любые ассоциации с ними сами по себе вызывают отвращение?

Какая несправедливость! Почему столь красивые внешне, буквально совершенные существа живут в подобном месте? Глядя на егерей, я ожидала увидеть легкое каменное кружево домов-дворцов, роскошные сады и фонтаны, но никак не вот это!

На первый взгляд казалось, что движутся транспортные пауки по человейнику хаотически, но вскоре я начала различать в их перемещениях некую систему. У местных явно существовали правила дорожного движения, пусть и непонятные с ходу.

Мы влились в общий поток, я заозиралась чаще и тревожней, боясь потерять из виду Гаранина. Но второй паук пристроился позади и не отставал. Сначала пару минут ехали по склону горы, потом – по тоннелям.

Внутри странный город оказался симпатичнее, чем снаружи. Аккуратные, просторные, прямые коридоры тянулись во все стороны. Свет испускали сами стены – приятный, теплого желтого оттенка, неясной природы. В основном достаточно однообразные, коридоры порой прерывались настоящими произведениями искусства: местами проходы украшались тонкими барельефами, иногда мы пересекали небольшие площади, в центре которых красовались своеобразные клумбы из крупных светящихся полупрозрачных цветных кристаллов и окружающих их, кажется, лишайников – рассмотреть подробнее я не успевала.

На нас глазели. И всадники, и пешеходы, которые начали попадаться в недрах странного города, останавливались и провожали взглядами.

А спустя некоторое время я поняла: не на нас, на меня. Потому что среди местных почти не было женщин. Смотрели со странным восхищением и ожиданием – это стало отлично заметно в глубине горы, где скорость заметно снизилась.

Наверное, если бы не это «почти», я бы заранее ударилась в панику и вернулась к самым нехорошим предположениям о том, куда мы попали. В сочетании с общим видом человеки отсутствие женского населения наталкивало на зловещие мысли о королеве-матке и пресловутых жертвоприношениях. Но представительницы слабого пола все же попадались, пусть в небольшом количестве и совершенно обычные, не столь прекрасные, как их мужчины.

Утешало и то, что женщины перемещались вроде бы свободно и казались довольными жизнью. Не опускали затравленно взгляды, не производили впечатления затюканных, а, наоборот, смотрели уверенно и прямо, с понятным любопытством.

Пешеходы перемещались по полу, а вот наш паук совершенно невозмутимо бежал по потолку, развернув ноги в суставах на сто восемьдесят градусов. С себе подобными на этом потолке, порой сбегая частью ног на стену, он расходился очень ловко и без заминок.

Мы углублялись все дальше в недра города, но на ощущениях это никак не сказывалось. Не было сырой затхлости и спертого воздуха, вполне комфортные условия. Похоже, несмотря на странный вид поселения, местные достаточно цивилизованы для создания надежной вентиляции, что не могло не радовать.

Запоминать дорогу я даже не пыталась, потерялась еще на втором повороте, зато с интересом разглядывала местных и стены. Правда, и то и другое скоро наскучило. Каждое светящееся панно выглядело прекрасно, но они быстро слились в одно.

Наряды местных озадачивали тем, что не имели половых различий. Подавляющее большинство жителей носило простые приталенные платья длиной до колен с разнообразными декоративными узорами, порой тоже светящимися, и юбками разной ширины. Эластичные комбинезоны вроде тех, в которых щеголяли наши егеря, попадались редко, только на спешащих куда-то всадниках – кажется, это было что-то вроде рабочей одежды или униформы. Пару раз я точно видела мужчин в штанах и свободных рубашках без рукавов, но скорее в порядке исключения.

Смотрелось это забавно. С одной стороны, ничего столь уж необычного: чужая культура, и в истории земных народов – это даже я знала! – порой тоже встречались похожие наряды. Но с другой – толпа брутальных мужиков в юбочках все равно вызвала неуместное и глупое веселье, которое я вежливо держала при себе, чтобы никого ненароком не обидеть. Что поделать, стереотипы, а земные мужчины подобного сейчас не носят.

Закончилась поездка в небольшом тупиковом зале с цветной клумбой посередине. Блондин легко спрыгнул на землю, рядом точно так же выгрузились второй егерь и Гаранин. Я уже приготовилась повторить маневр, все же высота небольшая, но делать этого не пришлось. Белобрысый с теплой улыбкой протянул руки, чтобы достать меня со спины паука. Возражать я не стала, позволила крепко обхватить себя за талию, сама оперлась о широкие плечи.

Ладони на моих боках абориген, будто невзначай, задержал куда дольше необходимого и смотрел при этом слишком пристально, словно жадно приносиваясь. Потом опять легко приподнял и потянул к себе, явно намереваясь прижать, но я поспешно уперлась ладонями в его грудь.

Стало здорово не по себе. Конечно, блондин был сногшибательно хорош, и мужское внимание льстило, но только где-то в глубине души. На первый план выступил страх перед непонятным чужаком, сдобренный острым осознанием собственной хрупкости и беззащитности рядом с ним.

До чего все-таки огромный и сильный мужик! Ощущение, что упираюсь в камень. С таким попробуй справься! Этот получит, что ему нужно, не особо интересуясь мнением жертвы, и еще повезет, если в процессе я выживу...

Однако всерьез запаниковать не успела, блондин все-таки разжал тиски своих лапиц и отпустил. Я тут же на всякий случай шарахнулась к подошедшему Гаранину. Он хоть грубый и вредный, но к

моим женским прелестям в достаточной степени равнодушен. А главное, есть надежда, что начбез вступится, если вдруг местные проявят излишнюю настойчивость.

- А ты ему понравилась, - поддел полковник, от которого мои маневры не укрылись.

- Предпочитаю знакомиться с мужиками до постели, - огрызнулась, нервно одергивая халат.

Блондин что-то проговорил, хмурясь, Гаранин ответил. Взгляды, которые местный бросал на меня, не оставляли сомнений о предмете разговора.

- О чем вы говорите? - не выдержала я после нескольких реплик.

- Извиняется, говорит, что не хотел пугать, но ты ему так понравилась, что он не сразу взял себя в руки.

- Что, вот эти несколько слов так длинно звучат? - не отстала я, опять прервав разговор мужчин.

- Нет. Он несет фигню.

- Какую?

- Да погоди, - отмахнулся Гаранин.

Они еще немного поговорили, и блондин жестом попросил следовать за ним. Жест явно предназначался мне. Второй егерь замкнул процессию.

- Ну? - Я нетерпеливо подергала полковника за локоть. - Что там? Не молчи! Это же напрямую касалось меня!

- Надо срочно обучать твой языковой модуль, - проворчал мужчина. - Короче, если в двух словах, он заявлял, что очень хочет испытать с тобой восторг слияния и будет непередаваемо счастлив, если ты остановишь выбор на нем.

- А ты что ответил? - заинтересовалась я.

- Что тебе сначала нужно выучить язык и разобраться, насколько наши виды похожи. Он на сто процентов уверен, что все пройдет прекрасно, но согласен подождать и, конечно, не будет принуждать.

- И что, они все тут такие озабоченные? - Я бросила опасливый взгляд на блондинистый затылок. - И готовы прям без знакомства влезть на первую попавшуюся бабу?!

- Во-первых, женщин у них тут, насколько мы видели, подозрительно мало, так что, может, нет возможности привередничать. А во-вторых, озабоченная тут ты, - усмехнулся полковник.

- Это еще почему? - Обвинение ошарашило своей неожиданностью.

- С чего ты взяла, что под слиянием он понимает секс? - продолжил насмехаться Гаранин. - Переводчик вот считает это понятие совсем не таким простым, иначе так и назвал бы.

- Ну, знаешь ли! - насупилась я. - Когда тебя лапают и так смотрят, волей-неволей подумаешь об этом!

- Не знаю, как-то не доводилось испытывать.

- Очень жаль, - огрызнулась недовольно. - Жаль, что ты этих ребят не заинтересовал!

- А ты чего орешь-то? - насмешливо уточнил начбез. - Сама хотела знать, о чем мы говорили, сама сделала поспешные выводы, а я виноват?

- Когда тебя тискает туша на полметра выше, в два раза тяжелее и на порядок сильнее, которая вроде бы не настроена тебя сожрать, зато явно способна изнасиловать, в ее платонические намерения поверить сложновато! - прошипела я, бросив на спутника злющий взгляд.

- Ты испугалась, что ли? - сообразил он наконец.

- Нет, я исключительно озабоченная тетка!

- Тихо, - оборвал Гаранин. Вроде негромко сказал, но прозвучало твердо, так веско, что все невысказанные слова неожиданно застряли в горле. Поймал меня за руку. - Ты женщина, гражданское лицо. Я несу за тебя ответственность. Подобного я не допущу, не волнуйся, только сама постарайся не нарываться.

- Спасибо, - глубоко вздохнув, выдавила я. Даже несмотря на произнесенные уточнения «если буду рядом» и «если буду жив», от этого обещания стало легче.

Все-таки здорово я перетрусилась под взглядом блондина, надо что-то с собой делать.

А впрочем, что можно сделать? О том, что ты маленькая и слабая женщина, легко забыть на работе, среди цивилизованных людей, для которых пол и физическая сила начальника не имеют никакого значения. Тут же... черт их знает, этих аборигенов, насколько они ушли от каменного века! На первый взгляд вроде неагрессивные, а копни поглубже - и неизвестно, какие вскроются обычаи.

Разговаривали и выясняли отношения на ходу. Декоративное панно на стене оказалось дверью, за которой обнаружился небольшой зал - круглый, со скамейками по периметру, прерывающимися разноцветными вставками, такими же, как на входе. Блондин вместе с нами остался здесь, предложил сесть, но мы отказались. А второй егеря исчез за одной из дверей.

Интересно, все ли узорчатые панно, встреченные по дороге, были проходами? Может, и украшения на них не только украшения, а нечто вроде надписей? Увы, понимать письменную речь импланты не способны, даже самые продвинутые вроде гаранинского.

Повисла тишина. Блондин продолжал заинтересованно пялиться на меня, хотя рук больше не распускал. И заговаривать не пытался - кажется, понял, насколько глупо охмурять женщину через переводчика. А я продолжала жаться к полковнику. Потому что как бы ни ехидничал начбез над моей озабоченностью, какой бы смысл ни вкладывали местные в то, что называли «слиянием», а блондин разглядывал меня с откровенно мужским интересом. Ну мне же не десять лет, я уже давно научилась ощущать такие вещи!

Второй егеря вернулся через пару минут в сопровождении еще одного мужчины, на этот раз светло-рыжего, который выглядел несколько старше двух других, а вот одет был точно так же, в облегающий комбинезон. Тело под ним казалось не менее тренированным и совершенным, чем у младших.

Местные забросали Гаранина вопросами. Попытались и меня, но я только разводила руками. Полковник что-то коротко сказал старшему, видимо, о моей неспособности легко освоить незнакомый язык, и теперь мне доставались только любопытные взгляды.

Еще через несколько минут старший пригласил нас в следующую комнату, которая довольно сильно отличалась от остальных. Освещение тут обеспечивали уже встречавшиеся раньше кристаллы в специальных подставках, а стены были обыкновенными, каменными, со сводчатым потолком, украшенным по периметру широким бордюром барельефа с ненавязчивым геометрическим орнаментом.

У противоположной от входа стены - низкое просторное ложе, отгороженное легкой полупрозрачной занавеской, по левую руку - круглый стол в объятиях мягкого дивана, выгнувшегося подковой, справа - отдельное кресло, возле которого стоял большой тусклый шар на ножке, жемчужно-серый, без надписей и опознавательных знаков. Однако я каким-то десятым чувством поняла, что это совершенно точно не элемент декора. Скорее, некий прибор, только сейчас, похоже, неактивный.

Нам предложили сесть, Гаранин молча подтолкнул меня к дивану. Блондин тут же поспешил устроиться рядом, чем заставил насторожиться. Однако больше никаких провокаций вроде ладоней на коленках или спинке дивана мужчина не совершал, так что я опять расслабилась и волевым усилием заставила себя немного отстраниться от полковника, в чью броню вжималась уже инстинктивно при малейшем намеке на опасность.

Тоскливо было слушать незнакомую речь и нестерпимо грызло любопытство, но дергать Гаранина с просьбами перевести я больше не стала. Откинулась на мягкую спинку дивана, обвела пустоватую комнату оловянным взглядом, потом прикрыла уставшие от непривычного освещения глаза, а потом...

Потом меня разбудил полковник, потому что под монотонную непонятную болтовню я умудрилась крепко заснуть на плече Гаранина. Что поделать, сказывалась тревожная ночь в лесу. А здешнюю обстановку мое подсознание, похоже, считало гораздо менее опасной.

- Все в порядке, - успокоил Гаранин в ответ на невысказанный вопрос. Когда я прозевалась и поднялась на ноги, блондин опять выступил в роли проводника. - Этот рыжий - самый большой начальник наших егерей, - на ходу принялся рассказывать начбез. - Один из важнейших людей в городе, но я не понял почему. Кажется, он пасет не только дикую живность, но отвечает и за местных обитателей. Об этом они говорят очень неохотно. Нас поселят тут, неподалеку, в пустых жилых комнатах.

На этом ликбез пришлось прервать: идти оказалось совсем недалеко, до соседних панно в том же

отсеке, а на месте блондинчик принялся показывать, что как работает. Не хотелось пропустить что-то важное.

Свет гас и загорался по хлопку – удобно. Желтые стены, такие же, как в общественных местах, подобной способности не имели. При необходимости даже можно было отрегулировать яркость каждого кристалла, для чего следовало гладить его снизу вверх или сверху вниз. Двери тоже открывались от прикосновения, кажется, работали на обыкновенном емкостном эффекте, как первые сенсоры. Комнатки нам достались одинаковые, типовые, неотличимые от комнаты начальника, разве что матовых шаров с креслами не было – их место занимали кладовки для вещей за очередными барельефными дверями.

Еще к каждой комнате «прилагался» санузел с душем. Немного странной конструкции и непонятной природы, с постоянно текущей водой, но вполне удобные.

Потом нас накормили. Гаранин проверил пищу и признал ее пригодной. Какое-то мясо с неопределенной рассыпчато-рубленой субстанцией – не то злаком, не то овощем, не то грибами. Мне, честно говоря, было плевать: главное, на вкус оно оказалось прекрасно, особенно по сравнению с напавшим на нас редким зверем. Почти не соленое, правда, но это такие мелочи!

Посуда у местных тоже была своеобразной: светло-серая, цвета старого бетона, снаружи такая же шершавая, а внутри – как будто отполированная. И очень легкая, словно из какого-то пенопласта. Глубокие полусферические миски, такие же чашки без ручек – пиалы, как подсказала лингва. И все, никакой другой посуды, они даже ложками не пользовались.

После еды нам предложили отдохнуть, пообещав позаботиться об одежде на первое время. И когда мы остались вдвоем, полковник наконец удовлетворил мое любопытство и здорово обнадежил.

Фантазии о перемещении в пределах нашего рукава Галактики оказались совсем не бесплодными. Города-муравейники и паукообразный транспорт напомнили Гаранину пейзажи планеты, открытой совсем недавно, буквально полгода назад, и еще толком не обследованной. Он видел их изображения в информационных сводках «для служебного пользования», к которым имел доступ и которые по старой памяти регулярно проверял.

Где именно находилась планетная система, начбез, правда, не вспомнил, но это почти не расстроило. Главное, на орбите сейчас должен был висеть большой исследовательский корабль. И перед самым входом в катакомбы Гаранин запустил зонд, который испускал сигнал SOS и сообщение о том, кого, откуда и как надо спасать.

Поручиться за достоверность этих предположений полковник, конечно, не мог, но я все равно почувствовала себя окрыленной. Даже несмотря на то, что по времени прогноз не слишком радовал: зонд, хоть и надежный, и долговечный, с подзарядкой от солнца, отличался малой мощностью и дальностью связи. Исследовательский корабль, конечно, регулярно менял орбиту в соответствии с рабочей программой, но наткнуться на наш маячок мог и через месяц, и через год.

Верить в ошибку относительно планеты я отказалась сразу, все-таки особые приметы у нее были весьма яркими. И версию параллельной Вселенной тоже решительно отбросила. Может, «подберу» потом, когда станет ясно, что нас никто не заберет. Года через два. Не местных, сколько бы они тут ни длились, а стандартных, земных.

Однако даже при всем этом «оптимизме» было очевидно, что нужно обживаться на новом месте и налаживать контакт с аборигенами. Благо приняли они нас весьма радушно. Правда, о себе многое не рассказывали, просто уходили от разговора.

Но и о нас, что странно, почти не расспрашивали – откуда взялись, почему, зачем. Мельком поинтересовались гаранинской броней, но когда услышали, что это такой костюм, спокойно закрыли тему, хотя продолжали поглядывать настороженно. О работе полковника тоже не расспрашивали, ни в каком шпионаже или чем-то еще подобном не подозревали. Удовлетворились ответом, что он охранник, а моя биография и род занятий аборигенов тем более не интересовали. Главное, что их волновало, это наши с начбезом взаимоотношения и наличие общего потомства, и, когда полковник честно ответил, что никаких отношений нет, местные заметно повеселели.

У них впрямь оказалось очень мало женщин, хотя точную цифру полковнику не назвали, сделав вид, что не поняли вопроса. Такой дисбаланс, мягко говоря, озадачивал. Как они вообще выживают?!

На этот вопрос егеря тоже внятно ответить не смогли. Или не захотели. Утверждали, что это нормально, что они всегда так жили и детей рождалось достаточно. Да-да, это совершенно не вредит здоровью женщин, благодаря слиянию их силы поддерживают выбранные мужчины. Каким образом? Местные не объяснили, а моих познаний в биологии явно не доставало.

Еще один кирпичик в стену настороженности. Женщин мало, работать они, судя по всему, не работают, постоянно рожают и, похоже, занимаются только домом. Не самая радужная

перспектива.

Нет, теоретически я неплохо отношусь к детям и даже согласна на парочку лет так через десять-пятнадцать. Но что-то подсказывало: местное «много» – это существенно больше двух. Если исходить из соотношения женщин и мужчин один к десяти – то не менее полутора десятков для нормального восполнения численности.

Гаранин попытался расспросить про слияние, предчувствуя мой интерес, но эта тема тоже оказалась неблагоприятной. Аборигены лишь мечтательно закатывали глаза и говорили про единение на всю жизнь, про детей, про семью, про... короче, по охам-вздохам полковник предположил, что это нечто вроде института брака, только в более древнем, нерасторжимом смысле, а не как у нас сейчас. То есть один раз, священно и навсегда. И, похоже, местные мужики все без исключения мечтали о таком счастье – быть выбранным для слияния какой-нибудь женщиной. Причем какой именно – без разницы.

Высокие отношения, м-да.

– Как думаешь, они говорили правду? – спросила я, когда полковник поделился добытыми сведениями.

– Да черт знает, – неопределенно пожал он плечами. – Вроде да. Но этот перекося численности выглядит слишком уж неестественно.

– Хорошо еще, что у них тут не единственная матка, как у муравьев! – возразила я. – А то при виде здешней архитектуры хочешь не хочешь – вспомнишь насекомых. Я, конечно, тот еще специалист, но что-то не припомню подобного у гуманоидов. Нет, ну бывали всякие пещерные города, но чтобы высокоразвитая цивилизация жила в муравейнике?! Сюда бы толкового ксенолога!

– Если я правильно определил планету, то он где-то здесь есть, и не один, – пожал плечами Гаранин. – Ладно, ложись-ка спать, а то глаза слипаются.

– Я хотела сначала помыться, – опомнилась, поднимаясь с дивана, на котором мы сидели. Шагнула в сторону уборной, но на полпути обернулась. – Захар, не подумай чего-нибудь эдакого, но можно мне спать с тобой?..

– Нужно, – спокойно кивнул полковник. – Иди в душ, потом я схожу.

Теплый душ добавил хорошего настроения и надежды на лучшее, хотя выползла я из него, засыпая на ходу. При этом без особого удовольствия куталась в собственный грязный халат, накинутый на голое тело. Белье развесила сушиться в санузле, и присутствие полковника меня на этом этапе нашего знакомства уже не беспокоило: взрослый, нормальный мужик, вряд ли его можно смутить видом женского исподнего.

Когда я шагнула в комнату, Гаранин уже снял броню и остался в тонком нательном комбинезоне. В таком виде начбез с непривычки казался совсем мелким, особенно по сравнению с аборигенами. Защита придавала массивности, а так, худощавый, невыразительный, даже по человеческим меркам – ниже среднего роста. Не знаю уж, как он собирался противостоять аборигенам при такой разнице весовых категорий. С другой стороны, лично мне даже удобнее: смотрела на него все равно снизу вверх, но хоть не утыкалась носом в живот, как с аборигенами...

Где-то на этой мысли я и уснула, забравшись под пушистое легкое одеяло. Кровать оказалась потрясающе удобной, да и подушка – выше всяких похвал.

Не знаю, что с нами планируют сделать местные, но даже если соберутся принести в жертву – умру я счастливой.

Глава 4

Культурный барьер

Имена у местных все-таки были. Блондина, который с самого начала вдохновенно нянчил нас и учил языку, звали Нурием, его начальника – Марием.

А больше никого, кроме этих двоих, мы за прошедшую пару дней не видели, причем старший из мужчин заходил лишь изредка, больше помалкивал и наблюдал. У меня сложилось странное впечатление, что Нурий намеренно так все устроил, причем с единственной целью: обаять меня.

Тактика на удивление приносила плоды. Я привыкла, перестала от него шарахаться и вскоре нашла эти два метра рельефной мускулатуры весьма... милыми. Причем совсем не из-за внешности, а потому, что ко мне Нурий относился с подкупающим восхищением, как к произведению искусства или реликвии, и буквально трепетал от волнения и радости каждый раз, когда я ему улыбалась.

Страх перед егерем прошел достаточно быстро и сам собой. А потом мы обсудили напугавший меня инцидент и окончательно его замяли: Нурий очень горячо и искренне извинился за несдержанность в момент прибытия. Мол, уж очень я ему понравилась. После такого признания обижаться и бояться было уже неуместно, тем более что ничего плохого мужчина не сделал. Ну перевозбудился парень с непривычки, ладно, на первый раз можно простить.

Гаранин задумчиво хмыкал, наблюдая за нашим общением, и порой достаточно недобро поддевал Нурия. Но тот издевки просто не понимал, так что я со своим заступничеством не лезла, хотя парня становилось жаль: это походило на избивание младенца, пусть и моральное.

А если не считать интереса Нурия, знакомство с окружающим миром происходило спокойно и размеренно.

Местные сутки оказались на три часа длиннее земных, а год – дольше почти в два раза. Выяснилось, что аборигены живут на удивление долго, в пересчете на земные – в среднем лет по сто двадцать, то есть чуть меньше современных землян. Открытие это еще немного примирило нас со странностями местного населения. Большая продолжительность жизни, низкая смертность и женщины, рожаящие по двадцать детей без особого вреда для здоровья, – это, кажется, вполне компенсировало пугающий половой дисбаланс.

Кстати, про количество детей – это уже мои домыслы, тему рождаемости оба наших партнера по контакту обсуждали неохотно, ограничиваясь уклончивым «достаточно», и сразу же перескакивали на пропаганду слияния. Увы, настоять на ответе у нас не было никакой возможности, оставалось молча скрипеть зубами и в очередной раз выслушивать, как это прекрасно, какое это счастье и как Нурий мечтает, чтобы я согласилась испытать это удовольствие с ним. Потому что заткнуть токующего о прекрасном аборигена тоже не получалось: говоря о слиянии, он просто ничего не слышал.

Слияние их, к слову, тоже странный выверт природы. При таком численном перекосе куда логичнее было ожидать полигамии и свиты из нескольких самых интересных ей мужчин рядом с каждой женщиной. А у них – наоборот, в почете беспримерная верность.

Гаранин за это время существенно обогатил словарный запас. Если сначала он почти все понимал, но отвечать мог только короткими репликами, то теперь болтал бегло, даже произношение подтянул. Я тоже делала успехи в освоении языка, уже могла сносно общаться, но уверенности полковника еще не достигла. Что значит опыт и высокие технологии!

За пределы комнат нас не выпускали. Уверяли, что это временно и дело в нашей неподготовленности и незнакомстве со многими очевидными для местных вещами.

Я подозревала, что это дело рук Нурия, который пытался избежать конкуренции в борьбе за меня. При необъяснимом попустительстве начальника, который видов на чужачку, кажется, не имел. Полковник ехидничал и советовал помнить, что мир не вертится вокруг меня. Ему в происходящем виделся какой-то заговор.

– По-моему, у тебя уже профессиональная паранойя, – заметила я вечером второго дня, когда Нурий и Марий ушли, а мы остались вдвоем. – Аборигены кажутся вполне дружелюбными и даже безвредными. Да и вообще, зачем им вокруг нас так увиваться, если они даже информации никакой добыть не пытаются? По-моему, им просто плевать, что мы инопланетяне.

– Вась, ты как будто никаких триллеров про контакт с чужими цивилизациями не смотрела, – скептически хмыкнул Гаранин.

– Хочешь сказать, они все правдивы? Обычно «основано на реальных событиях» сводится к тому, что

кто-то где-то нелепо убился, а буйная фантазия сценариста сделала из этого голофильм на три часа, – насмешливо высказалась я. – Да ладно, не косись так снисходительно. Я прекрасно понимаю: доверять местным неразумно, со мной играет злую шутку их похожесть на людей. Но ты явно в другую сторону перегибаешь... или нет? – осеклась наконец под насмешливым взглядом полковника. – Или ты знаешь о них больше, чем рассказал?

– О них – нет, и триллеры обычно сильно преувеличивают. Но ни один внезапный контакт не обошелся без проблем, а зачастую – трупов первопроходцев. Думаешь, вокруг каждой новой планеты ради удовольствия такие пляски устраивают?

– Я ни о каких кучах трупов не слышала, – призналась задумчиво.

– В правительстве считают, что предание огласке таких случаев грозит чуть ли не геноцидом для инородцев, – пожал плечами Гаранин. – А по мне – так лучше пусть боятся, чем лезут новые миры открывать.

– То есть уголовная ответственность за высадку на планеты, не внесенные в Зеленый лист, их не останавливает, а пара страшилок заставит передумать? – скептически хмыкнула я.

– Нет. Но если бы их еще разрешили не спасать!.. – размечтался полковник.

О том, что нам может грозить наказание за нарушение упомянутого закона, я не беспокоилась. Там речь шла о сознательной высадке, а не о падении терпящего бедствие корабля и уж тем более – не о неконтролируемом перемещении с помощью экспериментальной установки. Пожурят, конечно, но и только.

– Ну ладно, положим, меры эти оправданны, но ведь не всегда незапланированные контакты оборачиваются трагедией! Почему ты думаешь, что сейчас мы все еще в опасности?

– Считай это чутьем и жизненным опытом, – проворчал начбез. – Не нравятся мне некоторые особенности их культуры. Слишком странные для высокоорганизованных разумных существ.

– Например? – озадачилась я.

– Отсутствие интереса к нашей цивилизации, вообще ко всему, что лежит за пределами знакомого им мира. Любой из известных разумных видов нас бы уже наизнанку вывернул, но выяснил цели визита, численность, вооружение, намерения. А они даже вопросов таких не задают, только на наши отвечают. Иногда. Вообще спектр тем для разговоров очень узкий. Причем попытки затронуть какие-то другие вопросы вызывают странную реакцию, ты не обратила внимания?

– Я их еще не так хорошо понимаю. Но вроде они просто меняют тему, нет?

– Не просто, а безо всяких эмоций. Как попытка программы выполнить недопустимую операцию: короткая пауза на обработку запроса, а потом резкий переход к чему-то понятному.

– Хочешь сказать, они роботы? – опешила я.

– Заманчиво, но – зачем? – развел руками Гаранин. – Роботов должен создать кто-то и с какой-то целью, и я что-то не вижу подходящей. В эту версию не укладывается питание местных и некоторые другие потребности, но отбрасывать ее совсем не стоит. Проверять надо.

– Это все? – хмуро уточнила я.

– А тебе мало? – Полковник усмехнулся. – Поехали дальше. Напрягают местная архитектура и полное отсутствие выраженной классовой розни вместе с понятием роскоши. Единственный показатель статуса – наличие женщины. Различия нет ни в жилых комнатах, ни в одежде. Может, нам, конечно, ничего не показывают как чужакам, но не могут же они *совсем* не стремиться выделиться? Прически абсолютно одинаковые, одежда тоже. Даже если они военные и у них тут война и осада идет вовсю, все равно хоть какая-то разница должна быть! Мундир генерала в любой культуре отличается от мундира рядового – не внешне, так хоть материалами. А тут всеобщая уравниловка. Про военное положение это я условно, не бойся. Не похожи они на людей в осаде.

– Может, это реальная антиутопия? Или, наоборот, утопия? – все же включилась я в обсуждение. – Например, после какой-то катастрофы они решили изжить все человеческие пороки, начиная со стремления к этой самой роскоши. Но перестарались и изжили заодно исследовательское любопытство.

– И что, думаешь, извели естественным путем? – хмыкнул он. – Уговорили всех людей? Воспитали?

– Вряд ли, – я качнула головой. – Но я пока не видела у них ничего, похожего на устройство для регулярного промывания мозгов, и вещества они никакие подозрительные не употребляют, а еду ты

проверял. Может, они изменены на генном уровне? Или достаточно одной процедуры?..

- Может, так, вариантов уйма. Излучение, например. Ты как физик должна больше в этом понимать.

- Как физик я знаю только, что электромагнитным воздействием на мозг можно добиться много чего интересного. А точнее не скажу. Говорю же, я не по живому. Ладно, и что нам со всем этим делать? - Я вопросительно выгнула брови.

Испугаться по-прежнему не получалось, несмотря ни на что. А вот любопытство грызло все настойчивей.

- Надеяться на генные изменения, - отозвался Гаранин. - Или на то, что они изначально вот такие. Или еще на что угодно, вариантов масса. Идти-то пока некуда. То есть можно попробовать вернуться в лес, только это еще глупее и рискованней, чем оставаться тут. У меня даже аптечки внятной нет, а ты совсем не приспособлена к дикому выживанию. К тому же нет уверенности, что мы правильно определили планету и шансы на спасение объективно существуют, а болтаться по лесам всю оставшуюся жизнь - мрачная перспектива. Оставим побег на крайний случай, если заметим признаки изменений.

- Согласие остаться, невзирая на риск, это не признак? - спросила я полушутя.

Возвращаться в лес очень не хотелось, Гаранин сказал правду: не приспособлена я к такому.

- Теперь ты ударились в другую крайность, - развеселился полковник. - Нет, не признак. Мы сюда изначально шли с многочисленными подозрениями. Я - точно. Ладно, хватит голых теорий. Отбой. Завтра экскурсия, может, что-нибудь ценное узнаем.

Мы по-прежнему спали в одной комнате, как в первую ночь: обоим так было спокойнее. Гаранину за меня, мне... тоже за меня. А что - люди взрослые, стесняться нечего, да и кровать достаточно широкая, чтобы лишний раз не пересекаться.

Я улеглась и еще долго ворочалась, обдумывая слова мужчины. Странностей в местных действительно полно, и далеко не все их полковник упомянул.

Например, галиги, те матовые шары в комнатах. С их помощью местные общались на больших расстояниях и управляли, как они выразились, «некоторыми процессами в городе», но подробностей мы не получили - даже минимальных, даже на бытовом уровне. И это вызывало вопросы. У нас самый непросвещенный в технических вопросах человек сможет вспомнить хоть про радиоволны и биоэлектронику, пусть и никогда не объяснит, как именно это работает. А галиги у местных просто были. И все. Вопросов о принципах работы аборигены категорически не понимали.

Гаранинский переводчик, кстати, не сумел подобрать внятный аналог этому понятию. Впрочем, это ничего особенного не значило: у лингвистов всегда проблемы со сложной техникой, даже при почти полном функциональном соответствии. И еще с эмоционально-чувственной сферой, такой вот парадокс.

Может, именно через галиги аборигенов и зомбируют? Тогда хорошо, что нас до них не допустили. Хотя и странно: казалось бы, самый удобный выход и способ нас завербовать...

Конечно, ничего полезного я в итоге не надумала, но хотя бы уснула.

Завтрак нам, как обычно, «привел» Нурий. Для переноски всего подряд у местных использовались пауки-арении разных размеров. Так, один маленький паучок с плоской крышей-спиной, нагруженный мисками с едой, хвостиком следовал за блондином. Как ими управлять, егерь тоже не объяснил, сказал: «Он просто идет, куда надо».

А вскоре после завтрака за нами явилось сопровождение. Высокий и красивый, как все местные, мужчина со светлыми волосами и держащая его под руку женщина.

Получив возможность рассмотреть местную даму поближе, я испытала легкое разочарование. Здешние женщины действительно были совершенно обыкновенными. Именно эта - круглолицая, с русыми кудряшками и смуглой кожей, невысокая и полноватая - казалась миленькой, но не больше того. Ни намек на совершенные пропорции мужчин. Невысокая по сравнению со своим семейством, надо мной она возвышалась всего на полголовы.

Какая-то эволюционная дискриминация.

- Я Унка, это - Латий, Нурий наш ребенок, - назвала обоих женщина, с ответным интересом рассматривая меня. - Он просил позаботиться о тебе, успокоить.

Для родителей взрослого мужика они впрямь выглядели молодо. Похоже, по поводу

продолжительности жизни аборигены не ввали. Интересно, за счет чего она достигается? Может, благодаря полному отсутствию стрессов? Где-то я слышала теорию, что именно потрясения сокращают человеческую жизнь.

- Спасибо, - проявила я вежливость. - Только я спокойна.

- Ну так выбирай мужчину и соглашайся на слияние, чего тянуть! - прожурчала женщина.

Одарив влюбленным взглядом Латия, Унка погладила его по плечу и отпустила, но тут же перехватила за локоть меня.

- Пойдем, мужчины будут рядом. - Она потянула меня к выходу. Упереться я не стала, хотя назойливость навязанной спутницы уже начала раздражать. А мы еще никуда не вышли! - Тебе тут нравится?

- Уютно, кормят хорошо, - осторожно похвалила я, тщательно подбирая слова. Лингва все еще немного подтормаживала. На восприятии это никак не сказывалось, а вот отвечать следовало медленно и осторожно, «взвешивая» на языке каждый звук. - Но я пока мало видела. Хотелось бы разобраться получше, понять, как все устроено.

- Зачем? - вроде бы искренне удивилась Унка.

- Интересно. - Вопрос меня здорово озадачил. - Предпочитаю понимать, как существует окружающий мир.

- А какая разница? - продолжила недоумевать она. - Ведь это ничего не изменит.

- Зная, как устроен мир, проще выбрать дело по душе, - попыталась я зайти с другой стороны.

- Дело? - Женщина удивленно подняла брови. - Зачем?

- Чтобы его делать, - ответила с каменным лицом, чувствуя, что разговор зашел в тупик. Мужчины хотя бы аккуратно уходили от щекотливых вопросов, а вот этот незамутненный пофигизм обескураживал. - Надо же чем-то заниматься целыми днями?

- Но зачем, ты же женщина! - попыталась втолковать мне озадаченная Унка.

- И что?

- Выбери хорошего мужчину для слияния и не будешь скучать, - мечтательно зажмурилась она. - Нурия, например.

Кхм. Надеюсь, меня не очень заметно перекосило на этих словах? Впрочем, даже если перекосило, Унка была слишком поглощена собственными приятными воспоминаниями.

- Расскажи мне, что такое слияние? - смирилась я с отсутствием в ее голове других мыслей. Может, хоть это явление объяснит подробнее?

В ответ в глазах женщины вспыхнул восторженный, даже фанатичный огонек. Кажется, вопрос наконец-то нашел подходящего адресата.

- Слияние - это лучшее, что есть! - воодушевленно, с восторгом откликнулась Унка. - Это единение, это разделение жизни на двоих, это невероятное наслаждение! Ты никогда не будешь одна, он никогда тебя не оставит, сохранит верность до конца жизни и больше ни на кого не посмотрит. Да и тебе никто, кроме него, не будет нужен. Пара, прошедшая слияние, это самая большая ценность. Они приносят потомство, а с детьми помогают все бесхозяйные жители. Выбирай, кто по душе, и соглашайся, это такое удовольствие!

- Обязательно, - выдавила я.

Ну просто рай кромешный!

Хочу домой. Согласна писать отчеты за всю лабораторию, дежурить на суточных прогонах и прозвонить все соединения прототипа напрямую, примитивным тестером. Работать без выходных, отпуска, праздников и даже обеда.

Лучше бы они нас сожрать пытались!..

Однако вслух я об этом, конечно, не заговорила и продолжила слушать восхищенную трескотню. Еще раз вскользь помянув Нурия и его достоинства, Унка вернулась к расхваливанию слияния. Она журчала, что после этого наступает полное взаимопонимание, потому что секретов нет и двое становятся единым целым. И умирают, как в сказке, в один день, и никто в мире больше не нужен...

и так по кругу.

До этой речи я порой поглядывала на Нурия с интересом – все-таки мужик красивый, да и его искреннее восхищение подкупало – и в теории допускала мысль о более близком знакомстве. Ну не попадалось мне в жизни таких роскошных атлетов из рекламы мужского нижнего белья, а тут такой шанс! Теперь... нет уж, в черной дыре я видала это все. Лучше в бордель с андроидами на выходные – бездуховно, зато и без последствий в виде многочисленного потомства, с которым помогают бессемейные жители.

Только бы добраться до Союза! И поскорее...

Миновав несколько коридоров, мы вышли из жилых в общественные зоны. Болтать про слияние Унка, к счастью, перестала, вместо этого переключилась в режим экскурсовода, и я наконец-то перевела дух. От слова «слияние» уже начало передегеривать.

Общественная зона представляла собой очень широкий и длинный тоннель, замкнутый в кольцо. С разных сторон в него втекали переулочки поменьше, причем порой даже сверху и снизу – такие, куда без арения не имело смысла соваться. А между проходами размещались всевозможные – очень немногочисленные – магазинчики и кафе.

Точнее, сначала так показалось, я даже вздохнула с облегчением: хоть что-то у них как у людей! Рано обрадовалась. Магазинчики оказались вроде бы магазинчиками, с одним «но»: в них все было бесплатным. То есть совсем. Наша с Гараниным попытка объяснить, что такое деньги и зачем они нужны, провалилась с треском. Зачем деньги, если все и так делается и отдается тем, кому нужно?

При этом – полное самообслуживание, никто даже за порядком не следит. Добыть тут можно было только готовую еду, прямо в посуде, обувь, одежду, постельное белье и в единственном месте – средства для мытья тела. Все.

Коммунистическая утопия, в полном смысле этого слова. Поразительно! И ведь ничего, существует себе спокойно, и никто из местных не рвется менять привычные порядки и хапать больше, чем есть у других. Действительно, зачем, если оно одинаковое и всем доступное? Даже дети уже общие...

С женщинами вот только неувязочка вышла и вопиющее неравенство. Но местные почему-то не роптали, это был железный закон: женщина выбирает одного и на всю жизнь, никаких свальных оргий.

Вновь поднимать тему слияния с Ункой было боязно, не заткнешь же потом, но я рискнула, надо же выяснить до конца. Осторожные расспросы подтвердили: все только по взаимному согласию и желанию, иначе никакого слияния не получится и даже потомства не будет. Понятия не имею, как это у них работало с биологической точки зрения, если вообще работало, и на чем могло сказываться женское несогласие, но грех жаловаться. Главное, чтобы местные в это свято верили и не рвались проверять.

Пока гуляли, Унка подобрала мне пару платьишек. Точнее, буквально всучила: тех двух, которые выдал с самого начала Нурий, лично мне было достаточно, негде тут форсить, но с этой особой оказалось проще согласиться.

А вообще удивительное дело. Женщин по пальцам пересчитать можно, мужики почти все – рослые, плечистые, но при этом на меня платье нужного размера найти совсем не проблема. Ткань, конечно, достаточно эластичная и дает простор для маневра, но все же.

– Может, и тебе наряд найдем? – дежурно поддела я полковника. – Что ты как отщепенец!

– Не нуждаюсь, – отмахнулся начбез.

– Все-таки стесняешься волосатых лодыжек? – захихикала я.

Гаранин бросил на меня выразительный хмурый взгляд, но на провокацию не поддался. А жаль, что он так быстро перестал реагировать, дразнить его было приятно.

Все объяснения удивленного Нурия, пытавшегося одеть начбеза согласно местным традициям, наткнулись на стену яростного протеста. Мои подшучивания в тот момент, кажется, и вовсе довели полковника до активного термического излучения фотонов в видимой части спектра. Однако Гаранин показал себя настоящим профи: сдержался, никого не убил и в конечном счете добился-таки своего, то есть получил штаны с рубашкой.

После чего на него совершенно перестали обращать внимание наши учителя. До полного игнорирования не дошло, однако отношение заметно изменилось. Я попыталась расспросить Нурия, что не так с подобной одеждой и теми, кто ее носит, но блондин делал вид, что не понимает вопроса. А полковник даже спрашивать не стал: мол, пусть его хоть увечным считают, но надеть

юбку при наличии альтернативы это его не заставит.

Как ребенок, честное слово. А еще суровый спецназовец с опытом службы на диких планетах!

Впрочем, он же не контактер – силовик. Видимо, внедрение в чужеродную среду в обязанности Гаранина никогда не входило.

Полковник и сейчас следовал за нами буквально тенью, даром что наряд на нем был веселого оранжевого цвета. Отстань начбез, потеряйся среди прохожих, и Нурий с родителями этого бы, кажется, не заметили. Я пригляделась к поведению остальных местных и пришла к выводу, что отношение к начбезу действительно стало особенным: аборигены словно смотрели сквозь Гаранина, да и сквозь других мужчин в такой одежде, очень немногочисленных, тоже. Интересно, в чем тут дело? Рабочие комбинезоны вроде бы никого не смущали...

Штаны с рубашками даже раздавали в специальном закутке, отделенном от прочих одежных завалов. Я попыталась проявить любопытство и выпросить себе похожее, но они даже слушать не стали. Это не для женщин – и все, и никаких объяснений.

Подумав, на конфликт я не пошла и не стала хватать вещи без разрешения. Мало ли как отреагируют! Понятия «преступность» местные, кажется, тоже не знали, но большой вопрос, до какой степени.

Зато Гаранин в этом ларьке отыскал для себя темно-серый комплект вместо своего слишком яркого, чем весьма озадачил наших спутников.

– Почему нельзя? – не выдержал наконец полковник.

– Можно, но...

– Это вредно? Меня в такой одежде убьют? – продолжил допытываться он.

– Нет, но это же... некрасиво! – почти со священным ужасом сообщил Нурий.

– И что? – кажется, такого ответа Гаранин ожидал меньше всего.

– Как – что?! Ни одна женщина не обратит на такое внимания. Ты, конечно, странный и вряд ли кого-то заинтересуешь, но... зачем?

Мы с полковником озадаченно переглянулись и совместно надели на блондина. Результат вызвал у меня истерическое хихиканье, а у начбеза – пару бранных слов.

Мы подозревали в этой одежде какой-то подвох. Думали, что носят ее изгои, преступники, больные, еще что-то вроде этого. А все опять сводилось к взаимоотношению полов. Такие наряды выбирали те, кто по каким-то причинам не мог соперничать за женское внимание. Ну там увечные или генетически дефектные, которые не ощущали в себе стремления к слиянию. И вообще, вдруг женщина захочет оценить, так сказать, товар лицом со всех ракурсов, что для этого, штаны снимать?

– Зар, тебе там маячок не ответил? – шепотом спросила я, когда мы выходили из одежного закутка.

– Нет, – разбил мои надежды Гаранин. – А что?

– Хочу подальше от этого безумия, – призналась честно. – Я уже почти согласна выживать в лесу. Ты слышал, что она про слияние говорила?!

Полковник только усмехнулся выразительно, а потом меня опять подхватила за локоть Унка.

– Зачем общаться с этим существом? – пренебрежительно бросила она. – У тебя такой огромный выбор! Посмотри, ведь каждый из них готов на все ради твоей благосклонности! Разве это не прекрасно?

– Наверное, – дипломатично согласилась я.

Пытаться объяснять собственную жизненную позицию тут бесполезно, проще промолчать. Я же не собираюсь перекраивать их и учить жить, это не мой мир, чужая культура. А мне бы в свою, домой, к любимым ускорителям и генераторам пространственных искажений. И побыстрее, потому что, выслушивая все это, я буквально чувствовала, как тупею: от стресса отмирают именно те нейроны, в которые записаны образование и профессиональный стаж.

Но абстрагироваться полностью, не принимать близко к сердцу не получалось: в нашем-то мире тоже есть люди с похожей логикой, уж мне ли не знать. Глобально я не имела ничего против существования аборигенов, это их жизнь и их выбор, но... Пусть они живут подальше, а меня

верните на «Черного лебедя»!

Через пару секунд, будто стремясь поддержать слова Унки, путь нам заступил какой-то незнакомый мужик, мастью похожий на второго егеря. А может, это он и был – из местных я научилась более-менее отличать только Нурия. Все оказались слишком одинаково совершенны. Как только их местные женщины выбирают?

Кстати, еще одна занятная деталь. А брюнетов-то среди местных не встречалось, и брюнеток тоже. Мы с полковником одни выделялись.

Незнакомец – молча, с поклоном – протянул мне разлапистый прозрачный кристалл на тонкой ножке, кажется, металлической. Красивый, зеленоватый. Я руки в ответ тянуть не стала, обернулась с вопросом к Унке.

– Бери, бери, – с умилением подбодрила женщина. – Это выражение восхищения, он сам его вырастил. И приглашение познакомиться поближе. Если захочешь пообщаться еще, просто потри центральный кристалл, тот станет красным. Можно капнуть на него слюной или кровью.

– И как он это поймет? – опасно спросила, но «цветок» все-таки аккуратно, за ножку, взяла.

– Какая разница, – легкомысленно отмахнулась Унка. Потом вдруг просияла улыбкой, выпустила мой локоть и стремительно приблизилась к мужу. Тот ответил такой же не вполне адекватной радостью, подхватил ее на руки – и они молча сгнули в ближайшем коридоре.

– Им захотелось уединиться, – пояснил в ответ на наши ошарашенные взгляды Нурий. С завистью и тоской в глазах.

А у меня не осталось цензурных слов.

Желание гулять пропало окончательно, но Нурий потащился обедать в один из местных ресторанчиков. За время, пока мы туда шли и ели, я получила еще четыре предложения познакомиться поближе, и с каждым предложением блондин все больше хмурился – кажется, досадовал на себя, что сам такой камушек до сих пор не притащил.

Общественная часть человеиника на поверку оказалась совсем небольшой и достаточно безлюдной, к празднованию аборигены явно не были склонны. Все куда-то деловито спешили, многие – на арениях по потолку. И развлечений я, кстати, тоже никаких не заметила.

Но поспешные выводы делать не стала: не факт, что такое общественное место во всем городе одно, и не факт, что нет чего-то более интересного. Нурий, правда, заверял, что это не так, но особого доверия его слова не вызывали.

Мы уже поднялись из-за столика – в этом «кафе» их был десяток одинаковых, обслуживал посетителей очередной арений, а как егерь заказывал еду, я так и не поняла – и вышли в общий тоннель, когда размеренное течение местной жизни оказалось нарушено.

Где-то совсем рядом громыхнул взрыв.

Гаранин отреагировал мгновенно и однозначно. Я даже вякнуть не успела, как оказалась у стены за его спиной, а у полковника в руках возникло оружие.

А Нурий просто растерянно замер на месте, неподвижно, словно окаменел. Точно так же поступили и остальные аборигены – застыли на своих местах в неловких позах – с поднятыми руками и ногами, словно в поставленном на паузу кино. Откуда-то слева в повисшей тишине прикатился клуб пыли и дыма.

– Что за?.. – ругнулся себе под нос Гаранин.

Немая сцена длилась несколько секунд, в течение которых я успела вцепиться в подол полковничьей рубашки и титаническим волевым усилием не дала себе вцепиться в самого полковника. Реакция местных напугала меня гораздо больше, чем взрыв.

Что там начбез про роботов говорил?!

А потом мир двинулся дальше – кто-то невидимый скомандовал «пуск».

– Пойдемте, вы же хотели вернуться, – обратился к нам Нурий.

– Я хочу пройти туда, – кивнул Гаранин в ту сторону коридора, где бабахнуло.

– Зачем? – не понял блондин.

- Надо узнать, что случилось. Тебе не интересно?

- Никто не пострадал, разрушения минимальны, все в порядке. - Нурий был сама невозмутимость. Потом, глядя на серьезное лицо начбеза, с легкой растерянностью уточнил у меня: - Ты правда хочешь сходить туда?

- Правда, - соврала из солидарности с полковником, хотя близкие взрывы и их последствия интересовали меня меньше всего.

Взорвалось что-то внутри одного из кафе, у дальней стены. К тому времени, когда мы подошли, у места разрушения уже поднялась деловитая суета. Небольшие грузовые арены оттащивали обломки, руководила ими пара аборигенов. За проломом виднелось что-то вроде склада, а в полу зияла большая дыра. В которую, похоже, обрушилась часть полок.

Гаранину, который вознамерился подойти поближе и сунуть туда нос, никто не препятствовал, только невозмутимо его обходили.

Осмотр много времени не занял, вскоре полковник сообщил дожидавшемуся нас Нурию, что можно возвращаться. Вопросов блондин не задавал, а от меня Гаранин отмахнулся неопределенным «потом».

Которое наступило только «дома», когда абориген сослался на неотложные дела и оставил нас вдвоем.

- Ну?! - надела я на начбеза.

- Лаз, похожий на подкоп, и взрывчатка. Примитивная, кажется, что-то на основе нитроглицерина, - коротко ответил он.

- Как ты угадал?

- По запаху, - хмыкнул начбез. - И характеру разрушений. Взорвали, кстати, чтобы обрушить лаз. Через который кто-то воровал еду - полки совершенно пустые, не хватало каких-то ящиков.

- У них что, такие продвинутые паразиты завелись?! - опешила я. - Со знанием взрывного дела?

- Можно сказать и так. Явно кто-то обнес продовольственный склад.

- Но у них же тут и так все общедоступно в неограниченных количествах! - пробормотала растерянно.

- Значит, не «обще» и не «доступно», - с каким-то странным удовольствием возразил Гаранин.

- А чему ты радуешься-то? - не поняла я.

- Тому, что это уже больше похоже на нормальную реальность, а не на утопический кошмар, - пояснил полковник. - Не все так идеально и благостно, как нам показывают. Ты заметила реакцию местных на взрыв?

- Такое сложно проигнорировать, - признала, передернувшись. - Было ощущение, что я в голофильме, который поставили на паузу. А еще казалось, что они постоят так пару секунд и падать начнут, потому что заряд кончился. Жутко. Да и потом - такая невозмутимость, как будто ничего не случилось. Откуда Нурий вообще узнал, что никто не пострадал?!

- Я уже давно обратил внимание, что они обладают возможностью невербального общения. Не знаю, с помощью имплантов каких-то или других органов, которых нет у людей. И общаются без участия каких-то там галигов. Не факт, что нас по поводу этих приборов обманули, они могут, например, выступать усилителями, но дело явно не только в них.

- И что все это значит?

- Мало данных, - недовольно качнул головой Гаранин. - Поэтому слишком много вариантов. Но мне очень хочется познакомиться с теми, кто ворует у местных еду. Они отлично понимают повадки этих... существ, не знаю уж, насколько их можно считать людьми, и совершенно не боятся возмездия здесь и сейчас. Вряд ли они украли еду за пару секунд, какое-то время на это требуется, но они совершенно точно знали, что могут себе позволить. Тактика явно отработанная. Да и закладывать взрывчатку в такой ситуации - уметь надо, а то тебя же самого и завалит. Нет, работал достаточно грамотный подрывник, пусть у него и примитивная взрывчатка. Да и то, примитивность ее - понятие относительное.

- Думаешь, взрывали тоже люди?

- Почти уверен, - кивнул полковник. - Похоже, у них тут существует два лагеря, если угодно - даже две расы. Оболваненные эти, с силиконовыми рожками, и... другие.

- Ты считаешь, что с ними будет безопаснее? - нахмурилась я недоверчиво.

- Вряд ли, но от них хоть понятно, чего ждать. А вся эта местная туповатая идеальность и «каждому по потребностям» вызывает кучу вопросов и подозрений и заставляет дергаться от малейшего шороха. Из двух опасностей я выберу знакомую, даже если она видится более страшной.

- И что ты собираешься предпринять?

- Пока надо думать. И осматриваться. Раз они так легко меня выбраковывают из собственного общества и не считают опасным, нужно этим пользоваться, - резюмировал Гаранин. - Они же не обращают на меня внимания? Вот и прекрасно.

- Ты только поаккуратнее, - попросила я, хмурясь.

Понимаю, что полковник - мужик опытный и в диверсионной работе, наверное, знает толк, но все равно за него тревожно. Или не за него, а просто страшно остаться одной среди этих странных существ? Гаранин, конечно, не идеален, но на таком фоне именно этим и подкупает.

- Ты тоже со своими ухажерами не переусердствуй, - напутствовал начбез. - А то увлечешься - и привет, сольют тебя с кем-нибудь, пойдешь ему таких вот идеальных пачками рожать.

- Еще немного, и я решу, что ты ревнуешь, - заметила с нервным смешком.

- Заревнуешь тут, когда местные самцы конкурентом не считают, - заржал полковник.

- Кстати, о рождении идеальных. Ты обратил внимание, что мы еще ни одного ребенка не встретили? Да даже подростков нет!

- Обратил, даже спросил у этого, - Гаранин кивнул на дверь. - Он сказал, что все дети обитают в особой части города, закрытой от посторонних, куда имеют доступ только родители и тамошние работники.

- Может, их именно там обрабатывают? - оживилась я. - В детском возрасте.

- Может, но этого не проверить. Прорываться туда, чую, чревато. При их отношении к размножению потомство должно хорошо охраняться. Ладно, пойду.

- А мне что делать?

- Не вляпаться в неприятности, - напутствовал полковник и действительно удрал.

Я же осталась в одиночестве и полной растерянности.

Глава 5

Первое свидание

Впервые если не за всю жизнь, то за последнюю пару десятков лет я понятия не имела, чем себя занять. Обычно с трудом выкраивалось несколько дней на отпуск, и то я никогда не сидела на месте просто так – экскурсии, книги, на худой конец кино. И даже от такого отдыха я быстро уставала и рвалась обратно на работу, потому что там эксперименты, там жизнь, а ребята хоть и хорошие, но без меня точно не справятся.

И вдруг образовалась масса свободного времени – и проводила я его в каменном мешке, внутри которого не было ровным счетом ничего, кроме кровати. Если у местных имелись какие-то развлечения, то знакомить нас с ними не стремились, делали вид, что не понимают вопросов. Или правда не понимали?

Положение мог спасти личный комм, но его я, как назло, оставила в каюте на станции. Высокоточная техника макетного зала чувствительна ко всякого рода помехам, поэтому на рабочее место мы старались приходить без лишних приборов, все равно они там не нужны. Сейчас я впервые всерьез пожалела об этих порядках.

Хорошо Гаранину, у него вон большая и важная цель нарисовалась. А я?!

Нет, я еще не настолько одурела от скуки, чтобы навязываться полковнику в этом его нелегком деле. Очевидно, помощи от меня не будет никакой, только лишнее привлечение внимания. Но завидовать ему черной завистью это не мешало.

Идти в одиночестве гулять по городу тоже не лучшая идея: страшновато. В местных традициях я пока совершенно не разобралась, точно влезу куда-нибудь по неосторожности.

В очередной раз тасовать мысли о перемещении и аборигенах не было никакого желания. Новых исходных данных не появилось, а от пустого теоретизирования никакого толку, одно разочарование.

Других идей не нашлось. И через полчаса, тщательно, до скрипа отмывшись и перемерив еще раз все наряды, я начала с нездоровым интересом приглядываться к букету своеобразных местных приглашений на свидание.

А еще через полчаса Нурий застал меня сидящей на кровати перед разложенными кристаллами. Я пыталась достичь равновесия с миром через созерцание, хотя бы в общих чертах вспомнить дарителей или уж на крайний случай – уснуть от скуки. Все три варианта устраивали одинаково.

– Прости, что потревожил. – При виде стройного ряда «сокровищ» блондин заметно скис и понурился.

– Я не занята, проходи, – обрадовалась посетителю и даже совершенно искренне просияла улыбкой.

Надеюсь, получилась она не очень глумливой, я честно старалась сдержаться. Просто Нурий сегодня выбрал платьице веселого сиреневого цвета с красными цветами вроде земных маков, и у меня от такой расцветки начал подергиваться глаз. На огромном брутальном мужике это выглядело... безумно.

А вообще, плевать на одежду. Хвала космическому разуму, теории вероятности и всему остальному, что этот тип решил явиться! Как там говорил Гаранин, из двух зол – знакомое?

– Ты еще никого не выбрала? – явно приободрился Нурий.

– Нет, – призналась честно, стараясь смотреть только на его лицо. – Но вроде бы это просто свидание? И я могу встретиться с несколькими мужчинами, разве нет? – уточнила подозрительно.

– Да, конечно! – поспешил заверить Нурий. Подошел, аккуратно сел на краешек постели. Не рядом, а позади меня в изголовье, словно старался держаться подальше от камней.

– Но?.. – подбодрила я, потому что невысказанное продолжение повисло в воздухе.

– Но такое редко бывает, – пояснил абориген. – Обычно женщина выбирает того, чей ушель понравился первым.

– И по какому признаку должен понравиться... ушель? – Я окинула задумчивым взглядом кристаллы. Нет, они в общем-то действительно красивые и разные – и формой, и размером, и даже цветом. Честно говоря, гораздо более разные, чем хозяева. Но это как же надо гадать, чтобы по камушку суметь выбрать того мужика, с которым захочется провести рядом всю жизнь?

- По всем, - туманно отозвался Нурий.

- Ладно, черт с ними, - решила я.

Конечно, хотелось расспросить подробнее, что за ушель, откуда он берется и как работает, но я уже выучила, что подобные вопросы аборигены игнорируют. Еще уйдет от разговора в самом прямом смысле, ногами, и я опять останусь скучать в одиночестве.

- А у вас это обязательный ритуал, сначала ушель - потом прогулка? Или можно погулять без вручения?

- Обычно да. Я... - заговорил Нурий с воодушевлением, но потом сам себя оборвал: - Не важно.

- Слушай, а можно личный вопрос? Почему ты-то мне до сих пор ушель не вручил, а пытаешься обойтись без него?

- Если бы он у меня был, - тоскливо вздохнул Нурий.

- А что, не всем полагается? - заинтересовалась я.

- Я свой недавно отдал, но она меня не выбрала. А чтобы вырос новый, нужно время. Поэтому пока нет. Я надеялся обойтись без него, но не получается. А жалко, ты... удивительная! - выдохнул он с искренним восхищением.

Я смерила мужчину взглядом.

Вот вроде умом понимаю, что он бы так возле любой бабы увивался и оценил не мозги, зеленые глаза, улыбку или отсутствующие роскошные формы, а правильный набор половых признаков, но все равно приятно. Смотрит так, словно я его единственный шанс на спасение, который вот-вот достанется другому, то есть с восторгом, тоской и надеждой. Роскошный мужик взирает на тебя как на божество. Ну как тут устоять?

Нет, сливаться с ним из жалости или еще в какие близкие отношения вступать я не собиралась, все-таки надо понимать, что это не совсем человек и из отношений таких еще, может, не выпустят. Но...

- А эти ваши прогулки, они точно ни к чему не обязывают?

- То есть? - не понял он.

- Ну если я схожу с кем-то погулять, он не начнет меня хватать и сливаться принудительно? И такая прогулка сама по себе не означает, что я уже выбрала?

- Нет, что ты! - искренне ужаснулся он. - Без добровольного согласия слияние просто не получится, это невозможно!

- Прекрасно. Тогда пошли гулять.

Пару мгновений Нурий тарачился на меня, кажется, не веря своим ушам.

- Без ушеля? - ошарашенно уточнил он. - Правда?!

- Правда.

Уточнять, что для этого пришлось закрыть глаза на его платье, я не стала. Бесплезно, все равно не поймет, почему мне не понравилось - оно же такое красивое!

Местное равноправие - оно такое равноправное...

- Подожди немного! Я сейчас все устрою и вернусь за тобой! - просиял блондин и умчался, только белая коса плеснула по воздуху.

Забавно, но в этот момент я чувствовала себя растлительницей малолетних. Сквозила в Нурии какая-то незамутненная, детская наивность. Она во всех местных была, но при близком общении особенно бросалась в глаза. Катастрофический недостаток женщин делал невозможным существование не только бабников, но хотя бы не девственников, что объясняло их незамутненность в личных вопросах.

Он бы Леночке подошел. Причем идеально, они очень похожи - наивные и неприспособленные к жизни.

А впрочем, нет. Моя аспирантка слишком быстро с ним заскучает, потому что не сумеет найти общих тем для разговора. Это я могу немного поумиляться наивности и непосредственности, а Лена

еще слишком юна для подобных эмоций.

Нурий вернулся быстро. Я уже убрала ушели на полку, но еще не успела вновь заскучать. За это время мужчина переоделся, выбрал белое платье с симпатичным геометрическим орнаментом по подолу. Сразу стал выглядеть гораздо благороднее и напоминать иллюстрации из учебника истории, рассказывающие о жизни каких-то древних народов. На мужчину похож. Мне хоть не так смешно было, появился шанс отнестись к свиданию более-менее серьезно, а не как к прогулке с малолетним сыном подруги, которая попросила развлечь его полчаса, пока сама занята. Или даже малолетней дочерью...

На выходе нас ждал транспортный паук. Нурий галантно посадил меня наверх, проявив выдержку и не задержав прикосновение дольше необходимого. Хотя так смотрел, что стало даже неловко.

- Куда мы едем? - полюбопытствовала я.

- На нижние уровни, - отозвался блондин через плечо.

В подтверждение его слов арений нырнул в ближайший вертикальный тоннель и ловко начал спускаться, цепляясь лапками за стены. Хо́да он при этом не сбавлял. Я на всякий случай вжалась в сиденье покрепче и уткнулась взглядом в белобрысый затылок. Высота - это... совсем не то, что я люблю.

- И что там? - попыталась отвлечься и заодно выжать из спутника побольше информации.

- Там красиво, - неопределенно ответил он. - Это недалеко, скоро будем на месте. Туда все ходят гулять.

- А почему не наружу?

- Что ты, там слишком опасно, - возразил Нурий. - Никто не станет рисковать женщиной и вести ее наружу.

- Даже если она сама попросит?

- Зачем? - искренне удивился он. - Здесь же есть все необходимое! А то, что нужно принести снаружи, приносят егеря.

- Проехали, - вздохнула в ответ.

- Что проехали? - не понял абориген.

- Все в порядке, - заверила я. Совершенно спокойно. Кажется, привыкаю.

Повисшая тишина быстро начала напрягать. Поездка на арении сама по себе достаточно нервное занятие для человека вроде меня, совсем не склонного к экстриму: ни надежных фиксирующих приспособлений, ни защитного купола, ни примерного понимания, как эта штука вообще работает. А уж когда паук в очередной раз повисает в вертикальной шахте неопределенной глубины, остро хочется оказаться подальше.

Мы миновали очередной коридор, вдоль которого попадались уже знакомые цветные вставки-двери, и я нашла новую тему для разговора, запоздало вспомнив давнюю догадку.

В отсутствие библиотек нас уверили довольно быстро. Сначала недоумевали над моими вопросами, где они хранят свои знания, и выразительно стучали себя по лбу - мол, в голове. Потом удалось узнать, что некие сведения записаны все в тех же галигах, но на этом развитие темы окончательно застопорилось: об этих приборах местные не говорили. Еще один довод в пользу версии, что создали эти шары не сами аборигены, а некая более развитая цивилизация, которая их и зомбирова́ла.

Только придумать ответ на вопрос, зачем ей это понадобилось, мы не смогли даже теоретически: не было ни следа присутствия других разумных. Разве что зомбировали и пропали?

- Скажи, а узоры на дверях, они что-то значат?

- Конечно! - обрадовал меня Нурий.

- И что?

- По ним видно, что внутри. Склад, место для еды, жилая комната. Одиночка ее занимает или прошедшая слияние счастливая пара, время, когда он вышел на свет, согласен ли сейчас видеть гостей.

- Но вы же можете спросить это напрямую? - осторожно подобралась я к скользкой теме дальней

связи и невербального общения.

– Можем. Это полезнее, например, когда ищешь определенный склад. А в личных комнатах и правда не очень нужно, просто так давно заведено, – признал он.

– И как понять, что значит та или иная картинка? – всерьез заинтересовалась я.

Как ни странно, Нурий не ограничился любимым ответом «оно само», система действительно существовала. Несложная, я разобралась и запомнила с первого раза. Письменностью это назвать язык не поворачивался, скорее набор условных обозначений.

Очередная странность. Здешние жители придумали эту систему, значит, сам принцип создания узоров не для красоты, а со смыслом, они знают. И знают давно, если это успело стать традицией. Так почему не пошли дальше?

Как достаточно развитая в нашем понимании цивилизация – со сложным транспортом, отлаженными технологиями строительства, приборами дальней связи – может вообще не иметь письменности?

Я плохо разбиралась в культуре тех разумных видов, с которыми человечество столкнулось за время космической экспансии. На уровне среднего обывателя, почерпнувшего все свои знания из плодов развлекательной индустрии, и даже меньше: плодами этими я пользовалась реже большинства жителей Союза. Но в голове все равно прочно обосновалась мысль, что миновать стадию письменной фиксации информации не сумел ни один гуманоидный вид.

Что это? Новый, самобытный, незнакомый прежде путь развития цивилизации? Или результат стороннего воздействия, заставившего аборигенов забыть свои достижения?

А, собственно, были ли они, те достижения?.. Можно ли с полным правом называть местных высокоразвитыми существами или это у них такое странное первобытное общество? Каким критериям вообще должна соответствовать цивилизация, чтобы считать ее развитой?

Была же какая-то общепринятая шкала, точно! С пунктами про выход в космос и за пределы собственной планетарной системы и еще какими-то... Только про ранние этапы развития я, увы, ничего не помнила.

Вот когда пожалеешь, что прежде не интересовалась живой природой! Надо будет Гаранина спросить, он-то наверняка знает больше, он с этими видами работал.

Нурий не обманул: там, куда мы приехали, действительно оказалось красиво.

В огромной пещере чернело озеро, множа отблески светящихся камней. Из трещин в камнях срывалось несколько водопадов, окруженных облачками водяной взвеси и, кажется, даже пара.

Частокол огромных каменных столбов, созданных водой и временем, составлял фантастический лес. Где-то более густой и высокий, подпирающий свод циклопическими естественными колоннами, где-то – пестрящий прогалинами. Среди этих «деревьев» росли «цветы» – знакомые разноцветные кристаллы и причудливые образования, похожие на развесистые олени рога, покрытые коротким мехом. На ребрах самых крупных кристаллов виднелся тонкий цветной пушок.

А высокий, тонущий в легкой дымке каменный свод повторял своим узором звездное небо где-то в центре рукава галактики или даже в балдже, до которого человечество еще не добралось; в общем, там, где рождаются звезды. Россыпь желтоватых огней на черном своде, которые не сливались в единое свечение, как в коридорах, но были слишком часты, чтобы напоминать привычное небо Земли и других окраинных старых планет. Светлячки достаточно разгоняли темноту, но из-за них естественная чернота камней казалась еще более непроглядной.

Конечно, обитаемых планет в этих «горячих точках» галактики не найти, слишком молодые там звезды. Но мне довелось несколько лет провести на исследовательской станции «Колыбель», существующей как раз в подобных условиях.

Мы очень жалели об отсутствии обзорной площадки, как в фантастике. Но при постройке кораблей и станций, работающих в столь экстремальных условиях, на подобные вещи не расплывются. Увы, до сих пор не изобрели материалов, пропускающих только оптический диапазон излучения и достаточно гасящих все остальные. Теоретически можно экранировать все лишнее комбинацией силовых полей, но это слишком дорого и сложно. Неоправданный риск и траты.

Зато можно договориться с техниками, попросить скафандр и выглянуть на несколько минут наружу при очередной их вылазке в космос. Поднять защитный экран, схватить с порцией красоты изрядную дозу радиации, получить дежурный выговор – от пары начальников и станционного врача. Но... оно того стоит.

Здесь было почти так же, только без вреда для здоровья. И я искренне порадовалась, что согласилась на прогулку: нарушить инструкции Гаранина стоило уже только ради этой красоты.

А еще я, оказывается, за проведенные под землей дни успела ужасно соскучиться по звездам.

В пещере было тихо и пусто. Арений, высадив пассажиров и оставив на земле нечто серое, похожее на кокон странной формы, удрал в неизвестном направлении. Нурий подобрал кокон, и я сообразила, наконец, что это такая сумка-корзинка, вытянутая и приплюснутая по бокам.

- Это зачем? - любопытствовала я.

- Если вдруг захочется есть, - подтвердил невысказанные предположения блондин. - Куда ты желаешь пойти?

- Ну... пойдём вон туда, - я махнула рукой вглубь пещеры. - Здесь что, никого нет? Где мы вообще находимся?

Все оказалось гораздо интереснее, чем я ожидала, но одновременно гораздо прозаичней. Это не были какие-то заброшенные катакомбы или дикие пещеры, охранявшиеся как заповедник. Местность считалась фактически плантацией сразу трех полезных культур: кристаллы использовали для освещения, лохматые рогатины шли в пищу как овощи, а пушок с камней служил приправой.

По словам Нурия, огромное количество таких «полей» простиралось под землей далеко за пределами города и снабжало аборигенов всем необходимым. Охранять, поливать и удобрять тут оказалось нечего, маленькие экосистемы пещер являлись полностью автономными и никому, кроме жителей человеиника, не были нужны, это объясняло безлюдность места.

Из-за того, что живописных пещер было куда больше, чем желающих прогуляться аборигенов, риск столкнуться с другими парочками сводился к минимуму. Но чтобы вовсе свести его к нулю, Нурий «застолбил» именно это место, о чем сообщил с удовольствием. Однако я рано обрадовалась разговорчивости блондина, дальнейших пояснений - как именно он занял это место и как остальные горожане должны об этом узнать - не последовало.

Прогулка получилась довольно интересной, но быстро наскучила. Слишком однообразный пейзаж, слишком все тихо и неподвижно. Красивые, но пустые декорации. Совсем не самодостаточные, потрясающие воображение звезды, а статичная картинка. Чем дольше мы ходили, тем сильнее занимала меня идея вырубить несколько сталагмитов, поставить столы, управляющие модули, несколько кресел и - погрузиться в работу в весьма уютной и располагающей тишине.

Впрочем, если подумать, пещера ни в чем не виновата. Просто я продолжала изнывать от тоски и неопределенности, пусть перемена места и задвинула эти чувства вглубь сознания. Слишком хотелось, чтобы приключение на чужой планете закончилось, вокруг оказались привычные, нормальные люди, вещи и - занятия.

И с каждой минутой поддельные звезды все сильнее травмировали душу.

Стыдно признаться, мне уже казались благом проведенные в лесу часы. Тогда некогда было думать о высоком, всех целей - пережить сегодняшний день.

На пикник мы устроились у самого озера, на уютной, укрытой от посторонних глаз, если такие вдруг появятся, прогалине. Пока Нурий раскладывал снедь, я осторожно подошла к воде. Над ней поднимался пар, сейчас это было отчетливо видно, а в воздухе висел слабый сернистый дух.

- Вода безопасная? - спросила настороженно, не рискуя совать в нее руки.

- Да, она хорошая, несмотря на запах, - успокоил блондин.

Озеро оказалось очень теплым, почти горячим. Интересно, что его подогревает? С геологией у меня не лучше, чем с биологией, но банальная логика подсказывала единственный вариант: здесь тонкая кора, и грунтовые воды подогреваются снизу, магмой. Не нравится мне это! Если кора тонкая, значит, место уязвимое. Значит, трясоти должно регулярно и основательно. Как-то страшновато переживать землетрясение в пещерах, а ну как рухнет? С другой стороны, не похоже, что этот городище построили недавно, как-то же он достоял до сегодняшнего момента!

- Нурий, а земля часто трясется?

- Не бойся, - улыбнулся он. - Это не опасно, мы уже давно привыкли.

- Мне бы твое спокойствие, - пробормотала себе под нос и добавила уже громко: - Здесь можно купаться?

Спросила без особого интереса, просто чтобы сменить тему и не разговаривать об опасностях. Не люблю задумываться о катастрофах, на которые не могу повлиять. А лезть в воду я в любом случае не собиралась: слишком горячо для плавания, а никакого желания просто погреться не возникало, тут и так жарковато. К тому же купальника не имелось, да даже если бы и был, слишком рискованно раздеваться рядом с аборигеном. Может, у них это означает согласие на слияние. Не отобьешься же потом и не объяснишь, что это все культурные различия!

- Зачем? - Нурий поднял на меня озадаченный взгляд.

- Для удовольствия. - Нет, я в самом деле уже привыкла к его логике, даже глаз не дернулся.

- Какого удовольствия? - не понял блондин. - Зачем?

- Плавать в открытой воде - приятно, - ответила я. И поняла, что слова «плавать» в местном языке или нет, или оно до сих пор не попадалось, а вместо «купаться» я употребила «мыться». - Ладно, не обращай внимания. Давай есть.

Распространенная проблема лингвистических имплантов: в беглой речи, когда не выстраиваешь заранее предложения, случаются всякие накладки. Лингва напрямую задействует речевые центры, и результат исчерпывающе описывает старинная поговорка «Язык болтает, а голова не знает». Но жаловаться можно только на себя, имплант - это только инструмент, облегчающий жизнь. Которым тоже нужно уметь пользоваться.

Разговор опять оборвался. Не первый раз заметила, что аборигены почти никогда не заговаривают первыми. Только тогда, когда им что-то нужно спросить, а такого понятия, как «дружеская беседа», у них, похоже, нет совсем. И молчание их не тяготит.

Пока я ходила к воде, Нурий разложил круглый серый коврик, выставил на него несколько мисочек с местными деликатесами, округлый сосуд с высоким горлом и пару пиалушек для напитков. Целых два новых для меня предмета быта: во-первых, бутылок или кувшинов нам прежде не приносили, а во-вторых, вся еда была накрыта плоскими широкими крышками. Почему-то без ручек, но Нурия это, кажется, совсем не беспокоило, он ловко управлялся с ними и так.

Из еды я предпочла знакомые блюда, уже проверенные Гараниным и жизненным опытом: если до сих пор мы ими не отравились, то и дальше не должны. А вот выбора напитков не было, только содержимое кувшина. Оно, кстати, оказалось очень приятным, со свежим кисло-сладким вкусом и словно слегка газированное.

- Тебе нравится? - спросил Нурий.

- Да, все очень вкусно, спасибо, - проявила я вежливость.

- А шулик? - Он указал на напиток.

- Да, тоже приятный.

- Я его сам сделал. Я рад, что тебе нравится. - Мужчина расплылся в довольной улыбке и будто невзначай подвинулся ближе.

- Ты молодец, - снова похвалила я и уставилась на блондина с подозрением. - Он что, туманит разум?

- Нет, нет, что ты! - поспешил заверить Нурий. - Бодрит, успокаивает и повышает настроение.

- Скажи мне, как вы вообще тут живете? - вздохнула я, оглядываясь по сторонам. - Скука же смертная.

- Хорошо живем, - последней фразы, сказанной мной на родном языке, блондин, конечно, не понял. - У нас есть все, что нужно. Оставайся и ты со мной, я буду очень рад, - добавил, проникновенно заглядывая в глаза. И такая тоска пополам с надеждой на лице, что захотелось пожалеть, погладить по голове и забрать с собой. - Я обещаю, тебе будет очень хорошо со мной! Слияние - это самое прекрасное, что есть в жизни! Это единственное, ради чего стоит жить. До слияния мы почти не живем, а потом... Ты как будто становишься наконец целым. А счастье обретения потомства вообще ни с чем не сравнить! Неужели тебе не хочется все это испытать?

Говоря это, он подвинулся еще ближе, так что плечо его касалось моего плеча, и я уловила исходящий от мужчины запах. Смутно знакомый, похожий на какие-то земные благовония; сладко-горький, тяжеловатый, но приятный. Ну надо же, у них тут даже одеколоны есть?

- Нурий, ты хороший и красивый, но я пока не готова к такому шагу, - стараясь тщательно соблюдать баланс твердости и ласки, проговорила я. - Уверена, что тебе еще повезет встретить

свою вторую половину.

- Но я готов ждать столько, сколько потребуется! - возразил он. - Тебя. Ты изумительная! У тебя такие красивые глаза, ты так чудесно пахнешь... Так сложно быть рядом и не иметь возможности коснуться!

И лицо близко-близко, а губы у него все-таки очень красивые. Интересно, целоваться блондин не умеет совсем? Или хотя бы какие-то теоретические познания есть? Научить его, что ли?..

А запах стал плотнее, гуще. И я поняла, что от него начало слегка ломить виски. Или не от него, или это меня так от шулика развезло, которого я как-то незаметно для себя хлопнула целую пиалу?..

- Сочувствую, - прозвучало резче, чем хотелось. Когда я чуть отодвинулась, взгляд Нурия стал совсем больным и несчастным. А я твердо напомнила себе, что целоваться и уж тем более переходить к чему-то большему из жалости - весьма паршивая идея, и решила сменить тему: - Расскажи лучше что-нибудь интересное. Ты же наверняка много всего любопытного встречаешь во время своих поездок за пределы города. Как там?

Нурий сначала долго не мог понять, чего я от него хочу. И я наконец сформулировала еще одну странность аборигенов, на которую прежде не обращала внимания: они не шутили. Совсем. И понятия «смешная ситуация» у них, похоже, не существовало. Да и улыбались они только совершенно определенным вещам, похоже, связанным с пресловутым слиянием. Блондин сиял лишь тогда, когда я одобряла его знаки внимания.

До чего же несчастные все-таки существа. Понятно, жалеть их глупо, они и не поймут этого, поскольку привыкли так жить. Но с нашей, человеческой точки зрения, все их существование выглядело примитивно и достаточно уныло. Высшее и единственное счастье - найти постоянного партнера для размножения. Никаких удовольствий, никаких других целей, только выжить и понравиться самке. А как же экзистенциальные вопросы и высшие потребности? Творческий поиск, самовыражение, признание? У них даже возвышение в коллективе завязано все на том же слиянии!

В Союзе у тех людей, которые на первый взгляд недалеко ушли по потребностям от здешних аборигенов, куда больше интересов в жизни. Кто-то любит готовить, смотреть фильмы, да хотя бы сплетничать с подружками. А эти...

Что-то я все больше сомневаюсь в их разумности и цивилизованности. Или, по крайней мере, в близости их разума человеческому.

В общем, тему «поделись смешными случаями из практики» я вскоре оставила, сосредоточившись на идее, что Нурий должен рассказать хоть какую-то историю. Ну происходит же у них что-то в жизни! Да хотя бы те же подрывники воруют еду!

Без толку. Он просто начал пересказывать решительно все события дня, начиная с «вышли на рассвете за...» вот за чем, я не поняла, но не особенно-то старалась.

Потом я попыталась зайти с другой стороны и подать пример, рассказав какие-то байки из собственной практики и анекдоты. Но тут тоже ничего хорошего не вышло, потому что половина понятий была Нурию незнакома, и дольше приходилось объяснять, что я имела в виду и почему это должно быть интересно. И даже когда смысл анекдота оказывался блондину понятен, он все равно не понимал, что над этим нужно смеяться: на его взгляд, ситуации были странными, нелепыми, непонятными, но никак не смешными.

Ну и ладно, зато развеселилась я. Кажется, этот его шулик все-таки давал легкий психотропный эффект, потому что в нормальном состоянии я бы скорее разозлилась на отчаянно тупящего студента, чем нашла его наивно хлопающую глазами физиономию забавной.

Впрочем, напиток действительно туманил разум не сильно: я понимала, что немного не в себе, но никаких странных желаний внутри не обнаруживала и вела себя примерно так, как в легком опьянении. То есть много говорила, бурно жестикулировала и радовалась жизни. Без каких-либо перегибов. К блондину с поцелуями по-прежнему не лезла, даже не рвалась купаться в озере, прекрасно помня все риски - от непонимания со стороны аборигена до возможных вредных примесей в воде и опасных животных вместе с микроорганизмами.

Нурий поглядывал на меня все более грустно и напряженно - наверное, рассчитывал на совсем другой эффект. Но я сейчас была настолько благодущна, что даже за эти ожидания не сердилась. В конце концов, я действительно немного расслабилась и повеселела, большое спасибо аборигену. Хотя просить этой веселящей жидкости про запас не буду, не хватало еще «сторчатся» тут от скуки.

А в целом, можно сказать, свидание удалось. Я развеялась и вроде бы даже не нашла приключений

себе на голову: Нурий вел себя нормально, к слиянию не склонял. Повезло.

Глава 6

Абстинентный синдром

Но обрадовалась я рано. Развлечение закончилось неожиданно и совсем не так, как хотелось.

Сначала мир вокруг задрожал и закачался. Я осеклась на полуслове, испуганно ухватилась за коврик, на котором мы сидели, и настороженно уставилась на воду в озере. В первый момент показалось, что прогрессирует действие шулика и у меня начался озноб с головокружением, но нет – тряслась не я, тряся каменистый пол пещеры. И по ровной глади озера разбежалась рябь.

– Это что? – сумела выдавить, когда окружающий мир успокоился.

– Земля дрожит, так бывает, – отозвался невозмутимый Нурий, который в момент землетрясения замер в той позе, в которой оно его застало. – Мы же об этом говорили.

– Ага. Ну да. А вот это – тоже землетрясение? – поинтересовалась я напряженно. На смену дрожи пришел мерный грохот, словно в глубине пещеры кто-то бил чем-то тяжелым по камню.

Нурий поднялся на колени, замер, сосредоточенно вглядываясь и вслушиваясь.

– Брухи! – уронил мужчина. Не то ругнулся, не то... лингва слово в любом случае не опознала.

Уточнить я не успела. Последний удар оказался особенно сильным и громким, раскатился рокотом по пещере. Нурий подскочил с места, я тоже на всякий случай поспешно поднялась на четвереньки – а дальше не успела, растерянно замерла.

В следующее мгновение из глубины пещеры выскочило... нечто. Крупный, больше метра в холке, приземистый зверь с почти квадратным туловищем и широко расставленными длинными лапами, покрытый черным сегментным чешуйчатым панцирем. За те доли секунды, которые ушли у него на приближение, я еще успела разглядеть огромную раззявленную пасть, полную плоских, острых треугольных зубов.

Челюсти звонко сомкнулись там, где мгновение назад была моя голова. Желание жить оказалось сильнее ступора, я успела откатиться в сторону. Тварь тоненько, противно взвизгнула. Чем она занята, доедает Нурия или бежит за мной, я не видела: было не до взглядов через плечо, ноги работали быстрее мозга. И понесли они меня к озеру, в которое я сиганула с берега рыбкай, не думая и не вспоминая о прежних опасениях.

Повезло хотя бы в том, что было не очень мелко, не приложилась о дно. Горячая вода обняла крепко, неприятно стиснула. Держала она отвратительно, но я все равно сделала несколько быстрых гребков. Хорошо, что умение плавать – раз и навсегда, его не забудешь. По-моему, последний раз я делала это лет двадцать назад.

Дыхание сбилось очень быстро. По лицу потек пот, и даже стимула в виде висящей на хвосте жуткой твари хватило метров на пятьдесят. Потом я замедлилась от усталости и одновременно достаточно пришла в себя, чтобы начать думать. Например, о том, что при скорости своего передвижения этот хищник давно должен был меня сожрать.

Только теперь я рискнула развернуться, зависнув на месте.

Не знаю, как эти существа относятся к воде: как аборигены или все же умеют плавать, как любое нормальное животное. И узнать мне пока, к счастью, не было суждено, потому что хищник увлекся более близкой добычей.

Прижавшегося к одной из колонн Нурия пытался защитить неизвестно откуда вывалившийся арений. Паук тыкал тварей лапами, те – отмахивались и явно стремились поймать лапы зубами. Хищников было уже трое, и блондину с пауком явно оставалось недолго.

Из-за сталагмитов выскочил еще один бронированный монстр, однако присоединиться к товарищам не стал: заметил меня. Подошел к воде, брезгливо потрогал лапой. Сделал несколько шагов в одну сторону, потом – в другую, продолжая неуверенно касаться воды.

За процессом я наблюдала пристально, напряженно ожидая развязки. Если оно все-таки поплывет...

Не поплыло. Разочарованно вякнуло и пошло к товарищам.

Арения завалили через пару секунд, но в этот момент к Нурию пришло подкрепление, и охота превратилась в большую свалку, где невозможно было разобрать, кто побеждает и сколько вообще участников в битве. Пауки тыкали лапами и плевались чем-то зеленым, но не походило, что это вещество вредит хищникам, броня надежно их защищала. И если бы кто-то спросил, в этой драке я

бы поставила именно на них.

Понимая, что силы на исходе и даже наблюдение за происходящим со стороны скоро может стоить мне жизни, я огляделась в поисках спасения. Подходящим для этой роли оказался один из небольших островков, торчащих из озера, – не то нагромождение камней, не то сталагмиты, образовавшиеся еще тогда, когда озера здесь не было.

Доплыла до ближайшего на последнем издыхании. С трудом цепляясь за скользкий и мокрый камень, в два приема выбралась из воды. Сначала выбросилась животом вниз, некоторое время так повисела, отдуваясь и наслаждаясь свежим воздухом, который после горячей воды казался даже прохладным. Камень больно упирался в живот, но, несмотря на это, дышать стало легче. Потом приподнялась на дрожащих от усталости руках, вытянула себя на булыжник целиком и, чудом не сорвавшись обратно в воду, сумела сесть.

В первый момент, конечно, нашла взглядом берег, откуда доносились крики, рык, мерзкий хруст и какие-то еще неопишуемые звуки. Первым, что увидела, был один из аборигенов, которого, держа его голову в пасти, бодро тащил куда-то удачливый хищник. К горлу подкатила тошнота, я поспешила отвернуться.

Подтянула ноги к себе, уткнулась лбом в колени и зажмурилась. А через пару мгновений попыталась ладонями зажать уши, потому что воображение очень живо дорисовывало картинку к отчетливо слышному визгу и чавканью.

Хорошая получилась прогулка, насыщенная...

Совесть даже не попыталась грызть меня за то, что я бросила аборигенов, начиная с Нурия, самостоятельно разбираться с тварями. Во-первых, я при всем желании не смогла бы им помочь, а во-вторых, если разбираться, блондин первый обо мне забыл.

Обвинять его я, конечно, не собиралась: растерялся, не ожидал нападения, а потом нас разбросало в разные стороны, и тем более стало не до того. Он ведь тоже оказался безоружным перед бронированным хищником и, если бы не своевременное появление арения, прожил бы очень недолго.

Но это я в мыслях могла себя убедить, логически. С эмоциями было сложнее, потому что...

Гаранину такие отговорки не требовались. Он защищал, не мешкая, рефлекторно, закрывая собой и, я готова была поручиться, не задумываясь, есть на нем броня или нет. Да, у него особая подготовка, и это стоит принимать во внимание, но Нурий вроде тоже не домосед-ботаник! В общем, после всего этого особенно противно и фальшиво выглядели рассуждения аборигенов о слиянии и ценности женщин. Полковник не говорил, он делал, и сейчас контраст между ним и местными оказался еще более отчетливым. Не в пользу последних.

Отсутствие рядом Захара вдруг стало ощущаться особенно остро и тоскливо. Все-таки я очень к нему привыкла за прошедшие дни. Привыкла, что именно рядом с полковником я в безопасности. Причем на этой планете, как показывала практика, можно было чувствовать себя спокойно *только* рядом с ним.

Попробовала вот выйти куда-то без Гаранина, доверилась местным. Теперь сижу посреди озера, трясусь от страха, мокрое платье противно облепило ноги. Одновременно и зябко, и душно, и по коже стекает противный липкий пот. Тело ломит, из-за скрюченной позы затекла спина, но нет никаких душевных сил распрямиться – страшно увидеть идущий на берегу пир. Отличный результат самостоятельности!

От приятного легкого опьянения, вызванного шуликом, не осталось и следа. Или пришло время похмелья?

Глубокий судорожный вздох обернулся жалким поскуливанием. Я сжала зубы и сильнее зажмурилась, чтобы не дать себе позорно разреветься. Хотелось, чтобы кто-нибудь пришел, взял на руки и унес куда-то в безопасное место. Причем кандидат на роль «кого-то» представлялся всего один. Жаль, что он точно не придет.

Не знаю, сколько я просидела так без движения, лелея свои страхи и обиду на весь мир. Наверное, все еще действовал шулик, потому что в обычном состоянии подобные эмоции мне не свойственны.

Или дело вовсе не в напитке, а в пережитом страхе? Пережитом в одиночестве, а не в надежной компании, когда есть, на кого отвлечься, и есть, кому поддержать.

От самокопания отвлек окрик.

– Василиса! Ты жива!

Я вскинулась, поморщившись от боли в затекшей шее, сощурилась на яркий свет, нашла взглядом Нурия на том берегу. Надо же, уцелел. Везучий какой!

Никаких эмоций по поводу блондина я уже не испытывала, выжил и выжил. Умиление и очарование его наивной непосредственностью сгнули, кажется, безвозвратно.

- Как ты туда забралась? - изумился абориген.

«Поляна битвы» имела такой вид, что всякое желание двигаться к берегу отпало, даже смотреть в ту сторону не хотелось. Разорванные тела арениев, один или два бронированных трупа, оторванные части человеческих тел. Я оглядела озеро, выбирая более чистый участок пляжа и прикидывая, сумею ли доплыть. Идея была удачной, подходящий берег оказался даже ближе.

Не отвечая ничего Нурию, осторожно выпрямила ноги, разминая затекшие мышцы. Похлопала себя по бедрам, по икрам, немного посидела, ожидая, когда пройдет онемение в затекших конечностях. Потом осторожно сползла обратно в воду и медленно, размеренно поплыла к берегу. Вдох - выдох, вверх - вниз, вдох - выдох... Главное, не спешить и не отвлекаться на неприятные ощущения в теле. Течения нет, волн нет; доплыву, куда денусь!

Блондин опять попытался меня дозваться, походил вдоль берега - точно как одна из нападавших тварей. Потом сообразил наконец, что плыву я в другую сторону, и перестал кричать. Наконец-то. Сейчас ответить ему я не смогла бы, даже если бы очень хотела: не сбивать же из-за такой ерунды дыхание.

На сушу выползала на четвереньках, благо берег был пологий. К этому моменту Нурий уже успел примчаться на одном из арениев.

- Как хорошо, что ты цела! - обрадованно сообщил он. - Хорошо, что догадалась спрятаться в воде: брюхи тяжелые, они сразу тонут, там было безопасно. Хочешь чего-нибудь? Пить?

- Отвези меня домой, - прохрипела в ответ.

Нурий заметно скис и умолк, но сейчас мне на его душевное состояние было плевать. Главное, что он послушно подсадил меня на спину паука, уселся сам, и членистоногое припустило к выходу, оставляя позади залитую кровью пещеру. Я сжалась в кресле, обхватила себя за плечи, опять закрыла глаза. После щелкающих в считанных сантиметрах от головы острых зубов высота уже не пугала.

Всю дорогу я продремала, порой вскидываясь от крупной дрожи: после купания и душной влажной пещеры в мокром платье в коридорах было откровенно холодно. Но обращаться к Нурию не стала, все равно не поможет. Главное, пусть домой отвезет, а там есть теплый душ и одеяло. Авось не подхвачу пневмонию после этой прогулки!

Грустный и задумчивый Нурий проводил меня до двери. Которую я захлопнула перед его носом, даже не попрощавшись. Нет, на аборигена я не обижалась, просто на вежливость не осталось ни моральных, ни физических сил.

А начбез действительно, к моему облегчению, нашелся дома. Он дремал, но на звук шагов сразу же вскинулся.

- Вась, ты... что с тобой?! - В голосе полковника явственно прозвучала тревога пополам с удивлением. Мужчина соскочил с кровати, на полпути к уборной перехватил меня за плечи. - Вася!

- Х-холодно, - ответила ему. Как раз в этот момент меня накрыло новой волной дрожи, поэтому говорить было особенно сложно.

Грязно матерясь себе под нос, Захар содрал с меня мокрое холодное платье. Причем «содрал» в буквальном смысле, я отчетливо слышала треск ткани. Потом подхватил на руки и потащил в вожделенный душ. За эти несколько секунд я постаралась прижаться к нему покрепче. Тут не до смущения: после стылых коридоров Гаранин казался горячим, и плевать на все остальное.

В душевую начбез ввалился со мной вместе, пустил горячую воду, так что я охнула и дернулась от неожиданности. Мужчина не позволил выскочить, удержал под потоками воды и принялся старательно растирать мне плечи и спину. За неимением мочалки - руками, но это было гораздо приятнее. Меня наконец перестало трясти, даже в голове немного прояснилось.

- У тебя штаны промокли, - заметила рассеянно.

- Как промокли, так и высохнут, - отмахнулся Гаранин. - Ты как? Лучше?

- Ага. Спасибо...

- Постой, я сейчас. - Начбез отступил на пару шагов, оставив меня приходить в себя под теплыми струями, взял большое мягкое полотенце, исполнявшее роль полотенца, расправил. - Иди сюда.

Я послушно шагнула к мужчине и оказалась укутана с ног до головы. Вытер меня Захар тоже сам, видимо не доверяя моим дрожащим - на этот раз от слабости - рукам. Опять завернул, поднял и вынес наружу.

Начинаю думать, что он идеален...

- Посиди, сейчас, - повторил, устроив меня на кровати. Я даже сумела улыбнуться этой команде.

Пока Гаранин менял штаны на сухие, я наконец-то сумела проявить самостоятельность. Немного выпуталась из полотенца, энергично растерла им лицо и голову, отчего волосы наверняка встали дыбом мелкими иголочками - они всегда так делают.

- Так, а теперь рассказывай, что стряслось.

Вернувшись, Захар взял с полки платье для меня и даже помог его надеть. Я не сопротивлялась, потому что слабость в перетруженных мышцах никуда не делась. Вместо этого начала обстоятельный рассказ о собственных приключениях.

- Знаешь, я вот сейчас подумала... - заметила, закончив. - А эти брухи, они чем-то внешне твою броню напоминают. Может, аборигены поэтому так нервно и напряженно на нее реагируют?

- Наверное. Ну, Вася!.. - выразительно хмыкнул Гаранин, качнув головой. Ничего больше не сказал, но как-то сразу стало понятно, что он думает об этом приключении.

- Поначалу все шло хорошо, - возразила я. - Кто мог знать, что эти твари нападут?

- Ты о них, надо полагать, не расспросила?

- Нет, я... не в том состоянии была, - признала нехотя. - Завтра узнаю. Кажется, Нурий чувствует себя виноватым, можно этим воспользоваться. А у тебя как день прошел?

- В сравнении с твоим - никак, - усмехнулся он. - Да и в остальном пока говорить не о чем.

- Может, это одних рук дело? Ну, взрыв и это нападение?

- Не говори ерунды. Это явно животные, хищники, а там были вполне разумные существа. Ну или, по крайней мере, звери с совсем другой линией поведения. Ты точно не помнишь, сколько среди трупов было нападающих и людей?

- Захар, если я сейчас не бьюсь в истерике, это совсем не значит, что я могла невозмутимо наблюдать, как бронированные твари жрут местных, - от воспоминаний аж передернуло.

- Ну мало ли! - Он выразительно развел руками. - Но не помнишь - значит, не помнишь, попробуй завтра хоть у Нурия спросить.

- Попробую, - эхом откликнулась я и поползла по кровати к подушке. Там упала на постель, обернулась ко все еще сидящему на краю Гаранину, который проводил меня задумчивым взглядом. - Захар... Спасибо тебе большое.

Толком сформулировать, за что именно, так и не смогла. За заботу, за поддержку, за понимание. Наконец, за то, что он вообще сейчас тут, со мной.

Начбез кривовато усмехнулся в ответ и сказал только:

- Спи.

Свет погас после хлопка, и я через пару мгновений действительно ухнула в черноту.

Очнулась среди ночи от накативших тошноты и головокружения. Могу ошибаться, но, кажется, так плохо мне не было еще ни разу в жизни, даже в веселые времена студенчества.

Несколько секунд лежала, пытаюсь дышать глубоко и ровно, и соображала, что происходит. На последствия стресса не похоже, на простуду - тоже как-то не очень. Вариант остался один: шулик. Все-таки отравы!

Я попыталась сесть, чтобы потихоньку доползти до туалета. Но трясущиеся от слабости руки подломились и опрокинули меня обратно на подушку. Задушив в зародыше поднимающуюся внутри панику, я напомнила себе, что не одна. И даже, ругаясь на меня за безалаберность и дурость, Гаранин не оставит умирать, проверено. Чем сможет - поможет. Он же говорил, что какая-то

аптечка есть, не может же там не быть универсального антидота! Его, по-моему, во все дыры пихают.

- Зар! - позвала я, с трудом подняла руку, чтобы найти в сумраке плечо мужчины. - Зар! Мне нужно... - пробормотала - и осеклась, прислушиваясь к ощущениям.

- Что случилось? - вскинулся Гаранин, приподнимаясь на локте. - Вася? Что еще?

Дурнота вдруг отступила полностью. Вместо нее меня окутал терпкий, щекочущий ноздри, волнующий запах - я даже предположить не могла, чего именно, но готова была вдыхать его непрерывно. А еще моя ладонь, в сумраке легшая на плечо полковника, на мгновение замерла, а потом скользнула в сторону, к локтю, оглаживая теплую кожу.

Мыслей в голове почти не осталось. Единственная сводилась к констатации очевидного факта: а ведь Гаранин действительно очень сильный мужчина. Под рукой были буквально не человеческие мышцы, а сталь, обтянутая тонким слоем кожи. И вроде бы я знала о его силе и тренированности, но до сих пор не имела возможности спокойно ощупать, а знать - совсем не то же самое, что чувствовать.

- Василиса, ты в порядке? - уже вовсе встревоженно проговорил полковник. Сел, хлопнул в ладоши, пробуждая светильники. Я зажмурилась от яркого света и инстинктивно подалась ближе к мужчине, пытаюсь спрятаться за ним. - Вася?!

Он обхватил меня за локоть, слегка встряхнул.

- Почти, - пробормотала я, все еще жмурясь. Села, опираясь на свободную руку. От слабости не осталось и следа, тело меня опять слушалось. Единственное, выпустить плечо мужчины было решительно невозможно, от одной мысли об этом делалось жутковато.

- Посмотри на меня. Тебя знобит? Все-таки простудилась? - Резкий, чуть более хриплый со сна, чем обычно, голос мужчины странно действовал на меня. Завораживал, окутывал вместе с запахом, туманил разум, рождал в точке между лопаток щекотные мурашки, словно от легкого ласкового прикосновения.

- Уже не знобит, - отозвалась я, все же открывая глаза. Встретилась взглядом с полковником - и опять зависла.

А у него красивые глаза... Бархатистые, шоколадного оттенка, удивительно теплые.

Пока я бессмысленно таращилась на мужчину, он обхватил ладонью мое лицо, вынуждая запрокинуть голову. Властно, но осторожно, стараясь не причинить боли. Прикосновение это вырвало шумный вздох - и отозвалось внизу живота сладким, тянущим чувством неожиданно сильного возбуждения.

Я была уверена, что Гаранин меня поцелует. Потянулась навстречу...

- Не дергайся, - буркнул он - и оттянул веко, проверяя реакцию зрачка на свет.

Я поперхнулась вздохом, а полковник через мгновение отпустил мою голову.

- Странно, нормальные, не расширенные... Ты спишь? Ты меня вообще слышишь?

- Слышу, - проговорила отстраненно.

Повела ладонью от его локтя по плечу вверх. Кончиками пальцев очертила ключицу до впадинки у основания шеи и двинулась вниз по груди, зачарованно следя за собственной рукой. От этого простого прикосновения дыхание у меня сбилось, а от новой волны возбуждения на мгновение потемнело в глазах.

Гаранин перехватил мою ладонь на уровне солнечного сплетения, отодвинул, второй рукой опять поймал за локоть и встряхнул.

- Вася, приди в себя! Что еще случилось? Ты точно все рассказала?

- Все со мной в порядке, - вздохнула я, недовольно поморщившись. - Гаранин, ну ты мужик или нет?!

- Ты это к чему? - Полковник озадаченно нахмурился.

- К тому самому, - проворчала в ответ и наконец сделала то, что хотелось, - дотянулась губами до его шеи. Уткнулась носом в ямку под ухом, шумно втянула воздух, впитывая запах его кожи, слегка прикусила, потом провела языком вдоль ключицы.

Гаранин настолько опешил от моих действий, что отреагировал далеко не сразу. Потом все-таки опомнился, перехватил за плечи, отодвинул на вытянутых руках.

- Вася, очнись, ты явно не в себе! - строго велел он.

- С чего ты взял? - поморщилась недовольно. - Я прекрасно помню, где мы находимся, и отдаю себе отчет в собственных действиях.

- И что ты делаешь? - ехидно уточнил полковник.

- Пытаюсь тебя поцеловать, - ответила невозмутимо, спокойно глядя в темные, обычно злые глаза, которые сейчас смотрели донельзя растерянно. Освободившейся рукой скользнула по бедру мужчины, но Гаранин опять перехватил мою кисть. - Но ты ломаешься, как девица, даже обидно...

Я всем телом подалась вперед, стараясь оказаться поближе.

- Или я тебе совсем не нравлюсь?

- Если бы, - буркнул начбез себе под нос, но тут же обратился ко мне: - Вася, давай мы с тобой кое-что проверим, потом выпьем лекарство и успокоимся, хорошо? - Он старался говорить мягко, увещательно, как с душевнобольной. От этого голос звучал, словно басовитое тигриное мурлыканье, лаская кожу и отдаваясь щекоткой в затылке и ниже, по шее до лопаток. Смысл сказанного доходил до меня с опозданием.

- Какое лекарство?

- Хорошее, полезное, - заверил Гаранин, продолжая крепко держать меня на расстоянии.

- Надо же, а кажешься таким крепким, здоровым... - печально вздохнула я.

- Что? - растерялся он.

- Ну я не ожидала, что ты без лекарства ничего не можешь в постели.

- Мы с тобой утром вернемся к этому вопросу, - хмыкнул полковник. Прозвучало угрожающе.

Он выпустил мои руки, но тут же отстранился, поднялся с постели и пошел к своим вещам. Я проследила за мужчиной взглядом. И как раньше не замечала, насколько красиво он движется? Легко, плавно, словно крупный хищник. Поджарый, жилистый; тело не показательно-рельефное, как у аборигенов, но привлекает внимание гораздо сильнее. Тренированностью, ощущением настоящей, звериной какой-то, силы, а не ее декоративным подобием.

Наблюдать и не иметь возможности коснуться было особенно мучительно. И я не выдержала, шагнула к мужчине, бесшумно ступая босыми ногами. Гаранин искал что-то в своих вещах и, кажется, действительно меня не заметил, потому что ощутимо дернулся, когда я прижалась к нему со спины.

- Вася, хочешь жить - никогда так не делай! - проворчал полковник.

- Как? Так? - проворковала я, с удовольствием скользя ладонями по его телу вниз - от груди на твердый живот, еще ниже... - Знаешь, мне кажется, тебе никакие лекарства не нужны. Ты уверен?

Начбез тихо прошипел себе под нос что-то нецензурное, два раза легко стукнулся лбом о край полки.

- Уверен, уверен, - пробормотал он и стремительно развернулся в моих руках.

Только обрадовалась я рано, сделал он это совсем не для поцелуя. Наоборот, проворно скрутил меня - я даже понять не успела, как оказалась развернутой к нему спиной, с заломленными назад руками, за которые меня держали.

- Гаранин, ты!.. - прошипела негодующе. - Я тебе!..

- Спасибо завтра скажешь, - буркнул мужчина. Плечо слегка кольнуло. - Лучше бы натурой благодарила, черт тебя дери...

Но за последние слова не поручусь, потому что где-то в этот момент мое сознание померкло.

Очнулась я отдохнувшей, в хорошем самочувствии, если не считать легкой сухости и неприятного горького привкуса во рту, и с отвратительно ясной головой. События на берегу озера меня сейчас волновали мало, а вот поведение ночью с Гараниным... Почему, ну почему то вещество, которым накачал меня абориген, не давало побочного эффекта в виде амнезии?!

Я приставала к черному полковнику. Грязно и очень глупо, то есть буквально висла на нем, несла полную чушь и... наверное, если бы могла, изнасиловала бы. Хорошо, что он сильнее и оказался таким принципиальным – сообразил, что я не в себе, и аккуратно вырубил. Или не очень хорошо? Если бы он воспользовался моим вчерашним состоянием, я еще могла бы ощущать себя несчастной жертвой, а теперь... Стыдно-то как, мать моя женщина! Как теперь ему в глаза смотреть?

Я прислушалась к окружающему миру, стараясь не выдавать, что уже проснулась. В комнате царил тишина, поэтому решила рискнуть. Не могу же я вечно притворяться спящей, рано или поздно придется извиняться!

Ладно, в конце концов, я взрослая женщина без каких-то личных обязательств, он тоже вполне одинокий мужчина. Ну подумаешь, облапала! И вообще, судя по реакции, ему понравилось...

Наконец, уговорив себя встать, я обнаружила, что в комнате действительно одна. Неужели Гаранин оказался *настолько* благородным, что оставил меня приходить в чувство в одиночестве, а сам потихоньку отбыл заниматься поисками дальше?

Повеселев от этого предположения, я поплелась в душ приводить себя в порядок.

Однако благородство Гаранина так далеко не распространялось, ну или проявить его он не успел: я столкнулась с выходящим мужчиной на пороге уборной. Отпрянула на шаг, не поднимая взгляда выше впадинки между ключицами. Тут же вспомнила, что именно там его вчера целовала; в подробностях, со всеми ощущениями. Увы, очень приятными.

Заговаривать со мной и облегчать задачу мужчина не спешил, невозмутимо скрестил руки на груди, не двигаясь с места. К счастью, полковник был не в полотенце, а в тонких местных штанах. К несчастью – сидели они на нем отлично.

– Доброе утро, – наконец выдавила я и заставила себя поднять взгляд. Естественно, Гаранин даже не пытался спрятать ехидную ухмылку.

– С пробуждением, пьянь, – хмыкнул он. – Как самочувствие?

– Нормально. Ты... извини за вчерашнее, я не хотела.

– Да? А по-моему, наоборот, – хохотнул полковник.

– Ну ладно тебе, не издевайся, – проворчала я обиженно. – Подумаешь, ощупали его, какая трагедия!

– Мало! – продолжил веселиться он. – И с обидными намеками.

Я глубоко вдохнула, медленно выдохнула, стараясь перебороть смущение. Черт, я так себя и в юности с мужиками не чувствовала, а тут – мямлю и двух слов не могу связать! Ничего ужасного не случилось, ну посмеялись и забыли, откуда же столько эмоций?

Впрочем, если подумать, объяснение найти нетрудно.

Во-первых, потому что это – черный полковник, которого мы на станции как только не называли за глаза. Я же тогда не знала, что на самом деле он хороший мужик – грубоватый, но надежный и честный. И перед ним неудобно за себя и коллег, и перед ними, как ни странно, тоже. Представляю, как бы они отреагировали на рассказ о моих поползновениях! И не только вчерашних, потому что...

Во-вторых, на ощупь Гаранин действительно оказался хорош. И некоторая – возмутительно большая – часть меня искренне сожалела, что он такой принципиальный. Я и сейчас не очень-то возражала против того, на чем настаивала вчера.

– И что, ты меня теперь всю оставшуюся жизнь будешь шпынять? – все-таки задавила я смущение и скопировала позу мужчины, тоже скрестив руки на груди.

– Пока не надоест, – не стал обнадеживать меня Гаранин. – Но могу согласиться на небольшую моральную компенсацию. И условие.

– Ладно, и что мне сделать? Публично извиниться? Уговорить Баева тебя слушаться?

– Когда мы там еще до твоего Баева доберемся, – отмахнулся полковник. – Да он и без тебя поумнеть должен. Нет. Просто расслабься, – ухмыльнулся начбез, делая шаг вперед.

Я не успела отшатнуться и оказалась в объятиях мужчины. Рефлекторно уперлась в его грудь обеими ладонями и едва удержалась от того, чтобы еще раз, уже на ясную голову, ощупать. Все-таки удивительный эффект: Гаранин даже без одежды выглядел достаточно тощим, а дотронешься – и сразу понятно, откуда берутся сила и выносливость.

Когда мужчина толкнул меня к ближайшей стене и, перехватив запястья, прижал их к твердой поверхности над головой, не испугалась совершенно, даже мысли о какой-то угрозе не промелькнуло. Оно и понятно, странно бояться начбеза после проявленного им вчера благородства. Был бы он способен на подлость, воспользовался бы ситуацией. А сейчас... ну решил немного попугать, в назидание. И немного пощупать в ответ. Можно подумать, я возражаю!

Дальше стало совсем не до мыслей, потому что мужчина вклинился бедром между моих ног, тесно прижался всем телом и поцеловал. Уверенно так, умело – без лишнего напора, но с жадностью и явным желанием большего. А я без раздумий ответила, потому что... стоять истуканом, когда тебя так целуют – это надо быть трепетной девой или полной дурой, а скорее, всем вместе.

Гаранин выпустил мои запястья, чтобы обнять за талию и бедра. Я не стала спорить и охотно обхватила его одной рукой за пояс, стремясь прижаться ближе, а второй – за шею. Целовались мы еще с минуту, и я уже думать забыла о том, с чего все началось. Желание было взаимным, осознанным, полностью добровольным и не менее жгучим, чем вчера, в наркотическом угаре.

Но начбез, похоже, решил получить-таки моральную компенсацию за вчерашний облом. Потому что поцелуй прервал, из объятий меня выпустил и даже немного отодвинул, придерживая за талию. Цепляться за него опять я, конечно, не стала, но почувствовала себя обманутой в лучших чувствах.

– Заманчиво, но – потом, – со смешком сказал полковник.

– Это ты со мной или с собой сейчас разговариваешь? – не упустила я случая съехидничать.

– С обоими, – весело отозвался он. – Будешь хорошо себя вести – продолжим, когда вернусь.

– То есть как – хорошо себя вести? – Наглость ошарашила, одним ударом рассеяла весь сладкий туман, прочистила мозги.

– Не выходить из комнаты и не лезть в неприятности. – Полковник принялся спороvistо одеваться, больше не глядя в мою сторону. – Это условие.

Я на пару мгновений замерла, не в силах подобрать приличные слова для ответа. Обиднее всего, что по сути сказанного возразить было нечего: я действительно вчера вышла из комнаты только для того, чтобы вляпаться в неприятности, причем именно во множественном числе. Но форма подачи и интонация мгновенно вывели из себя – столько в них было снисходительности и пренебрежения. То есть «я с тобой пересплю, так уж и быть, если не будет замечаний по поведению».

– Спасибо, обойдусь, – взяла себя в руки и проговорила ровно.

– Обойдешься без чего? Без неприятностей? – Гаранин, натянув рубашку, бросил на меня насмешливый взгляд.

– Без продолжения, – ответила спокойно. – И твоих условий. Ограничимся вполне достаточной моральной компенсацией.

– Вась, ты обиделась, что ли? – проворчал полковник, приближаясь. На ходу он прилаживал под рубахой какие-то сумки, откуда только взял! Неужели броня у него *настолько* многофункциональная? – Ну извини! – недовольно буркнул начбез. – Не знаю, как ты, а я не хочу тут торчать дольше необходимого. Так что сначала дело, потом развлечения. Как раз утро, у них самая движуха, внимания к деталям никакого.

М-да. Иногда пронизательности в нем как железа в протозвезде.

– Гаранин, ты компенсацию моральную получил? Вот и хватит. На трезвую голову ты не в моем вкусе, уж извини.

Полковник окинул меня тяжелым, хмурым взглядом, каким-то чудом не сплюнул себе под ноги и, молча развернувшись, вышел.

А я тяжело вздохнула, уронив руки, которые опять в защитном жесте скрестила на груди, и поплелась-таки в ванную. Без того нерадостное с утра настроение провалилось сквозь ноль и плавно устремилось к минус бесконечности.

До чего все-таки тяжелый человек. Спасите меня высшие силы от того, чтобы еще хоть раз связаться с военным!

Конечно, в размовке я тоже виновата. Могла бы не лезть в бутылку Клейна, объяснить, что именно мне не понравилось и почему. Заставить выслушать, рассказать подробно, спокойно, детально, с уточнением моей жизненной позиции и пояснением, откуда она взялась. Почему я не люблю, когда мной пытаются командовать в таком тоне, и чего еще не люблю в этой жизни. Гаранин,

скорее всего, понял бы, он не дурак и слушать умеет. Даже, наверное, извинился бы уже осознанно, потому что полковник еще и очень порядочный человек, хотя подобное сложно предположить по первому впечатлению.

Но ради чего? К нашему возможному возвращению домой это никакого отношения не имеет, я же не собираюсь закатывать мужчине истерики и бегать от него, затрудняя собственное спасение. Работать можно с кем угодно, при условии его вменяемости, даже если отношения оставляют желать лучшего.

А если говорить не о работе, а о чем-то личном... Больше, что у нас может получиться, это секс без обязательств. И то один, самое большее – два раза. Не потому, конечно, что я сомневаюсь в возможностях начбеза, не нужно обижать мужика, а потому, что после сближения Гаранин начнет давить еще сильнее. Он боевой полковник, он привык не просто командовать, а в экстремальной ситуации строить толпу агрессивных мужиков.

Теоретически, конечно, можно и с таким наладить контакт. Но для этого надо долго и тщательно его приручать, объяснять, разговаривать, действовать хитростью и лаской, исподволь... Ненавижу. Мне на работе интриг достаточно. Не то чтобы там все совсем плохо в этом смысле, но могло бы быть и лучше. А взваливать на себя воспитание здорового сурового мужика – да в черной дыре я видела такие развлечения!

Тем более что Гаранин изначально не очень-то настроен на разговор и общение. Выводы делает с ходу, вопросов не задает, я в его картине мира – тупое гражданское лицо с суицидальными наклонностями. Которое лучше бы связать, но нельзя: а ну как убежать придется, а оно не готово?

Наверное, последнее меня сейчас рассердило сильнее всего. Я-то могла с ним поговорить, а вот полковник и мысли такой не допустил. Даже не попытался объясниться по-хорошему и потом не стал разбираться, что именно не так, сразу сделал выводы. Он вообще, похоже, не склонен обсуждать проблемы с окружающими – либо командует, либо выполняет приказы. Накинулся с поцелуями, одной фразой походя низвел до уровня домашнего животного, подлежащего дрессировке. А потом обиделся и гордо ушел делать важные дела, пока глупая женщина психовала из-за ерунды.

Запереть его в четырех стенах – я бы посмотрела, как бы он сам психовать начал. А так-то у него Цель, а я отвлекаю, от скуки бешусь.

Я тенью обошла комнату, перебрала свои наряды, выбрала другой, на смену тому, который использовала в качестве ночной рубашки. Потом передумала и взяла третий. Странное у них тут все-таки отношение к одежде, странная экономия: похоже, им проще заменить вещь, чем постирать.

Бешусь, да. Прошел всего час с ухода Гаранина, вряд ли больше. Вчерашний ужас как будто еще жив в памяти, я понимаю, что могла погибнуть. Но уже готова забрать обратно данное себе обещание сидеть тихо и никуда не лезть. А что будет еще через пару-тройку часов? Да я точно снова пойду искать себе приключений!

Глава 7

Дрожь земли

Однако спасение явилось куда раньше, чем я начала по-настоящему выть от скуки и выглядывать за дверь: явился Нурий в сопровождении завтрака.

- Здравствуй, Василиса.

Блондин держался исключительно неуверенно: переминался с ноги на ногу, неловко улыбался, глядел заискивающе и даже не подумал сесть рядом, что обычно позволял себе весьма охотно. Так и замер передо мной, по другую сторону от арения-столика.

- Привет, - кивнула я, разглядывая мужчину с любопытством.

Нурий явно чувствовал себя виноватым. Интересно, в чем именно? С их странной логикой ни в чем нельзя быть уверенной.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил абориген, продолжая неловко перетаптываться.

Все же что его так выбило из равновесия? Вчерашнее нападение, во время которого блондин не сумел меня защитить? Или странные ночные последствия?

- Неплохо, - ответила я после короткой паузы. - Но, кажется, должно быть иначе?

- Нет, что ты! - вскинулся Нурий. - Я очень надеялся, что последствия не будут...

- Садись и рассказывай, чем ты меня вчера напоил и на какой эффект рассчитывал, - строго велела я, прервав неуверенное бормотание.

Очень странное ощущение. Передо мной стоял посторонний мужчина в два раза крупнее и на порядок сильнее меня, а я его отчитывала, как мальчишку. И вел он себя соответственно, словно нашкодивший пацан!

Сплошные крайности кругом. Очаровательно-наивный Нурий и угрюмо-суровый Захар.

Кажется, я ужасно соскучилась по своей лаборатории в целом и живому энергичному Амадео - в частности. Именно в такие моменты и начинаешь особенно ценить людей, с которыми можно поговорить. Просто поговорить, обо всем на свете, не рискуя нарваться на невольное оскорбление или безмятежное непонимание.

Нурий немного помялся, но все-таки сел и начал путано объяснять что-то про запахи и готовность к слиянию и про то, что он не хотел, но так получилось.

Подробный допрос позволил в общих чертах установить истину. Оказалось, для привлечения самок, то есть, прошу прощения, женщин, аборигены вырабатывают особый летучий секрет - собственно, те же самые феромоны, которые, насколько я знаю, есть и у людей. Только местные ориентируются на них куда сильнее нас, и женщина выбирает себе идеального самца именно по запаху.

Шулик, которым меня вчера напоил блондин, расслаблял, успокаивал и усиливал восприятие этих самых феромонов. Обычно, если женщина оказывалась расположена к своему визави, после шулика она легко склонялась к слиянию. Потому у аборигенов первое свидание и становилось обычно последним: выбрав по хранящему запах хозяина ушелю партнера, самка прямо там и соглашалась на слияние. А в тех редких случаях, когда что-то шло не так, наутро ее ждало нечто вроде похмелья разной степени тяжести, с симптомами от головной боли до немотивированной агрессии и судорог.

Порядочки, м-да. Ухаживание, узнавание - зачем? Принюхалась, оценила запах, поплыла - и навсегда обеспечена личным кроликом-производителем, а вся община кормит и заботится, лишь бы размножались.

Брр! И вот как после подобных откровений считать аборигенов разумными?!

Хорошо еще на меня это сочетание веществ подействовало совсем не так. Может, потому, что меня изначально не очень-то тянуло к Нурию как к мужчине?

И хотелось бы сказать, что не подействовало совсем, но я отлично помнила, как домогалась вчера Гаранина. То ли лично его разнюхала, то ли просто мужик своего вида показался предпочтительней...

А со мной Нурий, собственно, зашел попрощаться.

- Это почему? - растерялась я.

- Ты не выбрала меня даже с шуликом, - грустно ответил блондин. - Значит, я должен уйти и дать возможность другим.

И хотя никакого желания расставаться со мной он не испытывал, но в решении этом оказался непреклонен. Кажется, было оно добровольно-принудительным, мотивированным на законодательном уровне - или, вернее, традиционном, потому что о юриспруденции в современном понимании тут наверняка не слышали.

- Ладно, но перед этим ответь мне еще на пару вопросов, - решила я. - Что это за существа вчера на нас напали?

- А, это брухи, - как будто с облегчением ответил Нурий. Кажется, ожидал совсем других вопросов, выбранная же мной тема не относилась к числу сложных. - Они хищники. Стаями живут в пещерах, нападают. Повезло вчера, они на окраине появились. Иногда вылезают из земли внутри города, убивают детей, - грустно вздохнул он.

- И часто нападают?

- Случается. Но теперь еще долго не придут, - заверил мужчина.

- То есть вы многих убили, больше не сунутся? - порадовалась я.

- Нет, просто добычи им хватит надолго, - успокоил меня блондин.

Я пару секунд таращилась на него молча, пытаюсь уложить сказанное в голове и связать суть с невозмутимой физиономией аборигена, расстроенного только предстоящей разлукой со мной. Получалось плохо.

- Добычи - это твоих сородичей? - все-таки уточнила осторожно.

- Да, арениев они не едят. Главное, дети и женщины не пострадали, - пояснил Нурий свою позицию.

- И тебе не жаль погибших?

- Они все - одинокие мужчины, - абориген слегка пожал плечами, как будто это все объясняло.

Домой. Как же я хочу домой...

Блондин и так перестал мне нравиться после вчерашнего, а теперь желание общаться с ним окончательно пропало, так что провожала я Нурия почти без сожаления. «Почти» - потому что другие, которым он обещал «дать возможность», вряд ли окажутся лучше. К этому я хоть привыкла и знала, чего от него ожидать, да и на вопросы он кое-как отвечал. А вот что получится с новыми - большой вопрос.

Правда, уйти блондин не успел. Я из вежливости поднялась, чтобы проводить гостя до двери, а в следующий момент земля под ногами резко дернулась и задрожала. И если бы не Нурий, я точно пропахала бы носом пол. А он ничего, успел среагировать и не только устоял сам, но и меня подхватил. Осторожно, но крепко сжал в объятиях и замер. Я на всякий случай насторожилась, но мужчина не тянул руки куда попало. Просто за первым толчком последовало еще несколько слабых, затихающих, и именно их блондин переживал.

Стоило земле успокоиться, Нурий тут же меня отпустил и даже отступил на шаг.

- Спасибо. Ты хочешь сказать, что вот это нормально? - хмуро спросила я. Ну ладно, один раз вчера качнуло. Но опять? И кажется, это землетрясение было сильнее...

- Да, не бойся, - успокоил абориген. - Если начало трясти, то еще несколько толчков будет, оно всегда так. Один раз никогда не бывает.

- Понятно.

На этом мы распрощались.

И все-таки мысль материальна. Наверное, мне как ученому неправильно так думать, уж очень это отдает религиозными пережитками. Но я неоднократно наблюдала это явление собственными глазами, и отрицать его не получается. Для достижения равновесия между научной картиной мира и суевериями я предпочитала думать, что за мистическими закономерностями лежит какое-то физическое явление, которое человечество еще не открыло и не описало, хотя постоянно пытается. В конце концов, несколько веков назад обыкновенный электромагнетизм выглядел магией, а пространственные проколы и искажения до сих пор многим кажутся таковой.

Сегодня реальность отозвалась на мое желание хоть чем-то развеять скуку и предоставила это «что-то» в полном объеме, многообразии форм и оттенков.

Первый доброволец пришел на смену Нурию где-то через полчаса, я как раз успела позавтракать. Это был шатен стандартных местных пропорций, то есть высоченный, мускулистый и длинноволосый, с типичной косой сложного плетения. Вот только физиономия его мне совсем не понравилась. Если блондина можно было назвать милым и очаровательным, то этот... Будь на его месте нормальный человек, я бы без сомнений сказала, что он записной бабник и даже, наверное, альфонс. Что-то такое хитрое, скользкое сквозило во взгляде, в движениях. Интересно, можно к кому-нибудь обратиться, чтобы его заменили?

- Здравствуй, Василиса, - томно промурлыкал он, приближаясь скользящим шагом. - Я Ангур. - Абориген проворно сцапал мою руку, уселся рядом и уткнулся носом в запястье. - Ты изумительно пахнешь...

- Убери руки, - велела ровным голосом.

Обычно чем сильнее я злюсь, тем спокойней и холоднее интонации. Как отмечали окружающие, подчеркнутая вежливость и полное отсутствие эмоций, как у плохого робота, означают, что меня довели до коллапса. Сейчас к злости примешался еще и страх - а ну как Нурий соврал, и они могут склонить к слиянию насильственно? - но хватило выдержки его не показывать.

Ангур проявил удивительную чуткость, какой позавидовали бы многие. Он не просто убрал руки, а отдернул их, да еще отпрянул на полметра. И выражение лица стало потерянным, почти испуганным. Похоже, мое недовольство он не просто ощутил, но глубоко им впечатлился.

- Хорошо. А теперь встань и выйди вон, - продолжила я с облегчением. - И больше ко мне не подходи.

И он опять послушался. Беспрекословно, без возражений, быстро и молча.

Оставшись в одиночестве, я перевела дух. Глубоко вздохнула, прикрыла глаза, пытаюсь расслабиться и сбросить внутреннее напряжение - меня едва заметно потряхивало. Чертовски повезло, что у них столь трепетное отношение к женщинам. Могло быть гораздо, гораздо хуже...

А после ухода Ангура аборигены пошли косяками, затеяли настоящее паломничество. Мужчины сменяли друг друга с такой быстротой и четкостью, будто за дверью стояла очередь. Один выходит, пара минут передышки, является следующий. Я даже не поленилась, на четвертом выглянула. Но толпы за дверью не обнаружила. Похоже, очередь у них была виртуальной, примерно как на прогулку в свободной пещере.

При нескольких разговорах присутствовал Марий, начальник Нурия, и сильно меня нервировал. Он не вмешивался в разговор, его словно бы не замечали соискатели, но я постоянно ощущала внимательный, изучающий взгляд. Не знаю, что он хотел высмотреть, но когда ушел - вздохнула с облегчением.

Несколько раз, как и предрекал Нурий, землю трясло. Мне казалось, что каждый новый толчок сильнее предыдущего, но не поручусь: все-таки я не сейсмограф, чтобы точно определять магнитуду. Все аборигены, которые находились в комнате в такие мгновения, сохраняли спокойствие и невозмутимость и заверяли, что это нормально. Пришлось перенимать их настрой.

Сначала казалось, что соискатели вот-вот кончатся. Потом я начала ждать, когда уже им, наконец, надоест. Потом поняла, что *им* не надоест никогда, смирилась и сосредоточилась на представленном многообразии: похоже, поток не иссякнет, пока я не выберу себе временную сиделку. На всякий случай уточнила у одного из претендентов, оказалось - да, именно так все и обстоит.

Одинокие девушки пригодного к размножению возраста попадали под опеку какого-нибудь мужчины, лишенного из-за преклонного возраста права на слияние. Как он выбирался - мне ответить не смогли. «Счастливчик» принимал на себя ответственность за новоявленную холостячку и фактически становился при ней слугой, выполняющим все капризы. Но последних вряд ли было много, при местном коммунизме и отсутствии понятия «роскошь» привередничать просто не в чем. Да и долго это опеку не длилось: девица бродила по городу, присматривалась, принималась и довольно быстро выбирала себе партнера.

В моем случае сделали исключение. Вела я себя, на взгляд аборигенов, странно - знакомиться не рвалась, к слиянию совсем не стремилась - и местных это очень нервировало. Вот и решили поступить по принципу «если звезда не желает падать в черную дыру, черная дыра начинает медленно ползти ей навстречу».

Поскольку увильнуть от выбора не позволили, я остановилась на русоволосом пареньке,

назвавшемся Тавием. Он был чуть поменьше остальных собратьев, обладал выразительными зелеными глазами и по-детски открытым взглядом. Но, главное, вел себя скромно, послушно и ненавязчиво. Именно его я в итоге отправила за обедом.

С ума сойти, докатилась... Выбрала себе компанию по признакам смирения и послушания. Но, с другой стороны, а чему удивляться, если воспринимать аборигенов как полноценных людей не получается совсем? Это и поначалу, при всех их странностях, было трудно, а после сегодняшних заявлений Нурия – тем более. И за такое отношение уже почти не стыдно.

Однако практика показала, что с выбором новенького я все-таки промахнулась. Молчал он, кажется, не от застенчивости, а от... мягко говоря, неумности. Попытка разговорить его привела к тому, что Тавий стал смотреть на меня большими испуганными глазами, причем с таким видом, словно вот-вот расплачется. Почти на все вопросы он неуверенно отвечал «не знаю» и «что?».

К ужину его непрошибаемость окончательно утомила. Попросив побольше еды, я прекратила мучить паренька странными вопросами и отпустила с миром. Ну его. Скоро Гаранин вернется, голодный и, надеюсь, с новостями.

За день с аборигенами я заметно поостыла и подобрела к полковнику. Все-таки резкость и неуживчивость выделяли его из этого благодушного стада в лучшую сторону, а наличие мозгов делало и вовсе бесценным. Утром я была слишком категорична и здорово погорячилась. Можно было проявить к Гаранину немного снисхождения и понимания, нехорошо отказывать человеку в праве на саморазвитие вот так, с ходу, не дав малейшего шанса. Может, он вполне способен делать выводы и работать над собой, если спокойно объяснить, что не так.

Да и «не так» мое, если разобраться, было больше продиктовано смущением и растерянностью, чем каким-то хамством со стороны мужчины. Я ведь умом понимала, что он не собирался меня оскорблять, просто произошло недопонимание.

В общем, я была настроена на переговоры, даже готова извиниться за свою вспыльчивость... Одна проблема: возвращаться мужчина не спешил.

Вскоре я начала всерьез нервничать, не вляпался ли Гаранин в какие-то неприятности. Вдруг нашел тех подрывников, но это зло оказалось куда опасней странных аборигенов? Вдруг ему нужна помощь? Но сознание собственной бесполезности в этом вопросе надежно удерживало меня на месте. Все, что я могла сделать, это обратиться к аборигенам, а это при их отношении даже к своим собратьям – меньше чем ничего.

Добавил тревоги и новый подземный толчок. Не знаю уж, насколько это привычно для местных, но меня опять буквально подбросило. Я резко села, напряженно прислушиваясь к окружающему миру и ожидая, что вот-вот на голову рухнет потолок, и почти готовясь куда-то бежать. Однако земля успокоилась. Через пару секунд и я взяла себя в руки. Лишь отчасти: время между толчками явно сокращалось, и впереди мерещился неизбежный жуткий итог этой раскачки.

Гаранина по-прежнему не было.

Потом я все же забылась тревожным поверхностным сном. Следующее пробуждение опять оказалось резким, неожиданным, словно кто-то потряс за плечо или громко окликнул. Решила, что это очередное землетрясение, но тревога оказалась ложной. Просто наконец-то вернулся полковник, живой и вроде бы совершенно целый, и именно его появление заставило меня очнуться.

– Разбудил? Извини, – заметил Гаранин мое движение.

Тихо прокравшись в комнату, Захар предсказуемо клюнул на оставленную наживку, то есть первым делом сосредоточился на еде. Сейчас он сидел за столом, торопливо уминая содержимое серых плошек. Свет я так и не погасила.

– Ничего, я ждала, – отмахнулась, потерла лицо, силясь отогнать сон и собрать мысли. – Есть новости?

– И да, и нет, – невнятно отозвался Гаранин, тщетно пытаясь не говорить с набитым ртом.

– Ладно, поешь сначала, – сжалилась над ним и сама стала рассказывать о брухах, отношении местных к потерям в своих рядах, о феромонах и нашествии претендентов на мое внимание. Начбез хмурился, никак не комментировал поведение аборигенов и мое негодование, но это не смущало. Оказывается, возможность высказаться и пожаловаться на все это безумие сама по себе здорово повышала настроение. – Но куда больше меня волнуют землетрясения. Может, пора отсюда выбираться? Аборигены, конечно, поразительно спокойны, но...

В том, насколько меня пугает дрожь земли, я так и не смогла признаться. Полковник неопределенно махнул рукой, прожевал и ответил:

- Завтра определимся. Надо еще кое-что проверить. Кажется, я нашел замаскированный лаз.

Мужчина утолил первый голод, а потом, порой прерываясь на новый кусок, рассказал, что сумел выяснить за сегодня, обойдя внушительную часть города.

Жилые и общественные помещения располагались ближе к поверхности и верхушке пирамиды, а вот в ту часть, что лежала в центре, Гаранину без боя пробраться не удалось. Ведущие туда ходы перекрывались очень прочными непрозрачными пленками, которые расступались сами собой при появлении допущенных аборигенов. Просочиться следом не вышло: полковника тут же заметили и выдворили обратно. Вежливо, без членовредительства, но непреклонно и без объяснений.

Настаивать и лезть за горизонт событий с голой задницей начбез, конечно, не стал, но в порядке эксперимента прожег дырку. В следующее мгновение откуда-то из щелей высыпалось несколько весьма странных ариений явно не транспортной конструкции. Пара занялась восстановлением преграды, а остальные встали на защиту прохода, потом подтянулась пара двуногих охранников. Паучки плевались весьма едкой кислотой, и это было их единственное оружие.

Окажись Гаранин в броне и задайся целью пройти, такая стража его, конечно, не остановила бы. Но ломиться мужчина не стал: во-первых, не видел смысла, а во-вторых, неизвестно, нет ли у аборигенов какого-то более эффективного оружия. И вообще непонятно, к каким последствиям может привести такое вторжение.

А внизу, под «муравейником», во все стороны тянулись пещеры-плантации. Которые совсем не охранялись.

- Погоди, выходит, подрывники настолько ленивы, что не могут спокойно собрать еду и самостоятельно приготовить? Надо сразу воровать готовое?

- Это разумно, - пожал плечами Гаранин. - Мы же не знаем, сколько их. Может, там двадцать человек и не до готовки. Кстати. Ты не спросила своего хахаля, как именно они готовят свои кораллы?

- Которого из них, нового или старого? - нервно хмыкнула я. - Нет, про кораллы я вообще не вспомнила. Да и вряд ли бы они ответили. А что с ними не так?

- Аппаратура уверяет, что они несъедобны. Не ядовиты, просто несъедобны, как песок, и простыми способами вроде варки превратить это в еду нельзя. Наши-то умники и не такое умеют, вот только у местных дикарей не видать серьезных химкомбинатов. Вообще никакой промышленности, и мне до сих пор интересно, как они одежду изготавливают. Ни одного стыка!

- Да? - удивилась я и принялась ощупывать собственный подол. - Не замечала... Вернее, даже не подумала об этом, у нас-то почти так же. Но то у нас! А как такое можно сделать руками?

- Без понятия, говорю же. Если у них есть какие-то производства, то они тоже расположены внутри горы, в закрытой зоне. И кухни, вполне возможно, там, потому что я так ни одной и не нашел. Впрочем, если еду таскают ариении, может, там вход такой, что нужно восемь ног и умение лазать по вертикальным стенкам. Все-таки кухня - не завод, ее легко можно спрятать между комнатами.

- А если попросить местных показать? Я могу попробовать, пока ты будешь изучать ход. Вряд ли они, конечно, согласятся, но чем черт не шутит!

- Не надо, не нарывайся, - поморщился Гаранин. - Сиди тут, отдыхай.

- Еще пара дней такого отдыха, и я начну подумывать, что местное слияние - не самый худший способ самоубийства. Хотя бы приятный, - мрачно ответила ему.

- А что не так?

Я бросила на полковника хмурый взгляд исподлобья. Но нет, мужчина был вполне серьезен и, кажется, действительно не понимал.

- Сам попробуй просидеть на месте целый день. Просто просидеть. Без работы, без какого-то дела, без развлечений, без впечатлений и смены декораций. Нет, ну ты, может, настолько суров и выдержан, что способен часами изображать изваяние без цели и надежды на перемены, а я уже по лесу соскучилась. Сегодня меня хоть претенденты развлекали, а что делать завтра - не представляю. Придется продолжать их перебирать, пока не кончатся...

Гаранин обвел меня внимательным задумчивым взглядом, медленно кивнул. Тщательно прожевав, заговорил после короткой паузы:

- Отдохну пару часов, еще раз проверю коридор. В любом случае завтра попроси побольше еды и

собери ее. Пойдем.

- Да ладно, я могу еще потерпеть, если надо, - стусевалась я, не ожидавшая всерьез именно такой реакции. Хотела только выразить собственное негодование, объяснить причины утренней нервозности. Может, в глубине души надеялась, что полковник подскажет, как себя развлечь.

Умеет он озадачить.

- Верю, - уголками губ улыбнулся Гаранин. - Но здесь впрямь незачем задерживаться. В местных есть подвох, это очевидно. Странные люди, странная жизнь, странное место. Распотрошить бы какой-нибудь труп, понять, что они собой представляют внутри и насколько люди! Только готовый взять негде. А убивать... Черт знает, как ониотреагируют. Неоправданный риск. Вот когда найдем надежный выход, можно попробовать.

- Жаль, не знаю, где находится та плантация, где вчера была драка с брухами, можно было бы разжиться кусочками, - посетовала я. - А вообще интересно, куда они отправляют своих мертвецов?

- Ничего похожего на знакомые варианты захоронений я не встречал, но это не показатель, - туманно отозвался полковник. - Вариантов масса.

Мы некоторое время помолчали, пока Гаранин заканчивал с едой.

- Честно говоря, мне тоже хочется убить кого-нибудь из них. Ну, для эксперимента, - призналась я со вздохом. - Посмотреть на реакцию, расчленив труп... кажется, во мне просыпается вкус к биологии. Пристрелишь кого-нибудь, когда будем уходить?

- Как они тебя достали-то! - рассмеялся Гаранин. - Посмотрим по обстоятельствам, кровожадная женщина.

- То есть с боем прорываться не станем? - прозвучало очень разочарованно.

- Я бы и один подобное оставил на крайний случай, а с тобой тем более! - отмахнулся полковник.

- А в меня они стрелять не будут, я же женщина!

- И ты готова поставить на это свою жизнь? - Мужчина насмешливо вскинул бровь. - Вась, не дури. Кстати, я не уверен, что у них есть чем стрелять. Ничего похожего на привычное оружие я не видел.

- Кстати, да! Даже на примитивное, вроде дубин, - сообразила я. - Может, им хватает плюющихся кислотой арений? Они вон даже с брухами сражались только с помощью пауков.

- Может быть. Но это тем более странно, учитывая наличие нитроглицерина у их врагов. С другой стороны, чему удивляться, если они явно не знают, что такое взрывчатка!

- Почему ты так решил?

- А ты не заметила? Они же на землетрясения реагируют точно так же, как на тот взрыв. Ну только еще и позу устойчивую стараются принять перед тем, как замереть, - легко пояснил Гаранин.

- Думаешь, они *настолько* тупые и вообще не поняли, что тогда произошло? - с сомнением предположила я.

- Да черт знает. Ладно, давай спать. - Гаранин поднялся, стянул рубашку, покрутил головой, разминая шею. Потом поднял и легко переставил столик-арений в угол - нас эти пауки не слушались.

- А может, мне завтра с тобой на разведку пойти? Просто так, на всякий случай, - понимая, что говорю глупости, все-таки предложила я. И добавила совсем жалобно: - У меня плохое предчувствие.

- Не ерунди, - коротко отмахнулся Захар. Проходя мимо, отечески потрепал меня по макушке. Я настолько опешила от неожиданности этого жеста, что даже отшатнуться не сообразила. А потом стало поздно возмущаться - мужчина уже присел на край постели со своей стороны и принялся разуваться. - Мы выберемся.

- А есть куда выбираться? - спросила совсем уже тоскливо.

- Отставить панику, - велел полковник. - Отбой.

Не повышая голоса, даже как будто не меняя интонации, спокойно и четко. Но все равно сказал так, что я без возражений послушно поползла на свое место в кровати.

- Захар, - тихо позвала, когда свет погас.

- Ну что еще? - со вздохом отозвался он.

- Извини за утро. Очень ты меня рассердил этими своими поощрениями за хорошее поведение...

- Замяли. Я тоже был неправ. Думать надо, с кем тупые шутки шутить.

- То есть ты не обиделся? - продолжила допытываться я. Не то чтобы всерьез сомневалась - в его голосе слишком отчетливо слышалась улыбка, да и не такой человек Гаранин, чтобы дуться из-за нескольких сказанных в споре слов. Просто...

Хотелось поговорить. Хоть немного. Послушать рваный, каркающий тембр, такой восхитительно неблагозвучный на фоне музыкальных, словно профессионально поставленных, голосов аборигенов. Успокоиться, насладившись полковничьей иронией, ворчанием, да вообще хоть какими-то нормальными, человеческими эмоциями, а не местным восторженным трепетом. Позволить убедить себя, что все будет хорошо, что нас непременно найдут, что мы вернемся домой, к людям. Наконец, просто почувствовать, что я не одна затерялась в этом заповеднике незамутненной наивности.

- Вась, уймись, - не понял моих надежд Гаранин.

Я уже было набрала воздуха, чтобы задать еще какой-то вопрос и продолжить дергать мужчину, но тот опять разрушил все планы неожиданным поступком. Он молча подгрел меня к себе одной рукой, уложив на бок и устроив так, как ему было удобнее.

От неожиданности я опешила и лишилась дара речи, замерла под тяжелой рукой. Однако полковник больше не издал ни звука, а спустя несколько секунд и вовсе задышал спокойным, медленным дыханием крепко спящего человека.

Я же еще долго лежала, тараща глаза в плотный желтоватый сумрак. Слишком мало устал разум, чтобы быстро уснуть, и слишком сильно меня сейчас занимали непривычные телесные ощущения.

Звук ровного дыхания где-то у затылка, тепло и тяжесть слегка придавившего жилистого, твердого тела. Рука поперек талии. Запах. Странное дело, Гаранин целый день где-то шастал, потом пренебрег водными процедурами, и вроде бы пахнуть от мужчины должно было противно. Но запах не просто не раздражал, он казался приятным.

Какая низкая непоследовательность и переменчивость с моей стороны! Буквально несколько дней назад вместе со всеми коллегами смеялась над станционными анекдотами про черного полковника, относилась к нему с пренебрежительным снисхождением, забывала здороваться при встрече. А стоило попасть в беду - и сразу начбез стал казаться отличным мужиком. И надежный-то он, и двигается красиво, и лежать в его объятиях тепло и уютно...

От того, чтобы заговорить об этом и попросить прощения за поведение на станции и свои прежние нехорошие мысли, удерживала уверенность: Гаранин в лучшем случае отмахнется, а то еще посмеется над глупостями, которые от безделья лезут мне в голову. Ему явно было плевать, что думал о нем гражданский персонал «Черного лебедя». И от этого стыд только усиливался.

С этими мыслями я в итоге и забылась рваным поверхностным сном. И сквозь сон - а может, во сне - почувствовала, как зашевелился полковник. Приподнялся на локте, ладонь другой руки скользнула по моему боку вверх, к плечу. Кончики пальцев едва ощутимо пригладили торчащие короткие прядки над ухом - осторожно, словно ежовые иголки. Потом совсем уже неуловимое прикосновение к виску - и постель слегка спружинила, когда Гаранин откатился в сторону, чтобы встать.

Сквозь сон я слышала - или, скорее, ощущала, потому что двигался начбез очень тихо - как мужчина ходит по комнате, как шумит за стеной вода. Потом, кажется, опять провалилась в глубокий сон, потому что момента ухода полковника не заметила.

Спросонья не сразу поняла, что потревожило меня в очередной раз. Но запоздало, по утихающей дрожи кровати, догадалась, что это был новый толчок землетрясения, и сна не осталось ни в одном глазу.

Пару мгновений полежала, настороженно прислушиваясь к миру, но так и не дождавшись изменений, решительно встала. Нужно подготовиться к уходу, а значит - запасти еду, собрать немногочисленные вещи, поудобнее упаковать гаранинскую броню. Сделаю-ка я это сразу. Вдруг ход, который пошел проверять Захар, окажется совсем коротким? Вряд ли, конечно, но ничто не мешает понадеяться на это и собраться заранее.

Я как раз успела умыться и надеть поверх местного платья свой частично отмытый халат, когда явился Тавий. Если его и озадачило количество затребованной еды и просьба принести посуду с

крышками, то виду абориген не подал и исправно все выполнил, после чего вежливо оставил меня наедине с немногочисленным имуществом.

Время тянулось издевательски медленно. Оно здесь вообще не баловало стремительностью, но сегодня это особенно ощущалось.

Напряженная тишина ожидания в очередной раз лопнула от предсказуемого, но от этого не менее внезапного удара снизу. Со смешанным чувством ужаса и противоестественного облегчения – случилось то, чего я уже пару дней подспудно ждала и боялась – я поняла, что это землетрясение отличается от предыдущих.

Гора гудела, дрожала всем существом, и дрожь эта нарастала. Что-то внутри города нащупало резонансную частоту огромной конструкции и методично, словно целенаправленно, трясло ее, наращивая амплитуду, ожидая, когда не выдержат стены. Низкий, монотонный гул наполнял комнату, вяз на зубах, набивался в уши.

Я испуганно замерла на полу с импровизированным мешком, сооруженным из мужской рубашки – в рубаху оказалось очень удобно упаковывать броню.

Не знаю, сколько бы просидела так в тупом ожидании финала, но дверь распахнулась, и в комнату вбежал Нурий.

– Василиса, пойдем быстрее!

Он подал руку. Когда я не отреагировала, сам перехватил мою ладонь и потянул. Следом примчался Тавий, но неуверенно замер на пороге.

– Куда? А вещи?! – Я крепче вцепилась в мешок свободной рукой.

– Они не нужны, нет времени...

– Да вот же они! – возмутилась я, вырываясь из хватки блондина. Тот не стал удерживать, уставился на меня растерянно.

Не знаю, сколько бы мы препирались, но Тавий молча подхватил мешок, чем сразу реабилитировал себя в моих глазах.

– Что происходит?

– Гора сердится, – пояснил Нурий. – Сердце города. Надо уходить.

Аборигены выволокли меня в коридор, поспешили дальше. Я не сопротивлялась – подгонял тревожный, жуткий, явно скатывающийся до инфразвука гул.

– Но как же Захар, мой спутник?

– Зачем он тебе? – неприязненно спросил Нурий. – Бесплезный. Ашук.

– На себя посмотри! – всерьез обиделась я за Гаранина. – Где он?!

– Не знаю. Василиса, некогда! Нужно уходить, здесь нельзя оставаться! Потомство спасают, и если твой... Захар опять пошел туда, его тоже кто-нибудь подберет.

Говоря это, белобрысый уже закидывал меня на спину транспортного арения, на другого грузился Тавий с мешком.

Стоило Нурию запрыгнуть на сиденье, паук сорвался с места – гораздо быстрее, чем это происходило прежде. Поворот, подъем, поворот – и мы нырнули в наполненный коридор вонючий, удушливый дым, от которого заслезились глаза. Я поспешила зажмуриться и прикрыть лицо подолом платья. Не знаю, как среди этого чада ориентировались арении со всадниками – я быстро перестала понимать, движемся мы или стоим, не говоря уже о направлении движения.

Обычная ткань плохо защищала от дыма, и я бы наверняка наглоталась его до серьезных последствий, но пауки быстро нырнули в другой проход. Здесь тоже оказалось сложно дышать, но уже от белого, густого, горячего пара. Под лапами пауков хлюпало. Туман зловеще и странно светился, преломляя и рассеивая желтоватые лучи.

Волосы мгновенно намокли и облепили лицо. Я сжалась, крепче вцепилась в сиденье – на всякий случай, это помогало хоть немного побороть чувство потерянности в пространстве.

Но куда сильнее собственного будущего – спасали меня, похоже, со знанием дела и наверняка должны были спасти – волновала судьба начбеза.

Почему и где он задержался? Просто не успел вовремя или что-то случилось? Куда вел найденный им тоннель? Прочь от города – или, наоборот, в середину? Ведь прятать что-то важное на виду – разумное и очевидное решение, и пресловутые диверсанты вполне могли скрываться там, в самом защищенном месте. Вдруг Гаранин в закрытой зоне и сейчас, во время эвакуации, его обнаружат? Или уже обнаружили? Или наоборот, не обнаружили и потому не вытащили? Или он вообще пострадал во время землетрясения?

Да, Гаранин опытный, он не растеряется в любой ситуации, у него больше шансов выжить, чем у любого из моих знакомых, но... Как же страшно. От монотонного гула и вязнувших в тумане отголосков далекого рокота стихии. От неизвестности, в которой исчез полковник и в которую нес меня арений. От ширящейся с каждой секундой дымной пропасти, которая отделяла меня от единственного человека на этой планете. От собственной неспособности помочь.

Страшно остаться один на один с этим безумным миром, но еще страшнее думать, что я буду жить, а Гаранин – глупо погибнет. Ведь даже лучшие профессионалы иногда ошибаются. Ворчливый, серьезный, очень порядочный мужчина с тяжелым взглядом исподлобья, рваным голосом и неожиданно живой, теплой улыбкой. Который за эти дни успел стать мне удивительно близким – другом ли, нет ли, но кем-то неожиданно родным.

Я неуживчива, упряма, тяжело схожусь с людьми и не терплю посторонних на своей территории. Я никогда не звала ни случайных, ни постоянных любовников к себе и даже просто гостей могла выдерживать очень недолго. А вот рядом с Гараниным было спокойно и уютно.

Конечно, все дело в обстоятельствах, которые свели нас вместе. Вне этих враждебных условий мы не могли не то что сблизиться, даже найти общий язык и то не получалось.

Но сейчас у меня не было никакого желания анализировать психологический подтекст своих реакций. Просто хотелось, чтобы с полковником все оказалось в порядке, чтобы он по волшебству возник рядом и это приключение наконец благополучно закончилось спасением и возвращением в Союз. Наивно всерьез рассчитывать на такое невероятное везение, да, но... если нам так повезло сразу – выжили при перемещении – может, это часть какой-то одной большой удачи, логичным завершением которой станет возвращение домой?

Глава 8

Лекарство от скуки

Когда Нурий говорил про гору, которая сердится, я не задумалась, что именно он подразумевал. Только мелькнула мысль о каком-то местном аналоге энергостанции, столь же необъяснимой, как галиги. Но когда арений наконец вынес нас на открытый воздух, и я оглянулась...

Плоской верхушки города-горы не было видно за плотным черным дымом, густо коптящим небеса. Сквозь эту пелену то и дело мелькали желто-красные длинные искры. Воздух был сухим и колючим от висящей в нем сажи.

Грохнул близкий взрыв. Отзвуки его волнами покатались по земле во все стороны, а вершина горы плюнула в небо ослепительным огненным фонтаном.

Вулкан. Провалиться им всем в черную дыру, город не напоминал формой вулкан, он им и был! Эти идиоты жили не просто в сейсмоактивной зоне с постоянными землетрясениями, они жили в действующем вулкане! И не беспокоились об этом *совсем!*

Как они вообще умудрились эволюционировать с таким отношением к жизни, как до сих пор не вымерли?!

Негодование и удивление неожиданно помогли: я сумела сбросить оцепенение и взять под контроль страхи. Совсем переживать, конечно, не перестала, столб дыма и пепла за спиной этому не способствовал. Но Гаранин – умный мужик, наверняка нашел выход и спасся.

И меня найдет, главное только, как он просил, никуда не вляпаться.

Благотворно на моем настроении и состоянии сказался открывшийся вокруг простор невысокого гористого плато. Только сейчас я поняла, насколько давили на меня стены каменного города. И это было странно: я полжизни провела на научных станциях и в лабораториях, иногда месяцами не видела неба. Наверное, проблема не в самом городе, а в его жителях и скуке. На станциях-то у меня была работа!

Аборигены коллективно и массово спасались бегством, из города хлынуло настоящее полчище разнокалиберных арений. К моему приятному удивлению, они догадались бежать не совсем налегке: многие пауки несли на спинах большие серые тюки, наверное, с запасами.

Вскоре стало ясно, что я поспешила ругать аборигенов. Происходило не паническое бегство, а организованное отступление на заранее подготовленные позиции. Сильно удаляться от вулкана не стали, остановились около черного конуса среди невысоких скал, в которых пряталось живописное озеро насыщенного бирюзового цвета. Окрестные склоны заполонил низкий, заплетающийся по камням кустарник, похожий на земную ежевику, кое-где проклевывались более крупные растения. Сквозь зелень серела светлая порода и зияли черные прорехи пещер, в которых друг за другом исчезали грузовые арении. А пассажиры устраивались в многочисленных прогалинах вокруг озера, одну из которых заняли и мы.

Сейчас, на открытом пространстве, особенно бросались в глаза три обстоятельства. Во-первых, общая немногочисленность городского населения, которое насчитывало в лучшем случае пару тысяч человек. Во-вторых, среди беженцев не было не то что детей – даже подростков, только взрослые. Ну и в-третьих, обращало на себя внимание по-настоящему ничтожное количество женщин, большинство из которых, к слову, были беременны. У меня сложилось впечатление, что женщин наберется едва ли сотня, и тут уже стоило говорить о пропорции не один к десяти, а еще меньше.

Возможно, отступление осуществлялось в двух направлениях, и детей с другими женщинами отвезли куда-то в другое место. Но, насколько я могла видеть, арении, выныривая из многочисленных городских ходов, вливались в единый общий поток. Еще детей могли вывезти раньше, но это предположение тоже выглядело недостаточно убедительным: в спешке всегда что-то забывают, ну хоть кого-то я должна была заметить! Не в тюках же они тащили младшее поколение, правда! Или в тюках?..

Спрыгнув на землю, Нурий привычно снял меня со спины арения. Рядом уже стоял Тавий с мешком наперевес.

– Я займусь ночлегом для тебя, – сообщил последний. Оставил свою ношу в стороне и отправился к камням на краю полянки, что меня вполне устраивало. А вот Нурий удрать не успел.

– И часто у вас такое бывает? – Я кивнула на вулкан.

- Иногда, - неуверенно ответил блондин. - Обычно это ненадолго, не волнуйся. Через пару дней проверят, как город пережил гнев земли, расчистят завалы, и можно будет вернуться.

- То есть город от извержений не страдает? - не поверила ему.

- Большая часть остается цела, - подтвердил Нурий. - Огненные реки текут известными путями, которые мы чистим.

Хорошо, беру свои слова обратно. Все-таки аборигены не настолько пропащие, как я успела подумать. Это утешает.

- А детей вы оставили там, в городе? - затронула я еще одну любопытную тему.

- Нет, что ты! Они в безопасности! - горячо уверил блондин.

- В тех пещерах? - кивнула в сторону провалов, в которых по-прежнему один за другим исчезали груженные арении. Нурий предположение подтвердил. - И как они туда попали? - вкрадчиво задала я самый главный вопрос.

- На арениях, конечно. Детей спасают в первую очередь, - пояснил мужчина и поспешил заговорить о другом: - Ты чего-нибудь хочешь? Есть, пить?

- Пока нет, - вздохнула я, нехотя переключаясь на новую тему.

Расспросила бы подробнее об интересном, но уже успела понять: подобный уход от ответа всегда был окончательным. Если продолжать расспросы, блондин перестанет слушать, а потом вообще сбежит. Пришлось сдержать любопытство: отпустить Нурия пока не хотелось.

- А почему ты занимаешься моим обустройством? Вроде же меня доверили Тавию, разве нет? А как же отсутствие у меня реакции на твой запах?

- Если хочешь, я уйду! - искренне встревожился Нурий.

- Я не хочу, чтобы ты уходил, я пытаюсь разобраться.

Говорила, кстати, вполне честно: к блондинчику, при всех его недостатках, я уже привыкла, да и на фоне прочих он выделялся в лучшую сторону. Не слишком навязчивый, но явно более инициативный. Я бы даже сказала, что он умнее своих сородичей - в пределах, ограниченных возможностями их странного вида.

- Тавий неопытный, и он... - Нурий замаялся. - Он почти ашук. Ты выбрала его, я не могу спорить. Но я не понимаю, почему ты выбрала именно его.

- Что значит «ашук»? - уточнила я. - Ты уже говорил это слово.

- Это... ну... как твой Захар.

- Не поняла.

- Тот, кто не способен дать здоровое потомство, не подходит для слияния, - смущенно пояснил Нурий. - Тавий... слабый. Умом и телом. Не совсем ашук, но близко. Не понимаю, почему тебе интересно общество именно таких, но это твой выбор. Я только решил помочь, если вдруг Тавий что-то сделает не так.

- Спасибо за заботу, - растерянно кашлянула я.

Надо же. Интересно, это он после прошлой прогулки выводы сделал? Или тогда, с брухами, просто растерялся, но морально готовился меня спасти? Все-таки он неплохой парень. Было бы слияние пределом моих устремлений и мечтой всей жизни, точно выбрала бы именно его.

- А Марий, он тоже ашук? Он не пытался добиться моего внимания, хотя и заходил, и разговаривал, и возможность такую имел.

- Нет, но скоро будет.

- Как это?

- Он уже слишком стар, скоро станет непригоден для слияния, поэтому и не пытается, - пояснил Нурий. - Никто не захочет с таким связываться. Это плохо, он очень умный и сильный, но такова жизнь. Он уже привык. Прости, я помогу Тавию. - Блондин ушел от продолжения разговора, и гоняться за ним я, конечно, не стала.

Смотреть за их возней было неинтересно, так что я воспользовалась возможностью понаблюдать за другими беженцами. Главным образом за семейными парами.

Женщины не принимали участия ни в чем, они просто сидели в сторонке и наблюдали. Это было предсказуемо. Несколько озадачило то, что рядом с ними сидели и их мужчины, которые тоже бездельничали, а обустройством занимались какие-то посторонние типы. Или не посторонние, а просто выросшие сыновья?

Тем временем прекратили прибывать и грузовые, и пассажирские арении. Возле пещер воцарились тишина и безмолвие, и ничто не говорило об их обитаемости и спрятанных внутри ценностях. Никаких детей я так и не увидела.

Еще раз окинув взглядом лагерь, с тоской покосилась на близкие лесистые холмы. Но от мысли о побеге отказалась прежде, чем она успела родиться. Нечего и пытаться. Одна, без Гаранина, я быстро стану добычей какого-нибудь местного хищника. Да и если бы их не было, откровенно глупо убегать в никуда без определенной цели. Не говоря уже о том, что полковник наверняка станет искать меня, и искать здесь, а если я потащусь в лес, это только осложнит ему жизнь.

Внимание снова привлекли пещеры, несколько из них располагались совсем близко. Заманчиво, я бы даже сказала – провокационно близко.

Любопытство – очень естественное и нужное человеческое чувство. От него, вопреки расхожему мнению, никто не умирает, умирают от попыток его удовлетворить. И если я буду смиренно сидеть в лагере и никуда не лезть, скорее всего, никто, начиная с меня, не пострадает.

Проблема в том, что устоять было слишком сложно. В пещерах еще получалось как-то сдерживаться, а здесь чувство свободы и возможность действовать явно ударили в голову.

Ну в самом деле, что может со мной случиться? В худшем случае попросят не лезть куда ни попадя и развернут обратно. Ну или я наткнусь на преграду, такую же, какая не пустила Гаранина во внутренние помещения человеенника, развернусь сама и пойду обратно.

В конце концов, мне ведь не запрещали туда ходить. Даже рекомендаций таких не озвучивали и пожеланий, а что не запрещено – то разрешено. К тому же я женщина, ценный объект, не убьют же они меня из-за подобного пустяка!

Единственное, что меня сдерживало от решительного шага, – это мысли о начбезе. Я в красках представляла, что он мне скажет, и уже заранее было стыдно. Но еще немного потоптавшись на месте и взвесив все шансы, я решила попробовать.

Гаранин когда еще придет! Если его не привез никто из аборигенов, значит, идти мужчине придется пешком, а путь тут неблизкий. Я к тому времени уже вернусь. Конечно, очень жаль, что у него нет брони, но я уверена, он и так справится. После новости, что город от извержения почти не пострадает, сомневаться в полковнике не приходилось, наверняка он нашел способ спастись.

В итоге вероятность, что начбез вернется именно во время моего отсутствия, я посчитала пренебрежимо малой. Вряд ли эта прогулка займет больше получаса, наверняка не получится зайти достаточно далеко.

Да меня, собственно, интересовал сейчас процесс, а не результат. Можно было просто прогуляться вокруг озера, лишь бы не сидеть без дела. Я и в спокойных обстоятельствах мучилась, а уж в отсутствие Гаранина изведусь совсем.

И я решилась. Все же скука – самое страшное проклятье для деятельного человека.

Осталось выбрать момент.

Временное жилье соорудили из транспортного арения. Паук растопырил ноги, между ними натянули светло-серые плотные полотнища из какого-то нового материала – более грубого, чем тот, что шел на одежду и простыни. Внутри бросили толстый матрац вроде тюфяков, на каких мы спали в пещерах, – вот и все жилье. Костер не разводили, еду притащил маленький арений. Видимо, где-то ее готовили централизованно на всех.

Кстати, я ни разу не видела у местных открытого огня. Правда, я тот еще знаток здешнего быта, толком вообще ничего не видела и понятия не имела, откуда они берут решительно все, начиная от еды и заканчивая вот этими матрацами, но... еще одна странность в копилку. Аборигены все-таки примитивные или высокоразвитые? Они не умеют добывать огонь или уже ушли от такого способа получения тепла и света, отдав предпочтение другим, более совершенным?

Оба озабоченных моим благополучием соискателя руки, сердца и прочих органов неотлучно торчали рядом, готовясь исполнить любой каприз. Наверное, по меркам местных это было

нормально, и я могла назвать несколько знакомых женщин, которые точно растаяли бы от подобной услужливости. Но меня навязчивое внимание быстро начало раздражать, даже безотносительно к желанию потихоньку удрать. Терпеть не могу, когда стоят над душой.

Отчаявшись избавиться от назойливого общества естественным путем, я сначала попыталась вежливо намекнуть обоим мужчинам, что они надоели. Они в ответ с искренним недоумением предложили спрятаться в шатер, предназначенный лично для меня. А здесь, мол, они не могут меня оставить, это же опасно!

Пришлось рявкнуть и потребовать освободить пространство прямым текстом. Послушались.

Выждав для порядка еще немного, я убедилась, что парочка действительно ушла и больше никто моего общества не жаждет. И решительно двинулась на приступ.

Где-то я то ли читала, то ли слышала такой совет: если хочешь в незнакомом людном месте пройти незамеченной и не привлечь внимания охраны, действуй уверенно. Конечно, в современных земных реалиях все это не работало, потому что обмануть таким нехитрым способом автоматику не удавалось, но здесь стоило попробовать. Поэтому я спокойно, с решительным видом двинулась на прогулку.

Напрямую к пещерам, конечно, не пошла – так никто из местных не делал, и это неизбежно привлекло бы внимание. Сначала двинулась от своей полянки в сторону, по касательной к озеру. Потом приблизилась к узкому ручью, сбегавшему по камням, и умыла холодной водой лицо. Бояться микробов после дней, проведенных на планете, было уже поздно.

Возле ручья ко мне прилип один из местных с навязчивым предложением помощи, но избавиться от него удалось без труда.

Прошлась вдоль ручья с независимым видом, наклонилась к нему в еще одном месте и обнаружила, что в этой точке меня со стороны озера не видно – от любопытных взглядов закрыли нагромождения камней. Немного выждала у воды, проверяя наличие погони: если кто-то наблюдал за моим брожением, то сейчас было самое время вернуть блудную овцу в стадо.

Показательно, что в этот момент безделье совсем не тяготило. Сидя на камушке, я искренне любовалась диким, первозданным пейзажем и слушала тишину, разбитую плеском порожистого ручья. Небо пестрело пунцовыми и фиолетовыми проплешинами облаков, над самым горизонтом из-под туч выглядывал густо-оранжевый диск солнца. Закат окрашивал скалы розовым, и на нем синели негустая растительность и угловатые тени камней. Яркий, красочный, совершенно земной пейзаж. Где-то неподалеку протяжными свистами перекликались то ли звери, то ли птицы.

Все-таки какое же это наслаждение – побыть в одиночестве, вылезти из пустого и скучного каменного мешка, и как сильно меня допекли чрезмерная услужливость аборигенов, их навязчиво-совершенный облик, простые желания и небогатый эмоциональный диапазон. Легче становилось буквально на глазах, с каждой проведенной вдаль от местных секундой. Пожалуй, даже если меня прямо сейчас вернут обратно, эта передышка все равно пойдет на пользу.

Лагерь аборигенов был пугающе тих: ни громких голосов, ни других звуков. Меня так и подмывало выглянуть из-за камней, убедиться, что он все еще на месте, что жизнь продолжается. А то начало казаться, будто все жители челоуейника замерли сломанными роботами – как тогда, при взрыве – и в отсутствие наблюдателя жизни в этом месте просто нет. Один раз даже не выдержала, высунулась; конечно, все там было нормально.

В мою сторону никто не смотрел и возвращать меня в лагерь не спешил. Через несколько минут я тихо, озираясь, двинулась дальше, к большой черной трещине, которая сейчас была скрыта за кустами.

Пробираться по камням, несмотря на небольшую крутизну склона, оказалось неудобно. Мелкое крошево осыпалось под ногами, и хорошо еще, что мои ботинки из полиморфа могли образовывать плотные, твердые подошвы. Не зря я выбрала дорогую, но самую универсальную модель – не ту, которая знала несколько фасонов и цветов почти одинаковых изящных туфель, а ту, что имела большой диапазон – от удобных туфель на основательной танкетке до низких крепких ботинок.

Из пещеры дохнуло прохладой и сыростью. После закатного солнца глаза не сразу привыкли к сумраку, и я, осторожно пробравшись внутрь, некоторое время стояла вблизи выхода, таращась в темноту. Кажется, моя вылазка заканчивается, не успев начаться: фонаря-то нет! И осветительный камень я прихватить не догадалась.

Но вскоре взгляд привык и начал различать в глубине бледно-желтые, тускло светящиеся пятна и темные силуэты. Осторожно ощупывая ногой пол и выбирая место для следующего шага, я медленно двинулась дальше.

Свет давали кристаллы – точно такие, какие использовались для освещения спален в городе. Включать их на полную яркость я не стала, чтобы не привлекать внимания, осторожно вынула ближайший из подставки и легко погладила.

Пещера оказалась неглубокой, и если тут были какие-то переходы, соединявшие ее с соседними, то они надежно прятались в складках породы. В слабом желтом свете предстали те самые тюки, которые свозили сюда арении. Вблизи оказалось, что они имели очень разную форму и размер и хранились тоже по-разному. Грушевидные, достаточно небольшие, были подвешены к стенам; штабелями лежали вытянутые веретенца и большие ящики со скругленными углами; на каменном полу рядами выстроились неровные круглые комки.

Как-то совсем это не похоже на запасы продовольствия, вообще ни на что не похоже. И мысли в голову лезли все больше неприятные, пугающие, на уровне нелепых ужастиков. Поддаваться им не хотелось: окажется, что это действительно еда, просто аборигены так хитро упаковывают ее для сохранности, вот позорище будет!

Охрана почти отсутствовала. При моем появлении поднялись на лапки в разных концах пещеры несколько маленьких и совершенно круглых арениев, не похожих на знакомые уже столики на ножках – наверное, именно о них говорил Гаранин. Но больше никакого беспокойства паучки не проявили, они явно не восприняли женщину как угрозу.

Спешно отступить я, конечно, не стала. Арении наверняка уже доложили о постороннем на территории, и скоро меня отсюда вежливо выдворят, так что надо разумно использовать оставшееся время.

Поэтому я подошла к ближайшему комку. Высотой сантиметров восемьдесят, по форме тяготеющий к шару, но с выпуклостями и достаточно глубокими впадинами на гладкой поверхности. Непрерывно дифференцируемой – то есть без острых углов и изломов.

Мысль зацепилась за привычное понятие и радостно поскакала придумывать уравнение для описания поверхности.

Я шепотом ругнулась на этот дурацкий мир, в котором у меня мозги потихоньку спекались до состояния черного карлика, и на себя – за неуместные отвлечения. И опустила на корточки рядом с тюком, чтобы приглядеться внимательнее.

На ощупь он оказался таким же, как полотно для шатра, – плотный, чуть шершавый нетканый материал, который почти не растягивался и слегка пружинил. Рвать его я, конечно, не стала, да и нечем было, но через материал попыталась ощупать содержимое. Все, что я могла сказать – внутри предмет сложной формы или несколько достаточно крупных предметов. Выпуклости возникали на твердых участках, где материал плотно облегал содержимое, а под впадинами ощущались пустоты.

Я начала остро жалеть об отсутствии ножа и решимости вскрыть оболочку, чтобы заглянуть внутрь, когда тюк под пальцами вдруг дернулся.

С судорожным вздохом я отшатнулась, упала, отползла на метр. Осветительный кристалл запрыгал по камням, жутковатые ломаные тени – по стенам. Не отводя взгляда от тюка, попыталась нашарить какое-нибудь оружие: это же пещера, должны же тут быть хоть какие-то камни!

Булыжник действительно подвернулся под руку. Хороший, удобный, вытянутый, с три моих кулака размером. Я замерла на полу, сжав холодный колкий кусок породы, и продолжала напряженно следить за непонятным мешком. Потом сообразила, что он здесь такой не один, поспешно вскочила. Быстрым взглядом окинула пещеру, хаотически выхватывая отдельные объекты.

Сердце торопливо колотилось в горле.

Тюки оставались неподвижными. Что остальные, что тот, первый.

Я медленно, глубоко вдохнула, пытаюсь унять сердцебиение и успокоиться. Убеждать себя, что почудилось, не стала. Самообман – это всегда худший выход, а я полностью отдавала себе отчет в происходящем. Достаточно того, что никто не собирается меня жрать, даже если оно там, внутри, действительно живое. Ну сидит и сидит и наверняка просидит еще долго.

Может, просто там хранятся какие-то большие круглые овощи, один из которых сместился от моего прикосновения? Бывает такое, лежал неудобно. Иначе...

Иначе я просто сбегу в лес. Вот прямо сейчас и прямо отсюда, потому что не смогу заставить себя вернуться к этим людям, если они вообще люди. Потому что я поняла, что напоминали мне эти тюки: коконы. Большие, плотные коконы с едой или личинками.

Ненавижу насекомых! Нет во Вселенной ничего столь же мерзкого, столь же... фу!

Но ни успокоиться, ни окончательно впасть в панику я не успела. По глазам ударил яркий свет, за спиной прозвучал спокойный, знакомый голос:

- Зачем ты сюда пришла?

Я, сощурившись, резко развернулась, отступила на шаг. Поняла, что двигаюсь в сторону лежащих на полу коконов, и, главное, от того, который шевелился, шарахнулась вбок. Крепче сжала камень, рефлекторно спрятав его за подолом юбки. Древнейшее оружие придавало уверенности, но почему-то смущало. Наверное, примитивностью: в эпоху ручных высокоэнергетических излучателей, способных ровнять с землей горы, не верилось, что булыжник способен помочь.

Марий стоял в проходе, перегораживая его своей внушительной фигурой. Прямой, спокойный, уверенный и совсем не похожий на своих малахольных сородичей, несмотря на дурацкое светло-зеленое платье в мелкий желтый цветочек.

Именно сейчас его отличие от остальных совсем не радовало.

- Просто гуляла, - ответила как можно тверже. - Не знала, что сюда нельзя заходить, никто не предупреждал.

- Сюда можно заходить. После слияния, - ответил Марий. Сделал несколько шагов ко мне. Я - ровно столько же - назад, не испытывая ни малейшего желания подпускать его ближе.

С тоской покосилась на освобожденный мужчиной выход. Вроде бы и рядом, но не стоит даже пытаться проскочить.

- Хорошо, я учту, и до слияния больше - ни-ни, - покладисто согласилась с мужчиной.

- Не будет слияния, - продолжил наступать Марий. - Ты ашуги. Я с самого начала это подозревал.

- Ашуги - это как ашук, только женщина? - спросила для поддержания разговора, пятясь осторожно, стараясь не споткнуться.

- Непригодная к слиянию. Беспольная для размножения.

- Ну раз беспольная, я пойду? - предложила ровным голосом. Хотя по лицу и поведению мужчины было очевидно, что просто так меня не отпустят.

- Нет, - подтвердил мои опасения Марий.

Поздравляю, Василиса Аркадьевна, ты все же нашла себе приключения! Везение же явно закончилось, иначе ко мне явился бы кто-нибудь другой, а не этот странный абориген с альтернативной моралью. Может, он из числа ренегатов? Преступников, с которыми пытался связаться Гаранин?

Но главный вопрос, конечно, что ему вообще от меня надо?!

- Но я же бесполезна, - возразила логично. Все-таки запнулась о камень, но не упала, уткнулась спиной в стену.

Все, отступить дальше некуда. Расстояние неумолимо сокращалось.

- Для размножения, - поправил Марий. - Я долго за тобой наблюдал. Мне нравится твой запах.

Три метра.

- Даже без полного слияния это должно быть приятно, - продолжил он.

Два метра...

В голове вдруг стало удивительно пусто, ясно и спокойно. Пальцы крепче стиснули булыжник.

Метр.

Марий резко задрал подол - и я едва не выронила свое оружие. Потому что с нормальной мужской анатомией то, что находилось у него под юбкой, не имело ничего общего. Что-то длинное, склизкое, отвратительного красно-фиолетового цвета, шевелящее многочисленными отростками. К горлу подкатила тошнота, перед глазами запрыгали черные мушки.

Рука взметнулась сама собой, как будто за камень кто-то потянул. Кто-то очень решительный и опытный, меткий. Удар пришелся точно в висок чуть склонившегося Мариа. Брызнуло темным.

Кажется, насильником этот абориген был неопытным, сопротивления не ожидал и даже не

попытался меня остановить. От удара его голова мотнулась – и мужчина медленно выпрямился.

От ужаса, от сюрреалистичности этой картины – стоящего с пробитой головой человека – разум окончательно помутился. Страх выплеснулся яростью, и я сама шагнула к Марию.

Камень скользил в пальцах, с мерзким чавкающим звуком впивался в плоть. После пары ударов по лицу мужчина пошатнулся, осел – медленно, неуклюже складываясь в суставах, словно заедали шарниры. Подставил под камень макушку и плечи. Я продолжала с остервенением лупить, не целясь, вымещая страх и отвращение – перед ним самим, перед серыми коконами, перед всем этим безумным миром.

Когда Марий наконец рухнул набок, я упала рядом на колени, продолжая раз за разом опускать камень – уже вовсе не разбирая, куда бью.

Уничтожить! Раздавить мерзкую тварь в лепешку!

Других эмоций не было.

Очнулась, когда густо измазанное темной кровью оружие все-таки вывернулось из пальцев. Марий не шевелился.

Я поднялась на нетвердые, негнущиеся ноги, поковыляла прочь. Казалось, что стены пещеры сдвигаются, а личинки в своих коконах – шевелятся, стремясь вырваться на свободу и сожрать. То ли меня, то ли своего мертвого сородича.

Вечерний воздух по сравнению со стылой сыростью пещеры показался горячим. Я жадно хлебнула запахов нагретых солнцем камней, близкого озера, вечерних цветов – и через пару шагов снова рухнула на колени.

Ни разу в жизни меня так не рвало. Казалось, вслед за ужином я вот-вот распрощаюсь с собственными внутренностями. Болезненные спазмы продолжали скручивать даже тогда, когда внутри ничего не осталось. Трясло. По спине тек холодный пот. Хотелось бежать как можно дальше отсюда, не думая и не разбирая дороги, но ноги не держали.

Более-менее очнулась от холода: в воде горного ручья, где отмывала руки – их уже начало сводить. Как добралась сюда в сумерках, не помнила – сознание воспринимало действительность фрагментарно, урывками. Руки горели не только от холода, кожа в прямом смысле болела. Я сообразила, что все это время с остервенением терла ладони землей пополам с мелкими камушками и какой-то травой, может даже ядовитой. Вяло порадовалась двум вещам: тому, что пальцы все-таки работают и до костей я их не стерла, и тому, что я их не вижу. И так едва-едва вернула себе способность здраво мыслить, а если взгляну на это безобразие – может, опять в истерику скачусь, уже от жалости к себе.

Странно, но меня до сих пор не поймали. И вообще, кажется, не искали. И Мария почему-то не хватились...

Вспомнив аборигена, я передернулась от отвращения. Живот опять свело судорогой, но несильно, и выпитая вода удержалась внутри.

Кажется, потихоньку отпускало. И в голове уже достаточно прояснилось, чтобы начать думать.

Выходит, местные, несмотря на внешнее сходство, не люди. Или люди, просто зараженные неким паразитом, которого мне только что показал Марий. Или остальные нормальные, а заражен только он, потому и озверел? В любом случае у них все более чем неладно и ненормально, но мне совсем не хотелось углубляться в детали. То есть, конечно, хотелось, но издалека, из безопасной лаборатории.

И сейчас это в любом случае не главное. Куда важнее другой вопрос: что делать дальше?

Первым вариантом, пришедшим в голову, и самым заманчивым оставался побег. Куда-нибудь подальше и побыстрее, лишь бы больше никогда не видеть этих... аборигенов. Даже брухи сейчас казались более приятной компанией!

Однако я уже достаточно пришла в себя, чтобы понимать: какими бы мерзкими ни были эти существа, бежать некуда. И даже если бы имелась конкретная цель, глупо срываться с места ночью, без какого-либо снаряжения и запаса еды. Поэтому вернуться придется. Хотя бы затем, чтобы попытаться надеть начезовскую броню и запастись припасами. Главное, не думать, как и из чего готовится еда, которой они меня несколько дней кормили. Разумно? Вроде бы.

Что может ждать в лагере? Меня до сих пор не хватились, и это обнадеживало. Похоже, на дело Марий пошел, никого не предупреждая, и о его внезапной смерти тоже пока неизвестно. Или известно, но им просто плевать? Когда брухи сожрали несколько человек, Нурий был совершенно

спокоен. Может, сейчас сработало то же отношение? Умер и умер, попал в лапы хищника – сам дурак. В любом случае никакой суеты ни в лагере, ни вокруг не наблюдалось.

Кстати, очень может быть, что по меркам своих сородичей Марий совершил преступление и я, защищаясь, была в своем праве. Или в этом случае пофигизм аборигенов распространяется и на женщину? Отбилась – молодец, не отбилась – туда тебе и дорога. Или все же для местных я потеряла статус женщины и перешла в разряд ашуги?

Сильнее всего обнадежило отсутствие реакции со стороны сторожевых арений. Хоть они и не кинулись меня защищать, но и Марию не помогли, а он ведь наверняка был способен им приказывать!

По всему выходило, что никакой угрозы для меня со стороны аборигенов нет. Значит, надо идти обратно в лагерь. Как бы ни было мерзко, страшно, тошно, но надо. Как говорил Гаранин, из двух зол выбирают знакомое.

Черт побери! Где полковника носит, когда он так нужен?! Скорее бы вернулся, пока я тут не рехнулась...

О том, что он может не вернуться вовсе, я продолжала старательно и очень сосредоточенно не думать.

И вообще, если разобраться, все не так уж плохо. Мне продолжало феноменально везти: от Марии отбилась, нечто новое про аборигенов выяснила. Жива, цела и даже почти невредима. Перепугалась, конечно, до истерики, руки до сих пор трясутся, ноги едва держат, и есть я в ближайшем будущем не смогу. Но зато голова на месте, а в ней – по-прежнему мой разум. Бедовый, не к месту пытливый, уверенно глушащий позывы инстинкта самосохранения, но – мой! И желания в нем мои, никаких странных мыслей о счастье слияния и других местных ценностях.

А самое главное, мне опять не скучно. Совсем. Ни на атом водорода. Время в окружающем мире стронулось с мертвой точки, и это того стоило. Даже несмотря на то, что я признавала неадекватность собственного поступка с точки зрения здравого смысла, о вылазке этой не жалела.

Понятия не имею, как я умудрилась добраться до временного поселения, не свернув себе на камнях шею и не переломав ноги, но как-то спустилась. Повезло, что лагерь освещался; люди аборигены или нет, а в темноте они явно не видели и не чувствовали себя в безопасности.

Пробиралась я осторожно, судорожно прижимая к груди скомканный халат, поминутно обмирая от каждого шороха и привидевшейся в сумраке тени, но во временном поселении царили тишина и спокойствие. Когда я рискнула все же выбраться на свет и попала на глаза одному из местных, готовясь сорваться с места в любую секунду, тот лишь проводил меня обычным для них заинтересованным взглядом.

Чтобы найти «мой» шатер, пришлось поплутать. Пару раз едва не сунулась в чужие, но вовремя замечала отличия. Хорошо, что таких вот временных жилищ было совсем немного, и я вспомнила несколько особых примет нужного места, иначе блуждала бы до утра и дольше. Холостые мужчины почему-то спали прямо на камнях, где придется, и спали не очень-то чутко; во всяком случае, те, которых я обходила и даже порой перешагивала, на звук не реагировали и не просыпались.

Но до цели я добралась окончательно вымотанной. Стало уже плевать, что со мной будет и чем это все закончится, лишь бы упасть на что-нибудь мягкое и уснуть. Может быть, навсегда. Умом понимала, что бежать нужно прямо сейчас, пока труп не нашли, но также понимала, что на подобный подвиг не способна.

Ввалилась в шатер – и едва не вылетела с визгом обратно. Сдали нервы. Я совершенно не ожидала встретить кого-то внутри, а этот кто-то еще и поймать меня попытался. То есть не попытался, поймал и заткнул рот. Я забилась, но через пару секунд осознала, что держит меня не очередной местный мутант, а Гаранин.

Стоило мне обмякнуть, как мужчина разжал руки.

– Вась, ну вот куда тебя понесло? – вздохнул он. – Я уже решил, что тебя там бросили...

– Захар! Пришел! – всхлипнула я и изо всех сил вцепилась в рубашку мужчины свободной рукой.

– Вась... Вась, ты чего? Ну что могло случиться! Вась, прекрати истерику! Да что с тобой?!

Но ответить я не смогла.

Вывод, что стресс прошел, оказался слишком поспешным. Оказывается, это просто организм временно мобилизовался. А когда все самое страшное – то есть мои мытарства в одиночестве среди

аборигенов – закончилось, вслед за физическими окончательно иссякли и душевные силы.

Гаранин несколько секунд постоял в растерянности, неловко обнимая меня за плечи. Потом, отчаявшись унять истерику и добиться какого-то ответа, подошел к матрацу, не размыкая объятий. Уселся, устроил меня перед собой между расставленных коленей и принялся терпеливо ждать, пока слезоразлив закончится. Ласково, как ребенка, погладил по голове своей жесткой шершавой лапшей.

Осторожно забрал из моей ослабевшей руки халат. Тихо ругнулся – видимо, рассмотрел пятна. Отложил грязную тряпку в сторону, бережно взял мою ладонь. Опять ругнулся.

Все это я отмечала краем сознания – той малой, отстраненной его частью, которую не задела истерика, сама же продолжала отчаянно, навзрыд реветь на груди мужчины, обнимая его одной рукой и нервно комкая в пальцах ткань рубахи. Тело опять сотрясала крупная дрожь.

Долго все это, однако, не продлилось, на продолжительную вспышку просто не осталось сил. Вместе со слезами вышли остатки напряжения, и, по ощущениям, внутри не осталось совсем ничего. Я чувствовала себя холодным сгустком пыли, пустым и бессмысленным.

– А теперь давай коротко и по существу, – строго заговорил Гаранин, когда я утихла и окончательно обмякла в его руках. – Что случилось?!

– На меня напал Марий. Я его убила. Камнем. Эти существа, кажется, не люди, – доложила отрывисто, сипло, гундося из-за опухшего от слез носа и не поднимая головы с мужского плеча.

– Кхм. Ладно, а чуть подробнее?

Подробнее получилось не совсем по существу. Я то и дело запиналась, перескакивала с одного на другое, раз десять сообщила начбезу, что, если он начнет меня ругать, я его прямо сейчас придушу... В общем, объяснение затянулось. Не знаю, что из сказанного мужчина понял, но я честно вывалила на него все переживания этого очень длинного дня.

– Вась, это... слов нет! – попытожил полковник. – Приличных. Почему нельзя было просто дождаться меня?

– А я знала, когда ты вернешься? – недовольно спросила его не шевелясь. – И что ты вообще вернешься, а не похоронен там, в лаве, под горой?

Гаранин помолчал, переваривая эту отповедь. Я заранее приготовилась ругаться, ожидая продолжения нотаций, но мужчина сумел меня удивить.

– Ладно, черт с ним, паразитом. Убила и убила, – рассудительно проговорил он. – Просто не повезло. Кто мог знать, что он вдруг сорвется? Производил нормальное впечатление, даже умным казался. Ты сможешь идти?

– Далеко? – уточнила вяло.

– Не очень, дальше ждет транспорт. Нет, погоди, давай сначала с твоими руками что-нибудь сделаем, – удержал полковник, когда я волевым усилием собрала себя воедино, заставила поднять голову и даже попыталась подняться.

Начбез встал, подошел к распотрошенному тюку с броней, повозившись, достал небольшой ярко-красный цилиндр – универсальный пластырь, я его сразу узнала. Таким комплектовались все аптечки абсолютно везде, очень удобное средство – и обеззараживает, и предохраняет от дальнейших повреждений.

Сидеть, не опираясь на Гаранина, было трудно. Так и подмывало вытянуться на мягком лежаке, но я понимала: отключусь сразу, и черта с два меня кто разбудит. Поэтому отвлеклась тем, что рассмотрела при ярком свете свои руки.

Ну... Понимаю, почему Захар ругался. Выглядело безобразно – распухшие, красные, исполосованные мелкими царапинами ладони. Взглянув на них, я вдруг осознала, что они еще и болят – несильно, тупо, ноюще. Иногда кожу подергивало.

Гаранин осторожно, демонстрируя немалый опыт, по очереди крепко держа за запястья, обработал мне руки. Я молча, не шевелясь, наблюдала, как от места соприкосновения цилиндра с кожей по дрожащим, изуродованным пальцам расползается тонкая, полупрозрачная белесая пленка. Каждый палец по очереди, потом ладонь, тыльная сторона. Боль стихала, накатывало облегчение, от которого неумолимо слипались глаза.

– Что за транспорт? Что ты выяснил? – спросила тихо. Сейчас я не была настроена на восприятие

информации, но разговор помогал не заснуть.

- Главное ты уже знаешь, они не люди, - ответил полковник. - Но люди тут тоже есть. Похоже, такие же, как мы. Давай я лучше по дороге расскажу. Эти нам вроде не опасны, но все равно не хочется задерживаться.

- Не хочется, - согласилась я. И уточнила задумчиво: - А про «не опасны» - это ты пошутил? Или тот эксгибиционист просто хотел впечатлить меня размерами? Ему удалось!

- Ты покорила его с первого взгляда, у мужика окончательно отшибло мозги, - хмыкнул Гаранин и протянул мне руку, чтобы помочь подняться. - Пойдем.

Глава 9

Приключения полковника

Ход начинался в одном из дальних коридоров, в тупике. Узкий лаз почему-то совершенно не интересовал местных, они его как будто не замечали, и Гаранин, естественно, предположил, что этому есть какая-то весома причина. Осмотр он начал именно с ее поиска.

Единственное, что отличало проход от всех остальных, не считая неправильной формы и отсутствия светящихся стен, это легкий, едва уловимый травянистый запах. Оглядевшись повнимательней, полковник обнаружил в щелях у входа вялые пучки какой-то травы. Трогать их, понятное дело, не стал, ограничился внешним осмотром и решительно двинулся дальше.

Лаз оказался темным и настолько тесным, что даже не крупному полковнику приходилось где-то сгибаться, а где-то протискиваться боком. А еще лаз был гораздо длиннее, чем Гаранин изначально предполагал: сначала с заметным уклоном шел вниз, потом выровнялся и тянулся, тянулся, уводя куда-то прочь от города. Почти прямо, не пересекая пещер, не ветвясь и не меняясь. Лишь в самом начале в нескольких местах виднелись отчетливые следы завалов, кажется, очень давних.

Воздух быстро стал сырым и спертым, застоявшимся. Отзвуки землетрясений ощущались и тут, пару раз Захар ошутимо приложился о стены, когда камни хода попытались вывернуться из-под ног, но это мало его беспокоило.

Только часа через три, удалившись, по прикидкам, километров на восемь от города, полковник ощутил, что дышать становится легче. Ход начал набирать высоту. Вскоре мужчина уловил и запах той самой травы, которую встретил в начале лаза, только здесь он был более густой, отчетливый.

«Пугач», как многие военные пренебрежительно называли эти легкие маломощные излучатели для операций внутри космических кораблей, словно сам собой прыгнул в руку, а шаг стал легче и осторожнее. Сейчас оказалось кстати, что никакого тяжелого оружия у полковника нет: меньше шума, а дыру в любом органическом существе «пугач» прожжет на раз.

Вскоре запахов стало больше, прибавились звуки, давая понять, что выход совсем рядом и ведет куда-то на открытое пространство.

Повышенная внимательность себя оправдала, почти возле выхода Гаранин обнаружил пару сигнальных растяжек – тонкие, протянутые сантиметрах в двадцати над землей лески. Через систему блоков они поднимались к стенам, где в углублениях висели мятые жестянки – не то колокольчики, не то какой-то металллом. Полковник про себя одобрительно хмыкнул, радуясь сразу двум вещам: и понятной, совершенно человеческой ловушке, и наличию железных изделий. Значит, не ошибся, цивилизация тут все-таки есть.

На свет он в итоге выскользнул незамеченным, внимательно прислушиваясь к звучащим поблизости голосам. Мужским. Трем. Язык, на котором говорили, походил на уже знакомый Гаранину, но заметно отличался от него. Кажется, своей сложностью, потому что даже расширенной лингве понадобилось некоторое время, чтобы приноровиться к этой новой речи, тогда как первую она уловила с ходу.

Пещера вывела Гаранина в каменистый развал у подножия небольшого холма. Со своего места полковник ощутил запах дыма и чего-то съестного – лагерь находился немного в стороне, за камнями и зарослями высокого колючего кустарника. Вне зоны видимости, да, но с наветренной стороны, и вести себя тихо его обитатели, похоже, даже не пытались. Это одновременно обнадежило и – насторожило, так что непривычный к подобной безалаберности Захар начал с удвоенным старанием искать подвох, осторожно подбираясь к цели.

Оказалось – напрасно, можно было так не стараться. Никакого караула и других ловушек, кроме шумовой в пещере, не попало, да и те в лагере вряд ли кто-то услышал бы при таком ветре и оживленной болтовне.

«Раздолбай», – с укором подумал Гаранин. Но развивать мысль не стал, безалаберность предполагаемого противника – благо, от которого глупо отказываться. Тем более следовало признать, что защищались местные не от опытных диверсантов, а от еще более недалеких обитателей челоуейника.

Вскоре обнаружилась причина, по которой лагерь расположили именно в этой лощинке, без учета направления ветра: вблизи костра и голосов Гаранину попало нечто вроде землянки. Вряд ли многие из современных жителей Союза могли опознать это строение вот так, с одного взгляда, но полковник в свое время прошел очень серьезную подготовку. Их учили выживать без помощи современных благ цивилизации, и организация временного укрытия являлась в этой науке важной главой. Причем написанной давними поколениями, за несколько веков до рождения самого Захара.

У костра сидели трое мужчин совершенно человеческой наружности. Бросалась в глаза их нормальность, ничего общего с искусственно-идеальными пещерными жителями. Один – невысокий, лысый, плотный, даже слегка полноватый; второй – высокий и тощий как палка, с вытянутым лошадиным лицом и глазами навывкате, с собранными в зализанный хвост длинными светлыми волосами. Третий – крепкий стриженный шатен среднего роста – сидел к Гаранину спиной. Он занимался костром и обедом. Судя по количеству разбросанных рядом вещей и выстроившихся мисок, внезапного появления еще одного бойца можно было не ждать, обитали в лагере трое.

Одеты они были одинаково: высокие ботинки на шнурках, штаны грязно-зеленого цвета, подпоясанные свободные рубашки; на ремнях, кажется, ножи и еще какая-то мелочовка в подсумках. Лохматые зеленые шляпы с полями у двоих болтались за спинами, третья лежала чуть в стороне. На груди у всех висели снятые полумаски респираторов, чуть в стороне были составлены пирамидкой три продолговатые, угловатые штуковины – явно оружие, и, похоже, огнестрельное.

Обсуждали каких-то общих знакомых, длинный ковырялся в снятом с ноги ботинке, жалуясь на его неудобство и мозоли. В общем, удивительно нормальный, обыкновенный треп ни о чем на привале, от которого у полковника на сердце потеплело, пусть даже понимал он через слово.

Люди. Вот это точно были люди, а кто остался там, позади, еще предстояло разобраться. И желательно поскорее, потому что с этими существами оставалась Василиса.

Гаранин с час пролежал в траве в нескольких метрах от аборигенов, наблюдая, слушая и обогащая свой словарный запас. И думая, что предпринять.

Будь Захар один, все оказалось бы просто. Сначала бы он долго, внимательно наблюдал со стороны, до тех пор, пока более-менее не разобрался в порядках и настроениях потенциальных партнеров по контакту. Потом прикинул бы, насколько этот самый контакт необходим и не лучше ли обойтись без него, дожидаться своих – если эти «свои» действительно летают где-то над планетой.

Но имелось важное обстоятельство: он не один. А ответственность за гражданское лицо сильно ограничивала возможности. Да, для неопытного штатского Василиса держалась отлично – не жаловалась, не капризничала, не требовала вот-прямо-сейчас вернуть ее домой. Но ждать от нее необходимой скрытности передвижений, готовности спать на голой земле и вообще серьезной выносливости? Такому годами учатся и отрабатывают на практике, методично тренируясь, за пару дней не освоишь.

О том же, чтобы оставить женщину в пещерном поселении, пусть и временно, не могло быть и речи.

Неизвестно, сколько бы Захар взвешивал все риски, если бы не возглас лысого, указавшего куда-то за спину полковнику:

- Гляньте! Вулкан опять проснулся!

Гаранин тревожно глянул через плечо. Над правильным конусом города-горы поднимались черные клубы дыма. Мужчина беззвучно выругался себе под нос. По затылку вниз, к лопаткам, скользнул холодок, а в горле стало горько. Это что же получается, Васька...

Но всерьез испугаться за женщину и принять худший вариант развития событий полковник не успел, помогли продолжение разговора и реакция местных:

- Ага, опять к озеру побегут пережидать, в гнезде будет пусто. Найдется, чем поживиться, да и шанс популяцию проредить.

- Пойду доложу начальству. Они, конечно, и без нас заметили, но – надо, – проговорил лысый, убеждая, кажется, самого себя, и побрел к землянке.

Вход в нее находился сбоку от костра, и Гаранин понял, что лучшего шанса не будет. Полковник тенью скользнул за лысым, стараясь держаться вне поля зрения его товарищей. Но опять же мог не усердствовать, двое были гораздо больше увлечены своими бытовыми делами, никто из них всерьез не ждал нападения.

Идею просто выйти к трем сторожам и попытаться договориться с ними полюбовно Захар отбросил сразу. Не те обстоятельства, слишком большой риск. Они насторожатся, однозначно не станут принимать решение самостоятельно, скорее всего – потащат находку к начальству. Там заинтересуются происхождением странного человека. Может, за обитателя человеки и не примут, наверняка у местных есть какие-то способы различать своих и чужих.

Придумать внятную легенду, не зная мира, не стоило даже пытаться, а объяснение про пришельца с другой планеты вряд ли кого-то вдохновит, не похожи эти ребята на вышедшую в космос и готовую к контакту цивилизацию. Посчитают Гаранина психом или шпионом какого-то другого человеческого государства и расстреляют – просто на всякий случай, в порядке перестраховки.

Но даже если начальство поверит бойцам на слово, если Гаранин каким-то чудом сумеет с ними договориться и убедить в собственном дружелюбии, это займет слишком много времени. Даже при самом лучшем раскладе уйдет несколько длинных местных дней, а их у мужчины не было.

Чутье, которому полковник давно привык доверять безоговорочно, подгоняло и требовало вытащить женщину как можно скорее. Ведь точно же куда-нибудь влезет без присмотра!

Впрочем, никакого раздражения эта мысль не вызывала, только некое усталое смирение. Вот Баев на «Черном лебеде» своим упорством и слепотой откровенно бесил, а всерьез сердиться на Василису не получалось, даже когда она напробовалась наркоты в компании аборигена и едва не стала обедом для местных хищников. Женщина воспринималась как погодное явление, спорить с которым можно, но бессмысленно.

А еще она полковнику нравилась, и это тоже заставляло делать поблажки, порой против воли и разума. Давно нравилась. На станции – издали, просто привлекала внимание своим отличием от большинства. Не внешностью – ну симпатичная, но даже на «Лебеде», при всей ограниченности коллектива, имелись гораздо более красивые особы – скорее, манерой держаться, характером, который ощущался даже при поверхностном взгляде. Никаких далеко идущих планов мужчина насчет миниатюрной брюнетки, конечно, не строил. Он и имени ее не знал, даже мысли узнать не возникло – зачем? Мало ли их на свете, симпатичных девиц с характером!

Потом она его всерьез восхитила. Какую выдержку эта пигалица проявила на станции, как уверенно и спокойно действовала в опасных обстоятельствах – не у всякого опытного бойца столько хладнокровия! И на планете держалась отлично. Как показала практика, ей только терпения недоставало, но с этим ничего не поделаешь. Не получился бы из Васьки снайпер, да, не тот характер. Как говорится, стрелять можно научить любого, а вот умение долго ждать – это уже природа человека, это дано не всякому, тут только биоинженерия поможет. И то не факт.

А недавнее умопомрачение Василисы окончательно осложнило Гаранину жизнь, потому что симпатия из платонической и неоформленной переросла во вполне конкретную и материальную. И тут уже мужчине пришлось призывать на помощь всю свою выдержку. Потому что одно дело – вырубить постороннюю невменяемую особу, которая не вызывает особых эмоций, а другое... Хотелось же, черт побери, закрыть глаза на неадекватность ее поведения! Очень хотелось.

Но в правильности принятого тогда решения Захар не сомневался, зато злился на себя за длинный язык и сказанное утром. Ну не умел он общаться с такими женщинами – не следовало пытаться. Говорят же, молчи – за умного сойдешь! Разрядил обстановку, да. Развеселил. Хорошо, Васька не вредная и отходчивая, не стала дуться и лелеять обиды. Только черт знает, как к ней теперь подступиться!

Впрочем, обо всем этом Гаранин сейчас не думал. Он занял позицию у входа в землянку так, чтобы его не было видно от костра, и прислушался к доносящимся изнутри звукам.

Доклад у лысого, товарищи называли его Гуригом, вышел коротким, и вскоре полковник услышал приближающееся сопение своего будущего «языка».

Один короткий, точный, несильный удар – и увесистое тело беззвучно осело Гаранину на руки. Анатомия аборигенов оказалась вполне человеческой: нужная точка обнаружилась на положенном месте.

Захар подхватил добычу под мышки и отволоч за землянку. Там прилачился и, крикнув, подхватил тушу на закорки. Ругнулся – в лысом было никак не меньше восьмидесяти килограммов.

Обошел лагерь на некотором расстоянии, чтобы опять вернуться на подветренную сторону. Ушел к холму, где начинался ход в город, и потом, подумав, немного за него, чтобы товарищи Гурига не сразу хватились. Там, с облегчением и возможной осторожностью свалив ношу на землю, первым делом накрепко связал добычу ее же собственными рубашкой и ремнем. И начал приводить в чувство.

Лысый сначала недовольно замычал, потом захлопал глазами. В них плеснулся ужас, но заорать не дала ладонь Гаранина, закрывшая рот.

– Спокойно, – тихо велел полковник, придерживая добычу. – Я тебе не враг и зла не желаю. Ответишь на вопросы – спокойно пойдешь к своим. Ни убивать, ни калечить не хочу. Я бы обошелся без такого знакомства, но нет времени. Сейчас я уберу руку, и ты не будешь орать. Имей в виду, позвать на помощь ты не успеешь, а если попытаешься – говорить будем по-другому. Если понял – моргни.

Гуриг проявил сообразительность. Готовый в любой момент опять вырубить «языка», Захар осторожно отнял руку от лица лысого и положил тому на шею, заодно нащупав торопливо бьющуюся жилку.

- Кто ты такой? - прохрипел пленник.

- Не враг, - отозвался Гаранин и кивнул на гору. - Куда эти сбегают от вулкана?

- По ту сторону есть озеро. - Лысый явно ожидал совсем других вопросов, удивление читалось на его лице отчетливо.

- Далеко?

Названная мера длины ничего полковнику не сказала. Увы, даже его лингва была не всесильна, подобные вещи всегда определялись опытным путем.

- Пешком сколько суток пути? - привязался он к самому очевидному ориентиру.

- Если без остановок - за сутки дойдешь, - ответил Гуриг. Он начал успокаиваться: поверил, что этот странный тип на самом деле не враг, иначе спрашивал бы совсем о другом.

Заметил перемену настроения собеседника и Гаранин.

- Так далеко?

- Дорога сложная, скалы.

- А на транспорте?

- В объезд, но все равно к вечеру можно добраться, - ответил Гуриг.

- Здесь где-то поблизости есть подходящий транспорт?

- Нет.

Захар, конечно, был не слишком-то чутким и внимательным специалистом и допросы обычно доверял кому-то другому - если возникала такая необходимость. Но и лысый стражник не тянул на подготовленного агента, так что понять, что «язык» врет, не составило труда.

- Возле лагеря?

- Нет!

- Завести-управлять сможешь?

- Нет!!!

- Пойдешь сам или мне тебя вырубить и отнести?

- Сам, - поспешно согласился Гуриг.

- Только давай без глупостей, - попросил Гаранин, освобождая пленнику ноги. - Мне не хочется убивать твоих товарищей, но если надо будет - пристрелю обоих. А ты в любом случае отвезешь меня куда надо.

- Что тебе понадобилось от куйков?

- У них один хороший человек, которого мне необходимо вытащить. Я не могу ее бросить.

- Женщина? - вскинул брови Гуриг. Полковник кивнул, вздернул его на ноги. - Мне очень жаль, но уже поздно. Если она у них, ты ее уже не спасешь. Слияние убивает личность.

- Слияния не было, я точно знаю, - возразил Захар.

- Почему ты так уверен?

- Я утром вышел оттуда, все было нормально, - пояснил Гаранин. - Не думаю, что за несколько часов во время извержения что-то изменилось.

- Развяжи руки, - через мгновение попросил Гуриг. - Я тебе помогу.

- Вот так запросто?

- Ты не куйк. На тебе их одежда, ты точно был среди них, но ты и не ашук. Не знаю, что ты за зверь и откуда взялся, но для тебя они, похоже, в самом деле не опасны. Они, конечно, тупые, но маски с лиц стаскивать научились, а это - конец. Только ты выжил.

- И что?

- Они мою дочь поймали. Участь матки - хуже смерти.

Гаранин вскинулся на крики - товарищи хватились лысого.

- Пойдем, - предложил местный. - Мы все ненавидим куйков. Выдернуть из-под их носа женщину, убить с десяток тварей - на это любой из наших согласится не раздумывая.

- Пойдем, - решился Захар и принялся развязывать Гуригу руки. Сейчас «язык» явно не лгал. - Заодно расскажете, что из себя представляют эти куйки.

- А ты не знаешь? - изумился лысый, подпоясывая свою рубашку и разминая запястья.

- Нет. По дороге объясню, как так получилось, - пообещал полковник уклончиво. Следовало сначала задать несколько наводящих вопросов и разобраться в ситуации. Если местные действительно настроены помогать, это будет проще, чем представлялось поначалу.

К лагерю Гаранин шел в полной боевой готовности и с оружием наготове. Конечно, встретили их там настороженно несмотря на то, что Гуриг издалека подал голос и сообщил, что с ним все нормально, даже добавил какую-то тарабарщину, просто набор слов - видимо, пароль. Взгляды длинного и третьего были острыми, пристальными, на лицах темнели маски респираторов, а оружие в руках хищно поводило стволами.

- Пусть докажет, что не куйк, - настаивал шатен Ладук, игнорируя все заверения товарища и не опуская оружия.

- Как? - коротко спросил Захар. Требование он посчитал обоснованным.

- Штаны сними, - предложил длинный, Урай.

- С тебя? - недовольно уточнил полковник.

- С себя. Сразу видно будет, куйк ты или нет, - продолжил тот же.

- Нет, парни. Я только по женщинам, - поморщился Захар. - Вы не в моем вкусе.

- Ладук, Урай, ну вы же видите, что он не куйк! - обратился к ним Гуриг. - По речи ясно!

- Пусть докажет! - уперлись оба. То ли из принципа, то ли перестраховывались - полковник отметил, что стражники заметно расслабились по сравнению с моментом встречи. Похоже, это была последняя формальность.

- Нож есть? - спросил лысый у землянина. - Полосни себя по руке, если штаны снимать не хочешь. Куйки не способны себя травмировать. Такой вариант устроит?

Неглубокий порез на запястье оказался достаточным аргументом. После проверки охранники окончательно успокоились и засыпали обоим вопросами, что и как. Но тут лысый начал командовать, в тройце он оказался старшим, и все без возражений занялись свертыванием лагеря.

- Вам не влетит за оставленный пост? - спросил Захар.

- Ради разведки и проверки - можно, - отмахнулся Гуриг. - Тем более что луяпка в ходе свежая, только утром косили, на пару дней хватит.

Транспортом оказалась грубая квадратная машина на очень больших широких колесах. Тихоходная, она двигалась плавно и почти по любой поверхности. Хозяева уверяли, что и по воде может, но Захар не очень-то в это поверил, только порадовался, что мореходные качества аппарата здесь проверять негде. Зато небольшие поваленные деревья и каменные россыпи машина форсировала бодро.

Аппарат был шестиместным, с рулевым колесом посередине первого ряда. Управлял Урай, Ладук устроился рядом с ним, остальные - сзади. И Гаранин начал задавать вопросы.

Куйки оказались высокоорганизованными, полумозгными, коллективными... паразитами. У них не было своих самок, эти существа пользовались человеческими женщинами. Они выделяли летучее психотропное вещество, подавляющее волю. В достаточной степени надышавшись им, перспективная самка сначала теряла критическое восприятие реальности и начинала принимать куйков за людей. На этой стадии ее еще можно было спасти. Конечно, предстояло долгое лечение от зависимости, но полное исцеление было возможно.

Однако стадия эта длилась недолго, не больше пары суток. Потом жертва соглашалась на слияние с

тем самым, чьи выделения особенно сильно на нее влияли. А после этого от прежней личности оставалось очень мало: основные инстинкты, из которых особенно обострялось стремление к размножению, да примитивное подобие интеллекта. Самка не просто приобретала устойчивую зависимость от выбранного самца, но в прямом смысле слова управлялась его волей и без него погибала.

Само слияние заключалось в том, что самец куйка откладывал в тело женщины личинки. Процесс, почти идентичный беременности, только яйцеклетка делилась на множество независимых «икринок», которые самка в определенный момент откладывала, а дальше они «дозревали» уже без ее участия.

Из икры вырастали не только человекоподобные куйки, но и рабочие – арении всех размеров, и недоразвитые «куколки», которые использовались в качестве плюющего ядом или кислотой оружия, и галиги – нервно-координационные узлы, обеспечивающие буквально телепатическую связь между особями, и еще пара разновидностей существ, сталкиваться с которыми Гаранину не приходилось. Все население одного человеенника составляло единый коллективный разум. Не то чтобы очень умный, но весьма организованный.

На мужчин эти нейротоксины действовали угнетающе. Собственно, ашуками назывались в числе прочих и они – рабочие особи, в которых превращались люди. Лишенные интеллекта и основных инстинктов, они даже внешне постепенно изменялись, превращаясь в некое подобие своих хозяев. Или умирали.

Из разговора с Гуригом Захар выяснил, что достаточно мощного оружия, способного уничтожать гнезда целиком, люди пока не придумали. Но активно над этим работали.

А вот по одному куйков, особенно человекоподобных, убить было не так сложно, но имелась своя специфика и слабые места. Например, в голове находился периферийный нервный узел, повреждение которого являлось смертельным далеко не всегда, только при большой кровопотере. Стрелять лучше было в грудь или живот.

- Ты точно уверен, что твоя женщина еще человек? – осторожно спросил Гуриг.

- Должна быть. На нас их выделения действуют иначе или вообще не действуют.

Прозвучало уверенно, но убежденности Гаранин на самом деле не испытывал. Гуриг, конечно, подтвердил, что слияние возможно лишь при достаточном угнетении умственной деятельности женщины и без него куйки просто не воспримут самку как пригодную для размножения. Но полковник прекрасно понимал, что успокоится на этот счет только тогда, когда Васька будет рядом, и это «рядом» окажется максимально удалено от человеенника.

Все же до чего удачное, подходящее слово, а...

- Я на твои вопросы ответил, хотя и странно, откуда ты такой взялся – о куйках не знаешь, опасности они для тебя не представляют. Твоя очередь, – напомнил лысый.

- Что вы знаете о звездах? – Захар зашел издалека, морально готовясь услышать что угодно.

- Это такие же солнца, как наше, только очень далекие. Ты это к чему? – нахмурился Гуриг.

- Уже легче. Я – оттуда, – спокойно кивнул полковник на небо.

Конечно, поверили они не сразу. Но демонстрация оружия с его возможностями и нескольких снятых с брони полезных приборов заметно поколебала сомнения братьев по разуму: все это слишком отличалось от того, к чему они привыкли. Самая настоящая фантастика.

- Но как получилось, что ты настолько на нас похож?! – не выдержал Ладук. – Не отличишь же!

- А я откуда знаю, я же не ученый! Да и они, по-моему, тоже не в курсе, – хмыкнул полковник. – Я знаю восемь почти человеческих видов с разных планет. Половина из них по-настоящему нам родственна, до возможности смешанных браков.

В конечном счете мысль о пришельце со звезд новые знакомые Гаранина приняли философски и удивительно спокойно. На куйка он действительно не похож, от остальных людей тоже сильно отличается, так зачем придумывать для себя какие-то другие объяснения? А между собой люди на этой планете всерьез не воевали, любые разногласия старались решить быстро и бескровно: у них имелся постоянный биологический враг, единый и хорошо организованный – не до внутривидовых разборок. И это, конечно, накладывало отпечаток: расширяло границы понятия «своих» на все человечество и лишало смысла такое земное понятие, как «иностранный шпион».

Так что мужчинам удалось договориться гораздо легче, чем Захар мог рассчитывать. И полковник в

очередной раз удивился их с Василисой везению.

Дорога вышла необременительной, если не считать волнения Гаранина за оставленную у куйков женщину. Но оно было привычным, естественным и понятным, поэтому никак не проявлялось внешне.

Как положено нормальному командиру, полковник умел отправлять людей на риск, оставаясь при этом в штабе, и не трястись за них подобно наседке. Но не волноваться совсем – за людей, не только за исход дела – так и не научился. Не подавал вида, конечно, он вообще был очень сдержан в проявлении эмоций, но те, кто служил под его началом достаточно долго, замечали такие вещи. И командира ценили – за это тоже.

Близко подъезжать к лагерю не стали. То есть Гуриг предложил и этот вариант, но без особенной охоты, из вежливости, и Захар прекрасно понимал его нежелание рисковать попусту. В то, что Василиса все еще жива и в своем уме, никто из местных толком не верил, а рисковать головой ради чужого фанатизма – сомнительное удовольствие. Поэтому начбез с легкой душой отказался от этого варианта. Тем более что провернуть все в одиночку ему было куда проще: положиться на выгучку троицы Захар не мог, это не проверенные в боях свои спецы, а рисковали бы они при этом куда сильнее его.

Без доведка в лице местных план был исключительно прост. Захар собирался спокойно прийти в лагерь, забрать Ваську и уйти – без шума, паники и крови. Но на всякий случай предупредил добровольных помощников, чтобы при малейшей угрозе сразу уезжали к своему лагерю.

Отыскать нужный «шатер» – а вернее, собственную броню в нем – не составило труда. В пару съемных приборов были встроены поисковые маячки, которые работали в обе стороны: можно было найти как их с помощью брони, так и, при некоторой сноровке, броню с их помощью. Обратный эффект работал на очень небольшом расстоянии и давал значительную погрешность, но в нынешних обстоятельствах это не волновало. Ну а куйки тем более не доставляли проблем, потому что начбеза они просто игнорировали.

А вот отсутствие рядом с броней Василисы оказалось для мужчины очень неприятным сюрпризом. Ругнувшись, но не делая поспешных выводов, Захар начал поиски с обхода лагеря.

Ушло на это больше часа. Смотреть на куйков и, главное, женщин, зная, что из себя представляют окружающие существа и эти несчастные, было противно до тошноты. Еще противнее – спокойно проходить мимо. У Гаранина отчаянно чесались руки взять какую-нибудь пушку потяжелее и помощнее, вроде штурмовой плазменной системы с поэтичным названием «Забавы», и выжечь до основания все это гнездо. Парой выстрелов превратить окрестные скалы в спекшиеся покатые холмики с наполовину выкипевшим озером посередине, чтобы нельзя было даже примерно определить, существовало ли тут когда-то хоть что-то живое.

Только начбез прекрасно понимал бесплодность этих мечтаний. Даже не из-за отсутствия «Забавы». Просто никто никогда не отдаст приказа на уничтожение эндемика чужой, имеющей свое разумное население планеты, каким бы мерзким все это ни выглядело со стороны. И устраивать подобный геноцид без приказа полковник тоже не стал бы, потому что *не положено*. Уставом, инструкциями и все тем же вбитым с учебки правилом «не лезь на чужую планету со своими законами».

Но с каждой минутой поисков правила эти становились все более размытыми, а желание вырезать человек под корень – объемным и материальным.

Несколько раз Гаранин возвращался к шатру, надеясь, что умудрится разминуться с Василисой. И, оказывается, правильно делал, потому что именно там он ее и нашел.

Он вообще-то изначально пообещал себе не ругаться на нее, понимая бесполезность всех упреков, пусть и очень хотелось. Однако, когда начбез увидел, в каком она состоянии, малейшее желание ругаться пропало, смось тревогой из-за неожиданной истерики и – облегчением. Потому что это точно была она, Васька, а не безмозглый ходячий инкубатор.

И только потом пошли остальные эмоции. И недоумение относительно причин истерики, и глухая растерянность при виде густо измазанного чем-то бурным халата, и колючая досада при виде изодранных ладоней.

Последнее Гаранина искренне возмутило. Василиса сама маленькая, хрупкая, пальчики – чуть не в три раза тоньше его собственных, явно непривычные к такой дикой жизни; ну как вообще можно с ними так обращаться? Кто это сделал?

И что вообще произошло?!

Последний вопрос был самым важным, но ответа на него пришлось ждать довольно долго, истерика получилась продолжительной. За это время Гаранин успел голову сломать, пытаясь догадаться, что

именно случилось. И, как оказалось, в своих предположениях Захар был не очень-то далек от истины: она действительно успела выяснить, что аборигены – совсем не люди.

Успокоившись, женщина сбивчиво рассказала, куда успела влезть за время его отсутствия, и дала понять, что о собственном любопытстве, невзирая на последствия, не жалеет. И полковник не знал, чего ему хочется – связать ее и спрятать понадежнее или придушить, раз уж она так упорно стремится к неприятностям.

Ну как с ней такой разговаривать? Как объяснить, что ведет себя как глупый ребенок, если ее, как ребенка, скука страшит сильнее смерти?

Но Гаранин своевременно вспомнил собственную умную мысль о пользе молчания и решил не повторять предыдущую ошибку. Сменил тему.

Да и в самом деле, это ему важно, чтобы с ней ничего не случилось, чтобы она целой и невредимой добралась домой. Значит, именно его долг это обеспечить.

Глава 10

Побег из муравейника

Рассказ о полученных сведениях у Гаранина вышел сухим и кратким, без подробностей, но я все равно порадовалась, что в животе совершенно пусто и рвота мне не грозит. Зато понимание, среди кого мы находимся и какой участи счастливо избежали, подстегивало и придавало сил поспевать за уверенным шагом начбеза.

Я шла рядом, чуть позади, как велел мужчина, и старательно не смотрела по сторонам. Куйкам, конечно, плевать на выражение моего лица, но все равно не хотелось брезгливо кривиться при взгляде на них. Никак не получалось отвязаться от мысли, что вот это – люди. Странные, непонятного уровня развития, но – люди. Да мне Нурий даже почти понравился! Вот и как теперь с этим жить?!

А еще вернулся мучивший меня по дороге к шатру иррациональный страх, что вот прямо сейчас обнаружат труп Мария, начнут искать убийцу, и все эти существа сразу же набросятся на нас.

Гори оно все во вспышке сверхновой! Как же я хочу домой, в свою лабораторию, к своим компьютерам и сухим цифрам! Не зря я никогда не любила биологию, она не только мерзких насекомых изучает, но и тварей куда более противных...

Мы почти успели уйти. Правда, проблемы начались совсем не там, откуда я их ждала.

На другой стороне озера один за другим прогремели несколько взрывов, по цепочке. Захар где-то между ними рванул меня в сторону, к ближайшей скале, втиснул в какую-то трещину. Дышать стало нечем, в спину и бока впелись бесчисленные острые края камней, но возмущенное шипение я сдержала: Гаранин вообще-то мне жизнь спасал!

Канонаде за озером ответила пара взрывов с нашей стороны. По ушам словно хлопнули чьи-то тяжелые пухлые ладони.

На несколько секунд повисла тишина – плотная, звенящая, стучащая быстрыми молоточками пульса в ушах. Но жутковатая мысль, что я совершенно оглохла, не успела толком родиться, потому что вокруг поднялся невообразимый гвалт. Тишину разорвали сотни, тысячи голосов, слившихся в единый гул. Лагерь взбурлил, забегали все и разом, без какой-либо цели и системы.

Прямо на моих глазах – я могла наблюдать за происходящим через плечо Гаранина – мечущийся, словно обезумевший арений раздавил пару столь же невменяемых куйков.

Я шумно сглотнула, чувствуя горечь во рту и сухость в горле.

– Захар, что происходит? – прошептала сдавленно.

– Похоже, люди устроили диверсию. Кажется, удачно, – через плечо сообщил Захар.

Звука выстрела через пару секунд после этого я не слышала, зато увидела, как один из куйков, бежавший прямо на нас, запнулся на ровном месте, когда на его груди распустился черный цветок прожженной раны, и, нелепо всплеснув руками, рухнул под ноги своих сородичей. Полковник по одному ему понятной примете решил, что этот тип опасен лично для нас.

В отвесах разбросанных по всему лагерю светящихся камней паника куйков напоминала не то безумную пляску языческих времен, не то разгул демонов из христианских мифов.

Я запоздало сообразила, что готовиться к нападению лично мне не надо, потому что вернулся полковник и от меня больше ничего не зависит. Значит, можно зажмуриться, уткнуться лбом в загривок мужчине и просто ждать.

Паника продолжалась довольно долго. Или, может быть, мне просто так казалось из-за нереальной жути происходящего?

– Кажется, все, – решил наконец начбез. Шагнул вперед, обернулся, чтобы помочь мне выбраться из щели. – Ты как?

– Нормально, – коротко отозвалась, нехотя открывая глаза и выпрямляясь.

К горлу опять подкатился холодный ком. Финал оказался не менее странным и даже, может быть, более жутким, чем начало фантасмагории.

Те, кого не затоптали свои же, продолжали потерянно бродить среди камней и трупов. Некоторые неподвижно стояли или сидели, раскачивались из стороны в сторону или тупо и неподвижно

пялились в пространство. И все это – в том же жутком, косом, угловатом свете разбросанных камней.

– Подожди минуту, я надену броню, – велел Гаранин.

Я молча кивнула, хотя он уже занялся своим делом и не мог видеть.

Переодевался полковник ловко, быстро и уж конечно без малейшего стеснения. Разделся донага, сбросил бесформенные местные ботинки, натянул свой комбез, который я упаковала вместе с броней, потом быстро принялся ее прилаживать.

Куйки оставались безучастными к нам обоим.

– Кстати, я не поблагодарил за то, что ты ее забрала, – искоса глянул на меня Гаранин, закончив с нижней половиной экзоскелета.

– Пожалуйста, – повела я плечами, продолжая внимательно наблюдать, как одевается мужчина. Зрелище само по себе радовало глаз, а уж в сравнении с тем, что творилось вокруг...

Ночь милосердно скрадывала некоторые подробности, изломанные тела напоминали обломки скал, а кровь теряла свой цвет, но все равно я не хотела даже думать о том, что сейчас придется пробираться через все это. Опять.

– Пойдем потихоньку, – решил Гаранин. – Возьми, пожалуйста, мою одежду.

Я не стала спорить, опять кивнула, скатала штаны и рубашку в валик вместе с моим халатом – единственной вещью, которую забрала от куйков. Ну, не считая платья, которое было на мне.

– Тебе не холодно?

– Что? – растерялась я от такого простого вопроса. Подумала несколько секунд и обреченно ответила: – Не знаю. Кажется, я разучилась что-то чувствовать...

– Пройдет, – обнадежил Захар. – Если так будет проще, иди сразу за мной и держись за кобуру вот тут. Главное только, за руки не хватай.

Полковник чуть сместил крепление своего оружия назад, и я послушно ухватилась за него. Так действительно было проще – бронированная спина мужчины защищала меня хотя бы от части картин развороченного лагеря.

Провалиться мне за горизонт событий, я столько крови за всю свою прошлую жизнь не видела, сколько за эту пару часов! А уж изуродованных трупов – тем более.

Да и убивать мне прежде не доводилось.

Хотя вот об этом лучше вообще не думать несмотря на то, что убила я все-таки не человека. Потому что... паразиты-то они паразиты, но совсем не насекомые. Почти люди. Разумные существа. Может, какой-то ксенолог и возразит, что куйки – неразумные твари, и даже приведет какие-нибудь научные аргументы, но... мы же с ними разговаривали! Они кормили нас, заботились, как могли! И как бы ни было мерзко вспоминать Мария вместе с тем, что пряталось у него под юбкой, развороченный и разгромленный лагерь вызывал глубокую, тоскливую жалость и холодок по спине.

Больше всего хотелось просто закрыть глаза. Я старалась не смотреть по сторонам, но взгляд против воли соскальзывал, выхватывал детали, которые намертво запечатлевались в памяти.

Изломанный труп женщины. Рядом с ней на окровавленных камнях сидит куйк и безучастно тарашится в пространство. словно выключенный робот.

Четко и уверенно шагающий по кругу маленький арений, а в центре возвышается понурая фигура еще одного куйка, который провожает паука взглядом столько, сколько тот находится прямо перед ним, а после взгляд опять становится расфокусированным, потерянным.

Один раз Гаранин резко остановился, шикнув на меня и запретив шевелиться. Через лагерь деловито, без спешки, бежал брux и, держа за бедро, волок куда-то один из трупов. На нас он не обратил никакого внимания, как и несколько его сородичей из той же стаи – звери воспользовались шансом поживиться. Только один, вдохновенно обгладывая чью-то ногу, проводил нас настороженно-любопытным взглядом.

Пару раз меня опять чуть не вырвало, в такие моменты я зажмуривалась, старалась крепче вцепиться в броню начбеза и дышать ртом, повторяя про себя Главную последовательность.

Жутко. Мерзко. Горячечный бред, скопище безнадежных безумцев...

А еще отчаянно хотелось заткнуть нос, потому что над лагерем повис странный, удушающе-сладкий запах. Не крови, не смерти; что-то, похожее на душные, тяжелые благовония – я не разбиралась в запахах и определить, на что похоже, не могла. Да и не хотела, если совсем честно.

– Ты как? – обратился ко мне Гаранин, когда руины остались позади вместе с разбросанными светящимися камнями, а путь уже освещал широкий конус фонаря начбеза. Остановился, обернулся, прикрывая прикрепленный к плечу светильник рукой, чтобы не бил мне в лицо.

– Хочу домой, – криво улыбнулась ему. Контур лица подсвечивался фонарем, и за этим ярким бликом разглядеть выражение глаз было трудно. – А еще хочу спать, но, наверное, я не смогу заснуть еще очень, очень долго. Да ладно, ерунда, это я...

– Вась, я понимаю, – негромко оборвал полковник, явно стараясь говорить мягче. Аккуратно взял меня за плечо, слегка сжал. – Тебе тяжело и страшно, это нормально. Ты и так отлично держишься. Я видел здоровых, обученных мужиков, которым стоило бы поучиться у тебя выдержке. Настоящий боец, такого сложно ожидать от лабораторной мыши. Я не для успокоения, это правда.

Во время этой короткой – или, наоборот, слишком длинной для Гаранина – речи я, щурясь, смотрела на лицо мужчины. Он явно говорил всерьез, и, наверное, именно поэтому при его словах про лабораторную мышь я сдавленно фыркнула от смеха, а потом и вовсе расхохоталась, ткнувшись лбом в броню у него на груди, рядом с фонарем. Истерично, да, но лучше так, чем опять слезы.

– Вась, ты чего? – растерялся полковник.

– Гаранин, говорить комплименты ты умеешь откровенно никак, – сообщила я, слегка отдышавшись. – Ты серьезно думал приободрить, назвав меня лабораторной мышью?

– Кхм. Я... не подумал, – явно ступевался он.

– Мы ведь вернемся домой, да?

– Обязательно, – убежденно ответил начбез. Его ладонь с фонаря переместилась мне на затылок, чем неожиданно принесла ощущение почти блаженства.

И хотя я прекрасно понимала, что уверенность эту он демонстрирует только для меня, все равно она помогла гораздо лучше всех слов. Все-таки повезло мне с полковником. Главное, не придавать особого значения его высказываниям...

– Далеко нам еще идти?

– Минут десять, – обнадежил Гаранин. – Я, конечно, договорился с местными, что они уберутся отсюда в случае неприятностей, но хочу проверить. Мне кажется, уезжать они не хотели, могли остаться. А если нет – все равно там остановимся, хорошее место. Разведу костер, ты поспишь. Может, тебя донести? – с сомнением предложил он.

– Не надо, – волевым усилием я заставила себя отказаться. – Лучше пусть у тебя в руке будет оружие, мало ли.

Потом подняла голову, временно ослепла от яркого света и, недовольно поморщившись, сама накрыла ладонью фонарь на плече.

– Захар, а... поцелуй меня? Пожалуйста...

Сейчас мне было плевать, насколько нелепо и жалко это прозвучало. Просто... хотелось чего-то хорошего. Немного, но прямо сейчас. Почему бы не этого?

Пару секунд начбез, кажется, разглядывал мое лицо; перед глазами полыхало засвеченное пятно, и я ничего толком не видела. Потом я почувствовала на губах дыхание мужчины, а еще через мгновение он уже целовал меня. Вдумчиво, не спеша, удивительно нежно. Я закрыла бесполезные сейчас глаза и полностью сосредоточилась на ощущениях.

От контраста холодной, твердой брони, к которой я прижималась, и горячих, мягких губ кружилась голова. А мир вокруг таял, отдалялся, делаясь прозрачным и ненастоящим. Все ложь и бред воспаленного сознания, кроме удивительно глубокой нежности, на которую неожиданно оказался способен этот грубый, неразговорчивый мужчина.

Мы точно вернемся домой. Не можем не вернуться. И все обязательно будет хорошо.

Поцелуй прервал Гаранин. Коснулся губами уголка моих губ, щеки, закрытого века, на пару мгновений прижался к виску. Я глубоко, прерывисто вздохнула, чувствуя в голове приятную опустошенность – старые мысли вымело поцелуем, а для новых я слишком устала.

- Пойдем, Вась. - Голос его, кажется, звучал еще более хрипло, чем обычно. - Немного осталось, скоро можно будет отдохнуть.

Я только вяло кивнула, и мы зашагали дальше.

- Захар, а тот маячок, который ты запустил... Ты поддерживаешь с ним связь? Или там одно записанное сообщение?

- Связь не поддерживаю. Но в сообщении указан протокол, по которому работает моя рация в броне, и ее номер для поисковика. Нас по ней отыщут, - обнадежил Гаранин.

С этой мыслью идти стало легче.

Начбез угадал, новоявленные приятели его дожидались: вынырнув из-за очередной груды камней, мы увидели огонь костра. В лагере тоже заметили наше приближение, полковник со своим фонариком не таился. Окликнули. Гаранин ответил. Когда подошли ближе, я непроизвольно отступила за спину Захара - просто так, на всякий случай.

В ответах костра глаза троих незнакомцев зловеще поблескивали, а разобрать выражение лиц в пляске теней я не смогла. Понимала, что это уже фантазии, но все равно мужчины показались пугающими, враждебными, даже страшнее куйков и брухов, вместе взятых.

Довели. От людей шарахаюсь, за мужиком прячусь от каждого чиха... Точно, вернусь домой - пойду лечиться.

Я усилием воли заставила себя встать рядом с начбезом, чтобы тот предъявил меня местным. На плечо, приобнимая, легла его тяжелая рука в перчатке. И я опять успокоилась. Плевать, что больно давит, да и подтекст у этого жеста какой-то откровенно собственнический. Главное, что он обещает - и обеспечивает столь необходимую сейчас поддержку.

Обменявшись парой фраз, мужчины сноровисто собрали лагерь, залили огонь, зажгли фонари - ручные и на морде угловатого транспорта. Из сказанного я выхватывала отдельные слова, они разговаривали на каком-то заметно отличающемся от языка куйков диалекте, так что учить его моей лингве предстояло заново.

Долговязый Урай уважительно потыкал гаранинскую броню пальцем, что-то сказал про размеры. Лысый Гуриг ответил на это со звучащим в голосе весельем, после чего, перекидываясь короткими замечаниями, они принялись грузиться. Нас с Гараниным посадили назад, остальные втроем устроились впереди. Кажется, на эту тему они и шутили - что с бронированным полковником будет тесно. И прекрасно, меня полностью устраивало отсутствие иного соседства.

То ли Захар как-то предостерег аборигенов, то ли они сами были очень тактичными, то ли у них вообще не принято разговаривать с незнакомыми женщинами, но меня не трогали, ни о чем не спрашивали и даже, рассмотрев внимательно в первый момент, перестали заинтересованно коситься. Только третий, Ладук, порой бросал быстрые взгляды, стараясь делать это незаметно.

Окончательно убедившись в том, что новые знакомые не опасны, я вскоре оценила их общество: оно, особенно на фоне куйков, восхищало своей *нормальностью*. Разные голоса, многообразие интонаций - за прочими переживаниями я до сих пор не замечала, как сильно не хватало всех этих мелочей. Конечно, подвоха все равно ждала, не могло тут обойтись без него, но пока можно было расслабиться.

- Ложись, ехать достаточно долго, - предложил Гаранин, сдвигаясь на самый край сиденья. - Может, хоть немного вздремнешь.

- Сомнительно, но почему не попробовать? - согласилась я.

Сначала попыталась пристроиться на плече полковника, потом свернулась на сиденье и устроила голову на его же бедре. Мало того, что высоко и качает, так еще панцирь жесткий как камень...

- Извини, броня не очень подходит для этих целей, - проговорил Захар, понаблюдав за моими мытарствами. - Иди сюда, давай попробуем тебя уложить вот так...

Он сгреб меня в охапку. В итоге я оказалась на коленях мужчины, головой на сгибе его локтя - там броня предсказуемо была гораздо менее жесткой. Полковник, как мог, аккуратно придерживал, и в таком положении было менее неудобно, чем в любом другом. Мне. Сколько проблем все это доставляло самому Захару, я эгоистично решила не задумываться: он достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки и позаботиться о себе.

Я о нем тоже обязательно позабочусь, но не сейчас.

Надо отдать инопланетной технике должное, машина шла не тряско, плавно покачивалась, словно на волнах, и очень быстро я провалилась в сон. Отрывистый, мутный, полный крови и выпотрошенных тел, из которого меня буквально выкидывало на короткие мгновения – мне необходимо было найти себя в реальности.

В какой-то момент я очнулась оттого, что машина остановилась, и меня начали осторожно поднимать на руки. Хотела воспротивиться, заверить, что могу идти сама, но не сумела даже открыть глаза. Голоса вокруг сливались в монотонный гул. Кажется, я не понимала бы их, даже если бы говорили на родном языке.

Не знаю, сколько времени занял остаток пути, меня опять одолела дрема. В следующий раз очнулась уже в постели, когда меня раздевали. Вернее, уже раздели и, судя по всему, раздумывали над ботинками – как их снять, если не видно привычных застежек. Голоса обсуждающих были женскими. Не открывая глаз, я дотянулась до обуви, коснулась сенсора, заставив контакты разомкнуться.

А потом усталость окончательно взяла свое, и меня накрыл глубокий сон. К счастью, без сновидений.

Не знаю, во сколько наступило мое утро, я уже совершенно запуталась во времени. Огляделась в неверном свете хорошо знакомых кристаллов, работающих в «ночном режиме», обнаружила, что нахожусь в одиночестве, села и хлопком пробудила огоньки.

В первый момент настигло чувство дежавю, пробрал липкий холодок страха, показалось, что я каким-то жутким образом вернулась в человеконик куйков. Всерьез запаниковать по этому поводу, правда, не успела, потому что заметила отличия. Если постель и полукруглый диван были точно такими же, то полосатых пледов грубой вязки, под каким я сейчас лежала, разноцветных подушек и скатертей прежде не попадалось. Да и остальная мебель оказалась другой.

Деревянный шкаф, задней стенкой которого служила стена пещеры, а вместо двери висела узорчатая занавеска. На стене – простой лесной пейзаж в грубой рамке, на столе – ваза со свежими цветами. Деревянная входная дверь. В нише за еще одной занавеской обнаружилась точно такая же уборная, как у куйков.

Я могла ошибаться, но, похоже, это действительно типичный человеконик куйков, только последних отсюда выгнали люди. Интересно, как именно...

В шкафу обнаружилось несколько нарядов. Пара платьев откровенно куйковского происхождения, темная юбка простейшего кроя и несколько рубашек со шнуровкой у ворота и длинными рукавами на манжетах. К моему облегчению, нашлось и белье. Маечка на тонких бретелях и короткие свободные шорты оказались непривычными, но ощущение чистоты стоило того, чтобы потерпеть.

Паразиты себя ношением нижнего белья не утруждали, а мое уже было на последнем издыхании. Хорошо, что оно самоочищалось, плохо – что ресурс его здорово ограничен, рассчитан всего на неделю комфортного ношения. И это в нормальных условиях! Я, конечно, пыталась стирать руками, и отчасти это помогало, но все равно – не то, нужна регулярная специальная чистка. Конечно, существуют модели более «долгоиграющие», но это уже ближе к спецодежде. Знала бы, куда попаду, конечно, запаслась бы. И не только бельем!

После душа я с чувством глубокого морального удовлетворения надела юбку с блузкой. С еще большим удовольствием, конечно, надела бы штаны, но их не предложили.

В эту секунду, словно подглядывали и специально выбирали момент, в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, распахнули ее во всю ширь.

На пороге появилась молодая женщина со светлыми волосами, собранными в простую косу, одетая точно так же, как я. Круглолицая, с теплой улыбкой, выглядела она очень странно, как привет из прошлого – будто я смотрела какой-то восстановленный старинный плоский фильм. Причем дело было даже не в старомодной одежде, я сейчас сама такую с удовольствием нацепила, а именно в чертах лица и манере двигаться, что ли. Очень неожиданное ощущение.

– Привет, – улыбнулась незнакомка. – Я Гуша. Как ты себя чувствуешь?

– Привет. Хорошо, – ответила осторожно.

В первый момент озадачилась, что понимаю ее речь, но потом сообразила: во-первых, она явно старалась говорить отчетливой, медленней вчерашних мужчин, а во-вторых, лингва за время пути, похоже, без моего участия пополнила словарный запас. Видимо, выучить диалект известного языка ей проще, чем новый с нуля.

– Я тебе поесть принесла. Ты, наверное, голодная? Иди сюда. А тебя правда от куйков привезли?

- Правда, - ответила коротко, не понимая пока, как вести себя с этой Гушей.

- А расскажи, какие они?! - с горящими глазами попросила девушка.

Но ответить я не успела: в дверь опять постучали и внутрь скользнула еще одна незнакомка. Порыжее и повыше, с более резкими чертами лица и острыми скулами; смотрела она на меня внимательно, даже колко.

- Привет. Гляжу, я не первая? - улыбнулась она. - Агая, так меня зовут.

- Ты тоже хочешь узнать про куйков? - со вздохом спросила я.

- Все хотят, - честно призналась Агая.

В подтверждение ее слов опять раздался стук в дверь.

В итоге у меня в комнате собралось пять местных молодых девушек - обитательниц ближайшей группы женских жилых пещер, которые еще не выбрали себе спутника жизни.

Рассказывать я согласилась с одним условием: для начала они ответят на мои вопросы о местном быте. Надо же знать, куда я попала, какие тут нравы и в каком ключе рассказывать о куйках!

Устройство города пугающе походило на знакомый человекник. В центре располагались женские и семейные пещеры, одиноким мужчинам туда ходу не было. Подросшие дочери оставались здесь, сыновья уходили жить в мужские пещеры, ближе к поверхности. Внутри они до свадьбы не допускались, а познакомиться с одинокими девушками могли в специальных общих залах, расположенных на границе.

В обществе царил своеобразный патриархат. Женщин берегли как самое большое сокровище, не нагружали тяжелой работой, почти почитали - как будущих матерей и залог жизни. Даже просто обидеть женщину считалось серьезным преступлением, не говоря уже о том, чтобы поднять на нее руку. Святым правом женщин считался выбор мужчин, и оспорить этого никто не мог. Но при этом женщины совершенно ничего не решали в жизни города и почти не покидали безопасных стен. Судя по поведению моих собеседниц, подобное положение их устраивало.

Честно говоря, от этой картины мне стало не по себе. А чем, собственно, местные люди при таком раскладе отличаются от куйков?

- А Захар разве не твой мужчина? - спросила Тика, которая казалась самой молодой из собравшихся или, может быть, была самой наивной.

- Захар... хороший, - осторожно ответила я, не в силах подобрать подходящие слова.

В том смысле, который вкладывали в это понятие местные, моим мужчиной полковник, конечно, не был. Но в то же время и сказать категоричное «нет» я не могла.

Во-первых, после первого шального и второго, куда более осознанного, поцелуев ощущалась напряженная недоговоренность в этом вопросе. Глупо отрицать, я уже на полном серьезе считала Гаранина весьма привлекательным мужчиной и ничего не имела против развития отношений. Но большой вопрос: какого именно развития? До какой степени близости? Потому что имелось смутное ощущение, что банальным «переспать» это сближение не ограничится. А понимание, что я согласна и на такое, откровенно пугало и уж точно не прибавляло спокойствия.

Во-вторых, даже если бы не эти моральные терзания, резко заявлять о своей полной свободе не стоило. Кто знает, чем для нас обоих обернется такое заявление! Вдруг и эти начнут навязываться и склоняться к непотребству? Или, хуже того, запретят видеться с полковником? Не хватало еще тут прорываться с боем!

- Я еще не определилась, но склонна выбрать его, - сформулировала наконец.

- Решиться трудно, это все говорят, - поддержала Кула, которая показалась мне самой рассудительной из всех. - Но после того, на что он ради тебя пошел, я бы на твоём месте точно согласилась.

- Это действительно серьезный аргумент, - осторожно ответила ей.

- Ну не знаю, а мне куйки нравятся, - вздохнула Гуша. - Они такие красивые!

- Они же не люди! - растерянно напомнила я, едва не поперхнувшись.

- Ну и что, - легкомысленно отмахнулась девушка. - Зато красивые. И никаких дел, сплошные удовольствия, и с детьми никакой мороки. Я бы с радостью к ним ушла, только не пустят...

Я все-таки поперхнулась, а Кула с укором проговорила:

- Не говори глупостей, дети - это самое большое счастье! Я вот хочу не меньше десяти, но для этого надо мужчину выбрать сильного, хорошего. Хочу, чтобы он меня очень любил, на руках носил и искренне обо мне заботился, чтобы был улыбочивый и светловолосый. Детишки красивые-э-э выйдут! Васа, а ты хочешь много детей? - обратилась она ко мне.

Они что, в стремлении подружки уйти жить к тем существам действительно видят только одну проблему? Отсутствие детей?!

- Я об этом не думала, - призналась честно, едва продышавшись.

- Ты странная, - озадаченно качнула головой Тика. - Это же главное! Я тоже хочу много-много детей! Настоящих, не как с куйками.

- Васа, а это правда, что вы двое прилетели со звезд? - сменила тему Агая, за что я была ей искренне благодарна.

- Так странно, они же такие маленькие, - рассеянно проговорила Кула. - Как вы там живете?

Мне понадобилось некоторое время, чтобы проглотить все то, что хотелось сказать на родном языке, вспомнить приличную местную речь и начать просвещать местных женщин относительно мироустройства.

О звездах я рассказывала, изо всех сил стараясь не углубиться в подробности и не перейти на человеческие термины. Вряд ли они нужны сейчас этим «дамам», восхищенным аханьем встретившим информацию о том, что небо - не твердое, а звезды - не прибитые к нему фонарики, которые развесил Великий Отец, чтобы Великая Мать радовалась ночью.

В ответном слове девушки наперебой начали делиться со мной собственными сведениями об окружающем. Помимо фонариков я узнала, что именно эта пара богов создала весь мир и людей, а потом пришел завистливый брат Великого Отца и сотворил хищников, вредителей, болезни и куйков.

Кажется, они, хоть и выслушали, не очень-то поверили.

А мне воспринимать религиозную картину мира было сложно и непривычно, даже жутко. Слишком я отвыкла от такого мировоззрения и не ожидала столкнуться с ним вновь. Но старалась держать себя в руках и не проецировать на местных свои ценности, а к их концепциям относиться без скепсиса. Молодая цивилизация, все открытия у них впереди.

- Как ты много знаешь, - потрясенно качнула головой Кула. - Откуда?!

- У нас это любой ребенок знает, - пожала я плечами в ответ. - Но вообще изучение звезд - моя работа, я ученый.

Эта информация произвела на собеседниц куда более сокрушительное впечатление. Они замолчали, замерли и уставились на меня почти с ужасом.

- Но ты же женщина! - первой очнулась Тика. - Зачем тебе это?!

- Потому что интересно, - ответила осторожно. - С самого детства было интересно, я очень рано определилась с направлением работы.

- У вас женщины работают?! Какой ужас! - поежилась Гуша. - У вас что, мужчин для этого нет?!

- И мужчины, и женщины есть, - продолжила я проявлять феноменальное терпение. - Но на цивилизованных планетах не осталось таких работ, которые может выполнять только определенный пол, там все давно автоматизировано. Разве что в армии остались специальности, на которые женщины по физическим данным почти никогда не попадают, - справедливости ради припомнила я.

- Но зачем?! - потерянно спросила Гуша. - Мужчина должен обеспечивать женщину всем необходимым, а она - воспитывать детей! Как вы тогда детей растите?! Или... не растите? - с ужасом предположила девушка.

- Мужчина и женщина делают это вместе. И он, и она могут реализовать себя и в любимом деле, и в детях, у них одинаковые права и обязанности...

Я долго пыталась объяснить местным, как мы живем и почему нас это устраивает. Но понимания не встретила ни у кого - ни у поклонницы куйков, ни у ее более вменяемых подружек. Культурный барьер оказался непреодолимым, и вскоре любопытствующие разбрелись, очень странно

оглядываясь на меня и перешептываясь. Кажется, единодушно посчитали ненормальной.

Оставшись в одиночестве, я уронила голову на сложенные на столе руки и крепко зажмурилась.

Хочу домой. Как же там все-таки хорошо! А здесь...

Безумие. Чистое безумие. Этим девицам совершенно наплевать, с обычным мужиком быть или с куйком. Наплевать, что отношения с этими паразитами – наркотический угар, фактически окончательная смерть. Предел их мечтаний – нарожать кучу детей и ничего не делать. Нет, я ничего не имею против детей, но... не так же!

Что я там думала про цивилизованность куйков? Эти-то похуже будут! Те хотя бы ни на что не претендуют, живут почти как животные и интеллектом не блещут. А тут... мозги есть, но нет никакого желания ими пользоваться.

Какая мерзость.

Посидев так несколько мгновений, я поняла две вещи. Во-первых, еще немного, и голова просто вскипит от злости. А во-вторых... Мне срочно нужен Гаранин. Почему-то, когда я его вижу, становится гораздо спокойней. И легче верить, что все это временно.

Воспитывать местных, устраивать интеллектуальную революцию, объяснять женщинам, что за порогом низших потребностей и инстинкта размножения лежит большой настоящий мир, – ничего этого я делать не собиралась. В конце концов, надо помнить, что во Вселенной множество разумных видов, у каждого свои привычки и традиции, лезть в которые не просто неправильно, но в прямом смысле подсудное дело. Это их собственный путь, и о помощи никто из них не просит.

Но понимать все это умом и сдерживать личные порывы – совсем не то же самое, что принимать местные порядки как должное. И мне отчаянно хотелось пожаловаться Гаранину, возмутиться и встретить хоть немного понимания, отвлечься от этих диких инопланетных нравов.

Боюсь, если нас отсюда не заберут, я могу и руки на себя наложить со временем... Не то чтобы вот прямо собираюсь, но, если честно, эта перспектива кажется приятнее жизни среди таких братьев по разуму.

Покинув комнату, я окончательно убедилась, что первое впечатление было верным. Люди действительно жили в городе, построенном куйками. И от этого меня снова передернуло. Тут уже не паразитизм, а какой-то извращенный симбиоз...

В коридорах оказалось людно, звучали голоса. Кто-то куда-то спешил. В большом количестве попадались босоногие дети, хотя отцов их я по-прежнему не встречала. На меня местные жительницы поглядывали с интересом, перешептывались, даже показывали пальцем, но не подходили.

Я тоже не спешила заговаривать с ними, даже понимая, что не найду Гаранина, просто так болтаясь по городу и не задавая вопросов. Но после недавнего разговора еще потряхивало, и я сомневалась, что способна спокойно контактировать с аборигенами.

Так я проблуждала около часа и в итоге выбрела, кажется, в техническую часть города. Здесь пахло резко, неприятно, чем-то вроде ацетона, и во мне опять проклюнулось любопытство, вытеснив неприятный осадок, оставшийся от недавнего разговора. Всерьез захотелось оглядеться повнимательней, но углубиться в этот район не удалось. Первый же встречный мужчина спросил меня с искренним удивлением:

– Может быть, вам помочь? Вы заблудились, прекрасная?

– Помогите, – кивнула, проглотив странное обращение. – Недавно тут появился мужчина со звезд, вы знаете?

– Да, конечно, все знают!

– А может, вы знаете, где его поселили? – обрадовалась я.

Незнакомец согласился проводить меня к Гаранину не сразу. Явно сомневался, несколько раз спросил, уверена ли я и не отвести ли меня в семейную часть города: не принято у них, чтобы одинокая женщина являлась в мужское жилище. Но я проявила настойчивость, и спорить мужчина перестал. Не запрещено? Нет. Значит, вперед!

Шли мы достаточно долго. Мужчина пытался заговорить, поглядывал с интересом, но это не раздражало: им явно в большей степени двигало любопытство, а не куйкское желание спариться с первой попавшейся самкой. Но разговоров с местными с меня на сегодня было достаточно.

В конце пути провожатому самому пришлось расспрашивать окружающих, потому что точного места жительства полковника он не знал. Это заняло достаточно продолжительное время, но, к счастью, до цели мы все же добрались. У нужной двери абориген попытался еще раз воззвать к моему благоразумию, однако выслушал искренние благодарности и был выброшен из головы. И оставлен снаружи.

Глава 11

Депортация

Гаранинская комната оказалась не запертой и почти пустой. Обставлена она была куда скромнее выделенной мне: постель, стол с парой табуретов, голые полки, никаких ковриков и занавесок. Я в сомнении остановилась у входа, прикрыв за собой дверь. А вдруг это вообще чужая комната? Начбезовской брони нигде не видно, как без нее определить?

Впрочем, подтверждение все же нашлось: в душевой сох мой халат, который, кажется, безуспешно пытались отстирать подручными средствами. От этого стало немного тревожно, очень неловко, но еще больше – приятно. Маленькое и очень трогательное проявление заботы. И еще одно косвенное подтверждение того, что наши с Гараниным личные отношения нуждаются в серьезном, всестороннем обсуждении.

Немного постояв в растерянности посреди комнаты, я плюнула на все, вытянулась на кровати и довольно быстро уснула: кажется, организм еще не до конца справился с тревогами последних дней и был не прочь отдохнуть.

От скрипа открывающейся двери я дернулась, проснулась и напряженно уставилась на визитера. Но почти сразу расслабилась: вернулся полковник.

– Привет, как ты? – кажется, моему появлению мужчина обрадовался.

– Привет. Тебя вот жду, – неловко пожала плечами. Сейчас возмущение, с которым я шла к Гаранину, заметно поостыло, и жаловаться совсем не хотелось. – Захар, а можно я тут, с тобой?..

– Что-то случилось? – нахмурился начбез, деловито разоблачаясь.

– Нет, ничего определенного. Просто я познакомилась с местными дамами, – поморщилась в ответ. – И не могу отделаться от мысли, что здешние люди похуже куйков.

– Почему? – искренне удивился он.

Пришлось рассказывать. Сейчас и с таким собеседником я уже могла быть более-менее непредвзятой и старалась сообщать только факты, не окрашивая их эмоционально. Получалось, правда, плохо.

– Мне больше повезло, мужики тут нормальные. Сегодня вон с их подрывниками познакомился, очень толковые ребята, – хмыкнул Гаранин. – Броней моей интересовались. Деловые такие. И грамотные, про фонарики на небе не говорили.

– Это утешает, хотя и непонятно, как здешние женщины умудряются столь тщательно избегать образования, – я вздохнула немного свободнее. Несколько секунд помолчала, наблюдая за движениями мужчины. – Так остаться – можно?

– Конечно, – пожал он плечами.

– И если спросят... Давай всем говорить, что мы... ну, вместе? Если тебе не сложно, конечно. А то я боюсь, как бы они не начали меня пристраивать.

– Не должны. – Оставшись в одном комбинезоне, полковник подошел, сел на край постели, задумчиво посмотрел на меня: – У тебя вид испуганный. Точно ничего не случилось? Они что, пытались?..

– Нет, ничего такого. – Я встряхнулась, потерла лицо, пытаюсь прогнать остатки сна и взять себя в руки.

– Что-то ты совсем расклеилась, – хмуро заметил мужчина. – Точно все нормально? Не заболеваешь?

– Не волнуйся, – глубоко вздохнула я. – Просто надоели мне все эти аборигены с их убогими представлениями о мире.

– Не слишком ли они тебя задевают? – озадаченно хмыкнул Гаранин. – Ну живут и живут, тебе-то что? Потерпеть пару месяцев можно.

– Понимаю, – кивнула устало. – Умом. А тут... просто очень неприятные воспоминания, – призналась нехотя неожиданно для себя самой. – Я с Тарты.

– И что? Извини, не слышал, – озадаченно качнул головой Гаранин.

- Неудивительно. - Я поморщилась. - Аграрная колония с очень мягким климатом и инертным населением, там никогда ничего не случается.

- И что, там всех принудительно выдают замуж в двадцать лет? - не понял начбез.

- Нет, это... Сложно объяснить. Короче, Тарта - сонный и достаточно ортодоксальный мир, там живут потомки староверов. До сих пор почти в каменном веке, даром что техническими средствами пользуются за милую душу. Но при этом истово верующие, и космос для них - от лукавого.

- Серьезно? - Гаранин изумленно вскинул брови. - Я, конечно, знал, что такие люди в Союзе существуют, но чтобы целая планета! Да и ты что-то не похожа на... - Он неопределенно повел рукой в воздухе.

- Потому что я туда не вписалась и давно уже считаю себя землянкой, я на Земле большую часть жизни провела. - Понять, что Захар имел в виду, было нетрудно. - Повезло, что на Тарте до меня никому не было особого дела: восьмой ребенок, да еще мелкая такая, слабая, бесполезная.

До сих пор собственное детство и семью я ни с кем не обсуждала и старалась лишний раз не вспоминать. Забыть как страшный сон, сделать вид, что первых семнадцати лет моей жизни не было, что началась она сразу с учебы в институте. Даже не думала, что все это может догнать, причем - так!

А сейчас вот отчаянно хотелось поделиться. Объяснить, почему меня так задевают местные устои, а от некоторых деталей буквально трясет.

Почему-то говорить об этом полковнику было легко и совсем не стыдно.

- И?

- И я очень много читала. Технологии, может, и от лукавого, но галанет у взрослых был, и в школе нас учили по стандартной программе. Плохо, конечно, учили, но я с детства любила точные науки. А еще у меня была простенькая читалка, и я порой таскала туда книги через отцовский терминал... - запнулась, вспомнив, как обмирала от страха, боясь оказаться застуканной на месте преступления. Встряхнулась. - Не важно. В общем, с детства у меня была мечта - уехать, получить образование. Изучать звезды. Я очень любила на них смотреть - на Тарте нет крупных городов и больших производств, а у нас еще и теплиц не было, никакой засветки. Там было безумно красивое и яркое небо. А вокруг люди, - я скривилась, неловко обняла себя одной рукой, сжала локоть. - Вот такие же, как эти. У которых всех мыслей - найти работающего мужика или хозяйственную бабу. Когда я сдуру заикнулась об учебе, меня не то что не отпустили с благословением - выпороли и заперли. - Вырвался истерический, какой-то жалкий смешок. - Отец вообще отличался крутым нравом. Я с тех пор терпеть не могу, когда на меня голос повышают, сразу его вспоминаю... В общем, пришлось в итоге удирать на грузовой посудине. Благо атмины - фрукты очень ценные, их в кислородной атмосфере перевозили и при нормальной температуре. Я уже и не вспоминала про Тарту, почти тридцать лет там не была, а тут...

Нервно махнула рукой, обрывая собственную длинную речь. В горле встал колючий комок и появился привкус горечи. На несколько секунд повисла тишина.

- Вот же! - уронил полковник неопределенно. Потом подвинулся ближе, потянул меня к себе и улегся, обнимая.

В первый момент я даже растерялась; не от его поведения, а от своей реакции на него. Прежде чужие объятия не способствовали обретению душевного равновесия, наоборот, если я злилась или нервничала, человек, попытавшийся меня погладить или обнять, просто получал по рукам. А сейчас на душе вдруг моментально стало спокойнее.

Наверное, я слишком привыкла к начбезу за эти дни. Если Гаранин рядом - значит, все хорошо и я в безопасности, и теперь эта установка распространилась на остальные сферы жизни, за пределы внешних угроз.

Через пару мгновений я плюнула на все, оставила эти мысли и расслабилась, поудобнее устроив голову на жестком плече.

Все-таки полковник чудной. То ляпнет, словно вообще не думает - прибить хочется. А то вдруг показывает себя настолько чутким, что даже страшно. Вот как сейчас. Ничего не сказал, просто обнял, и теперь я лежала и понимала, что именно это мне было нужно. Не столько выговориться, сколько снова ощутить, что я не одна среди этого тихого ужаса.

- Захар, а ты не спросил местных, отчего куйки вчера так странно себя вели? - заговорила я через некоторое время, когда поняла, что опять могу думать о постороннем.

- Спросил. Люди те пещеры давно заминировали, ну и бабахнули, когда случай представился. Умудрились взорвать почти все, где лежали галиги. Куйков потому и контузило, - пояснил он. Помолчал, потом добавил: - Мы вовремя ушли, вскоре прибыли основные силы, и оставшихся паразитов уничтожили вместе с кладками.

Я глубоко вздохнула, но промолчала. Мог бы, конечно, обойтись без последнего уточнения, но раз не обошелся... Это правила местной жизни. И моя оценка никого не интересует.

- А поведение Мария? Они никак его не объяснили?

- Предположили, что это из-за его возраста. Насколько местные сумели выяснить, у куйков связь с коллективным разумом на определенной стадии старения здорово слабеет. Вроде старческого слабоумия.

- Какая прелесть, - пробормотала я брезгливо. - Меня домогался престарелый извращенец...

Гаранин засмеялся. Меня затрясло, пришлось ненадолго приподнять лежавшую у мужчины на плече голову.

- Если бы он был молодой, тебе бы было легче?

- Нет, - ответила честно, опять устраиваясь поудобнее. - Мне бы было легче, если бы всего этого не случилось.

Полковник ласково взъерошил мои волосы, кончиками пальцев слегка помассировал висок. Потом чуть приподнялся и, кажется, коснулся губами возле темечка. Я настороженно замерла от неожиданного проявления нежности. Но продолжения и пояснений не последовало.

Сделать вид, что не заметила?

Через несколько секунд я все-таки приподнялась на локте, чтобы посмотреть на мужчину. Тот выглядел невозмутимым, только вопросительно приподнял брови, когда я зашевелилась.

- Захар, ты...

Зря я сначала дернулась, а потом уже задумалась над тем, что говорить, надо было наоборот. Не чувствовала бы себя сейчас так глупо.

Что я могла ему сказать? Что он оказался совсем не таким угрюмым букой, каким его считали на станции? Да нет, пожалуй, черный полковник совершенно не изменился. Серьезный хмурый мужик.

Что за прошедшие дни я сумела узнать его лучше и понять - он совсем не так плох, как казалось раньше? Глупая идея, прямо скажем. Я бы за такие признания подняла на смех. Это скорее похоже на попытку обидеть или неуклюжую шутку. Совсем не то, чего сейчас хотелось.

Что он мне нравится? И да и нет. Не та обстановка, чтобы можно было разобраться в чувствах и понять: это просто страх остаться в одиночестве или действительно интерес к мужчине?

Или что я жалею о несбывшемся? О том, что могло случиться, но не случилось наутро после моего свидания с Нурием?

А вот это, пожалуй, ближе всего к правде...

Только заговорить об этом прямо так, в лоб, оказалось слишком сложно. Пауза все больше затягивалась, а в голове крутились какие-то глупые обрывки фраз из анекдотов и фальшивых, нелепых фильмов.

Гаранин смотрел на меня выжидательно, как будто точно знал, о чем я думаю, но не собирался помогать выпутаться из неловкой ситуации. Потом поднял руку и, едва касаясь, осторожно провел пальцем по моему лицу - от середины лба вниз, по спинке носа к кончику. Чему-то усмехнулся уголками губ, обвел овал лица - от лба к виску, убирая челку, которая тут же упрямо вернулась обратно.

И вдруг я отчетливо поняла, что ничего такого мужчина от меня не ждал, даже как будто вовсе не интересовался моими мыслями и словами. Он просто смотрел. Любовался.

А правда, зачем что-то говорить?

И я просто подалась вперед, накрыв его губы своими.

Судя по последовавшей за этим заминке со стороны Гаранина, подобного он не ожидал. Но через пару мгновений опомнился и развеял мои сомнения, ответил на поцелуй.

К счастью, допытываться, хорошо ли я подумала и вообще в своем ли уме, полковник не стал, вряд ли подобный разговор закончился бы благополучно. Захар просто целовал. Касался – бережно, изучая и словно опасаясь неосторожно причинить боль.

Я никогда не была неженкой, даже злилась, когда из-за роста и хрупкого телосложения ко мне относились с чрезмерным трепетом. Очередной привет из детства, в котором меня часто попрекали щуплостью, особенно родители – мол, в кого такая уродилась и кто такую замуж возьмет. Сначала это обижало, потом стало злить.

Но именно сейчас, именно здесь и с этим мужчиной было приятно почувствовать себя хрупкой. Под его твердыми шершавыми ладонями, теплыми сухими губами и, особенно, внимательным взглядом. Зар не говорил ни слова, но смотрел с таким откровенным, искренним удовольствием, что это почти смущало.

О принятом решении и сделанном навстречу мужчине шаге я не пожалела ни на секунду. Не знаю, как и чем закончатся это приключение и эти отношения, найдем ли мы точки соприкосновения там, в спокойной жизни, или легко выкинем друг друга из головы, но... С Захаром оказалось хорошо. Лучше, чем с кем-либо прежде. Не из-за каких-то особых умений, размеров или другой подобной ерунды, просто...

С ним все было *правильно*. Ровно так, как должно быть. Идеальная смесь осторожности и напора, страсти и нежности, стремления ласкать и готовности принимать ответные прикосновения. Никакой фальши, никаких попыток впечатлить и что-то доказать. И удивительная легкость, словно рядом не ставший знакомым несколько дней назад черный полковник, а кто-то давно и окончательно свой, до кончиков пальцев и самой потаенной мысли.

В какой-то момент мне остро, отчаянно захотелось, чтобы это ощущение было правдой. А потом стало не до мыслей вовсе...

Сомнений и чувства неловкости не появилось даже потом, когда я лежала, прижимаясь к горячему телу и устроив голову на удобном мужском плече. Неожиданно приятное ощущение.

- Захар, а ты был женат? – дала я волю любопытству.

- Нет.

- Почему?

Плечо под моей головой шевельнулось, кажется, Гаранин пожал плечами, потом продолжил:

- Не до того, служба беспокойная. Была. До станции. Есть женщины, способные ждать годами, но мне такой не досталось.

- Кстати, о станции! А как тебя вообще к нам занесло, с твоим-то послужным списком? – вспомнила я важный вопрос, который до сих пор не решалась задать. Даже повернулась на бок и приподнялась на локте, чтобы видеть лицо Гаранина.

Полковник в ответ посмотрел насмешливо, с прищуром.

- Тебя всегда после этого дела поговорить тянет?

- С тобой – первый раз, – честно призналась, не обратив внимания на подначку. – А все-таки?

- Не сошлись характерами с новым начальством, – нехотя ответил он.

- Ты дал ему в морду? – заинтересовалась я.

После этого вопроса взгляд у начбега сделался очень интересным – озадаченным и каким-то потерянным, а брови вопросительно выгнулись. Потешное выражение лица.

- Почему?

- Не знаю, обычно суровых профессионалов списывают на такие должности после конфликта с руководством и выяснения вопросов чести. – После такого объяснения взгляд Гаранина стал совсем стеклянным, и я на всякий случай пояснила: – В кино, имею в виду. В жизни ты первый такой, кого я знаю.

- Тьфу! Вась, ты как скажешь! – с облегчением рассмеялся мужчина. – Да обычная политика. Прошлым командиром был мой хороший друг, а новый пришел со своими друзьями, вот и... весь мордобой из-за вопросов чести, – передразнил он. – Формально меня даже повысили. До этого я на майорской должности сидел, а теперь – все в соответствии со званием. А что я ни черта раньше с гражданскими не работал вроде как не аргумент.

- И ты потом вернешься на «Черного лебедя»? - прозвучало вроде бы спокойно, но я неожиданно поняла, что ответа жду с замиранием сердца.

- Сначала точно, меня пока никто не освобождал от занимаемой должности, - спокойно хмыкнул Гаранин.

Я едва сдержала вздох облегчения.

Да уж. Может, я и не определилась до сих пор, насколько мне нравится полковник, но расставаться с ним насовсем точно не хотелось. Хотелось разобраться, побыть рядом, а это само по себе показательно.

Главное, чтобы еще и мою лабораторию восстановили. А то после потери прототипа и всего оборудования от нее мало что осталось, даже при самом благополучном исходе нападения террористов, даже если сам модуль с макетным залом уцелели.

Впрочем, нет. Для начала неплохо бы просто вернуться.

- Погоди, - опомнилась я. - Сначала?.. А потом?

- Потом видно будет. Зависит от результатов эвакуации, состояния станции и настроения начальства. Или наградят и благодарность вынесут, или выговор влепят, или вообще в звании понизят и под трибунал отдадут.

- За что?! - возмутилась я. - Ты же не виноват!

- Ну, строго говоря, виноват, - возразил он. - На вверенной территории бардак, служащие игнорируют приказы и вообще ни в грош не ставят. Да ладно, Вась, не дергайся, это я тебе просто общую картину обрисовал. Вряд ли все пойдет по худшему сценарию. Иди сюда.

Однако дожидаться ответной реакции он не стал, «пошел» сам: мягко опрокинул меня на лопатки и поцеловал, явно чтобы отвлечь от дурных мыслей. А я и не возражала: целоваться с ним гораздо приятнее и полезней, чем переживать о том, до чего еще дожить надо.

Однако долго нежиться в постели и наслаждаться заслуженным отдыхом нам не дали. Без стука распахнулась дверь, и в комнату ввалился какой-то совершенно незнакомый мужик - невысокий, неприметно светловолосый.

Я опешила от такой наглости, Гаранин одним быстрым движением набросил на меня одеяло, укрыв едва ли не до макушки.

- Ага, - сообщил незнакомец. - Оба тут, прекрасно.

Полковник двигался пугающе быстро. Я еще сообразить не успела, что произошло, а он уже действовал. Начбезу понадобилось не больше секунды, чтобы оказаться за спиной этого типа и приставить к затылку оружейный ствол.

Да и для незваного гостя, отвернувшегося прикрыть дверь, внезапное появление чьей-то руки сзади на шее оказалось неожиданным.

Я уставилась на полковника в полной растерянности. Когда и откуда он успел выхватить оружие?!

- Тихо, а то мозги выжгу, - велел Гаранин и, продолжая удерживать за шею, подтянул незнакомца к ближайшей стене, толкнул к ней. Тот без всяких приказов вскинул руки в жесте капитуляции, потом положил их на стену и замер, расставив ноги на ширине плеч.

- Захар, ты чего? - Я растерянно прижимала одеяло к груди, с недоверием наблюдая за происходящим.

Полковник же, не отводя взгляда и оружейного дула от пленника, скользнул к своей броне и начал там что-то разыскивать. Собственная нагота его явно не беспокоила.

- Захар Львович, а можно я буду сотрудничать добровольно? Мне очень неудобно так стоять, - с усталой иронией проговорил незнакомец в ту же стену. Причем проговорил на нормальном, общесоюзном языке. Я, не веря своим ушам, перевела взгляд с полковника на него.

- Можно, - спокойно продолжил Гаранин, быстро нацепил левую перчатку и подошел. - Лидик.

Гость медленно, стараясь не делать резких движений, завел правую руку за спину, ладонью кверху. Именно там, под кожей запястья, у каждого гражданина Союза Свободных Миров имелся лидик - личный идентификатор, небольшой биоэлектронный прибор, еще в начале космической эры заменивший все прочие документы.

- Можете опускать руки, Степан Сергеевич, извините за такой прием. - Захар опустил оружие и стянул перчатку.

- Да нет, я сам тоже хорош, не стоило вот так вламываться. - Руки мужчина опускал нарочито медленно, так же и оборачивался. - Простите, Василиса Аркадьевна, я не сразу сообразил. Одичал тут немного, перенял местную бесцеремонность...

- Вы кто такой? - ко мне наконец вернулся дар речи. Поверить собственным ушам было чудовищно трудно.

- Манеско Степан Сергеевич, полевой антрополог, я здесь работаю.

- Вы что, заберете нас отсюда?! - потрясенно пробормотала я.

- Не совсем я, но, собственно, о вашей эвакуации я и хотел поговорить. Надеюсь, вы не станете упорствовать в этом вопросе...

- Упорствовать? Шутите?! Я готова лететь хоть сейчас! - В доказательство своих слов я ринулась вперед, но вовремя вспомнила, что из одежды на мне - только тонкое покрывало, и сбавила обороты.

- Степан Сергеевич, давайте вы выйдете на минуту и позвольте женщине одеться, - прервал нас насмешливый голос Гаранина.

- Да, конечно, прошу простить...

- В душевую. - Полковник перехватил ринувшегося к выходу антрополога за плечо. Кажется, Гаранину тоже не хотелось упускать из вида «билет домой». - Вась, не спи.

Я поспешно выпуталась из одеяла и бросилась к одежде. Захар тоже натянул штаны, набросил рубаху, а вот оружие убирать не стал. Я заметила это, но задала вопрос не сразу. Справилась с одеждой, настороженно покосилась на душевую, шагнула ближе к полковнику и только после этого заговорила еле слышно:

- Ты думаешь, он может быть не тем, кем кажется?

- Уже нет, - хмыкнул начбез. - Но перестраховаться - не лишнее.

- То есть изначально об этом подумал? Поэтому встретил его с оружием?

- Вроде того.

- Наверное, на этот вопрос лучше отвечу я, - осторожно подал голос Манеско, выглядывая из душевой. - Уже можно выходить, да? Видите ли, Василиса Аркадьевна...

- Давайте просто по имени, - отмахнулась я. Все, повинувшись приглашающему жесту Гаранина, расселись у стола.

- С удовольствием. Так вот, Василиса, видите ли в чем дело...

Как рассказал антрополог и как до этого говорил Гаранин, далеко не всегда первыми с новыми братьями по разуму сталкивались ученые или жестко скованные рамками устава военные, зачастую это оказывались искатели приключений и преступники всех мастей. Если столкновение с развитыми цивилизациями было губительным в первую очередь для самих «контактеров» (и впоследствии нередко осложняло поиски общего языка дипломатам), то для молодых, слабых народов такое явление могло стать настоящей катастрофой. Преступники вредили как физически, убивая жителей и варварски расхищая то, что можно выгодно продать, так и психологически, полностью ломая устои самобытного общества, и, на взгляд Манеско, последнее было куда страшнее.

Он вспомнил несколько трагических историй подобного рода. Гаранин в свою очередь подтвердил, что ДаР нередко занимался именно выдворением нечистоплотных сограждан с чужих планет. Отсюда и его настороженность по отношению к визитеру. Маяк полковник, конечно, сам запустил, потому что другого выбора не было, но добровольно соваться в руки пиратов он не собирался.

- А связь с Союзом у вас есть? Последние новости? - с замираньем сердца спросила я. - Вы не знаете, что случилось с «Черным лебедем»? Станция цела?

К моему облегчению, связь была. Пусть и не прямая, редкая, но новостные сводки сюда доходили. Попало в них и нападение террористов из «Последнего дня» на научную станцию. Пусть без подробностей, но мы с облегчением узнали, что станция и ее персонал уцелели. Отмечались слаженность и профессионализм действий охраны, благодаря которым удалось обойтись почти без

жертв – всего несколько убитых и пропавших без вести, включая начальника безопасности станции. Подчеркивалось, насколько вовремя подоспела помощь в виде нескольких военных кораблей (по ироничному замечанию Гаранина, повезло, отирались где-то поблизости). Ну и дальше – много общих слов и пространных рассуждений, которые Степан не запомнил.

– Так, значит, вы не против того, чтобы вернуться домой? – осторожно спросил Манеско в завершение своих объяснений.

– В противном случае я бы не запускал маяк, – поморщился полковник, но вопросу почему-то опять не удивился.

– Тогда я, с вашего позволения, пойду, надо связаться с кораблем и вызвать для вас шлюпку. Ну и обговорить время эвакуации. Думаю, затягивать никто не станет, ночью вас заберут, корабль как раз сейчас над нашим квадратом. А то вы и так наследили. Один Космический Разум знает, как встреча с вами может повлиять на местных...

Ворча в таком же духе, антрополог удалился, а Гаранин обвел задумчивым взглядом комнату.

– Мне кажется или ты правда не рад? – спросила я недоверчиво. – И почему Степан с таким трудом поверил, что мы не будем сопротивляться депортации? Зар? Я чего-то не знаю? – настойчиво позвала его, потому что отвечать мужчина не спешил.

– Я подозреваемый, – все же пояснил полковник. Понятнее не стало.

– В чем?

– В пособничестве террористам, – ответил он спокойно. Напоролся на мой ошарашенный взгляд, вздохнул и добавил подробностей: – Они знали слишком много и шли слишком целенаправленно. Я отдал команду эвакуироваться, освободил станцию и удачно удрал, когда в звездной системе появились военные.

– Ты... шутишь? – предположила я очень неуверенно. Чувство юмора у него, конечно, своеобразное, но ведь не настолько же!

– Вась, да не дергайся, никто нас расстреливать без суда и следствия не станет, – хмыкнул начбез. – Сначала помучают.

Я же говорю, юмор у него странный.

– Гаранин, ты сдурел? О чем ты?! Какое следствие? Какой побег? Мы чудом выжили! А эвакуацию вообще я предложила, потому что не сразу догадалась отстрелить отсек с прототипом и решила запустить установку!

– А ты – сообщница, – с прежним спокойствием возразил полковник.

– Да я тебя видела до этого всего несколько раз в коридорах!

– Докажи это Манеско, – усмехнулся полковник. – Вась, не дергайся. Иди сюда. – Захар выразительно похлопал по собственному бедру.

Я на несколько мгновений замешкалась, прислушиваясь к своим желаниям и ощущениям. Странно, но приглашение не вызвало никакого отторжения. Немного поколебавшись, я пересела с жесткого стула на немногим более мягкие колени мужчины.

А суровый спецназовец-то, похоже, относится к типу людей, которых успокаивают прикосновения. Ну или ему просто нравится меня трогать.

Тому, что оба варианта устраивали меня одинаково, я уже даже не удивилась.

Мужчина опять задумчиво взъерошил мне волосы, зарывшись в них пальцами, поцеловал в висок.

– Зар, это что, выходит, нас дома посадят? Вот так вот просто?!

– Вась, не ерунди, – вздохнул он. – Такие дела ведут умные, серьезные люди. Их не списывают на первых встречных, слишком дорого обходятся ошибки. Приговоришь не того – истинный виновник продолжит гадить. У меня хороший послужной список и характеристика, внутренники ДаРа знают, что такие люди просто так на преступления не идут, будут копать, выяснять, чем меня могли купить и купили ли.

– Тебя? Купить? Я, конечно, не так хорошо тебя знаю, но...

– Любого можно купить, не всегда за деньги.

- И чем могли подтолкнуть тебя к такому шагу? - всерьез заинтересовалась я.

- Так сразу и не соображу, - пожал плечами полковник. - Но то я, а со стороны - разные варианты видятся. Женщина, например, могла подтолкнуть.

- У тебя отвратительное чувство юмора, я говорила? - уточнила хмуро.

Гаранин в ответ рассмеялся, но тактику сменил: вместо разговоров он просто меня поцеловал. И правильно сделал, это у него выходило гораздо лучше шуток. Да и пользы от поцелуев оказалось больше, благодаря им удалось легко и быстро выкинуть из головы мрачные мысли.

Расставание с человеческой цивилизацией прошло легко и буднично. Я, конечно, ждала не торжественных проводов и слез, а очередного подвоха и стрельбы, но обошлось. Не знаю, как наши исследователи все это организовали и что сказали аборигенам, только выпустили нас без каких-либо вопросов, даже про меня ничего не спросили, хотя охранники провожали очень странными взглядами.

Снаружи нас ждала уже знакомого вида машина, за руль Манеско сел сам. На поляне, куда мы добрались минут через двадцать, нашлась автоматическая спускаемая капсула - крошечная, всего раза в три больше аборигенского наземного транспорта. Антрополог затолкал нас туда, явно стремясь поскорее отделаться, махнул на прощанье рукой, и Гаранин задраил шлюз.

Внутри оказалось тесно. Шесть сидений в три ряда, низкий потолок, под которым даже я была вынуждена пригнуться. Перед передним рядом виднелся какой-то пульт, но через весь экран шла надпись «работает автопилот». Однако мы все равно устроились там: полковник на всякий случай, чтобы успеть среагировать, а я втиснулась рядом с бронированным начбезом за компанию, мне так было спокойней.

Оглядываясь, я с наслаждением вдыхала безвкусный отфильтрованный воздух. Пальцы то и дело норовили ухватиться за какой-нибудь предмет обстановки, чтобы убедиться в реальности происходящего и ощутить, наконец, привычные материалы.

- Никак не могу поверить, что все закончилось, - пробормотала негромко. - Долго они нас будут тут держать?

Ответить Гаранин не успел, приятный женский голос попросил активировать фиксирующие устройства и сообщил, что после этого проведут дезинфекцию и дадут команду на старт. Потом предупредил о перегрузках, велел сохранять спокойствие и заверил, что все системы работают в штатном режиме.

Впрочем, в кресла нас вжало несильно. Ощутимей, чем при старте на штатном челноке какого-нибудь большого космодрома, но не настолько, чтобы этого нельзя было терпеть.

Тихий гул давил на уши.

- Зар, а... что будет теперь? - спросила напряженно.

- Ты передумала? - усмехнулся он.

- Нет. Наверное, просто сложно поверить. Столько всего случилось, столько переживаний, и вдруг - такой тривиальный конец. Нам подогнали шлюпку, мы спокойно в нее погрузились. Я готовилась к чему-то большому, и теперь... тревожно.

- Нормальный конец, - отмахнулся полковник. Пару секунд помолчал, потом вдруг отстегнул перчатку брони и взял меня за руку. - Не дергайся, Вася. Так все и бывает при эвакуации с населенных, но неконтактных планет. Хотя иногда граждан Союза приходится у аборигенов красть. Иногда отбивать. А потом - долго лечить. Мы с тобой очень удачно попали, поверь.

- Лечить? - растерялась я.

Полковник выразительно постучал пальцем по виску.

- И как, успешно?

- Пятьдесят на пятьдесят.

- Что же там с ними такое делают? - потрясенно пробормотала я.

- Ты правда хочешь знать? - Гаранин насмешливо вскинул брови.

- Нет, - поспешила заверить его. - Это был риторический вопрос. Лучше скажи, нас действительно могут подозревать в попытке сдать «Черного лебедя» террористам? Ты не шутил?

- Вась, даже если будут подозревать, все это не смертельно, - полковник поморщился. - Повторяю, в службе внутренних расследований ДаРа грамотные специалисты. Ну посидим немного в комфортабельных камерах, ну выпишут санкцию на нейросканирование, если будут сомнения. Штука противная, потом пару дней голова как чужая, но не больно - сканируют под наркозом.

- А тебя что, уже когда-то... - растерялась я.

- И неоднократно, - хмыкнул начбез. - Не ерунди, Вась.

Он ободряюще пожал мои пальцы, погладил запястье.

Ладно, будем считать, на этот раз полковник проявил несвойственные себе ораторские таланты и сумел меня успокоить. Да и сильные пальцы, которые нежно поглаживали ладонь, очень помогли отвлечься от мрачных мыслей.

Глава 12

Вопросы науки

На стыковочной палубе, вдоль которой тянулись ряды ведущих в капсулы шлюзов, нас встречала целая делегация во главе с капитаном, его можно было легко опознать по знакам различия на серой повседневной форме. Импозантный подтянутый мужчина преклонных лет с характерной для основной киронской расы зеленоватой кожей, я бы дала ему около сотни земных. Позади него полукругом стояло четверо мужчин заметно моложе и крепче. Вооруженных и бронированных, однако без шлемов.

Кирон вместе с тремя своими колониями вступил в состав Союза давно и охотно, выходцев оттуда можно было встретить где угодно. Это как раз тот случай, когда чужая цивилизация оказалась очень близка нашей – и морально, и биологически. Именно с ее представителями заключалось подавляющее число межвидовых браков, причем совершенно полноценных: мы идеально совместимы, всех отличий – чуть иной фенотип.

Когда я вслед за Гараниным высунулась из низкого шлюза, с раздраженным шипением потирая свежую шишку на макушке, все присутствующие не спускали напряженных взглядов с полковника, а тот словно не замечал их. Ободряюще улыбнулся мне, подал руку, помогая выбраться.

– Добро пожаловать на борт, – опомнившись, нарушил молчание капитан. – Алаути Акайя Аю, капитан корабля. Мне сообщили, что вы... не возражали против эвакуации?

– Мы за нее очень благодарны, – уверенно ответила я. – Местные... пугают.

– Странно, они вроде бы бережно относятся к женщинам, – удивленно вскинул Алаути зеленоватые брови.

– Слишком бережно, – поморщилась я.

Капитан понимающе улыбнулся, потом опять посерьезнел и обратился к Гаранину:

– Захар Львович, я надеюсь, что и в дальнейшем вы не будете возражать...

– Куда проследовать для помещения под домашний арест? – со вздохом перебил его полковник.

На этих словах капитан заметно расслабился и вновь повеселел.

– Нет необходимости, – заверил он. – Но я попросил бы вас сдать оружие и броню, не возражаете?

– Не возражаю.

– Этьен, – обратился киронец к одному из охранников, тот сделал полшага вперед, – примите, пожалуйста, с соблюдением всех формальностей.

Тот коротко кивнул, и Гаранин, заговорщицки подмигнув мне, отбыл в сопровождении эскорта из троих местных. Я проводила громяющие ботинками фигуры напряженным взглядом.

– Не беспокойтесь, ему ничего не грозит, – заверил меня капитан. – Пойдемте, Василиса Аркадьевна, я покажу, где ваша каюта. Сейчас по корабельным часам пять вечера, сутки у нас стандартные, распорядок – тоже. Жить по планетарным слишком неудобно. Или требуются более детальные пояснения?

– Нет, спасибо, я знакома с космическими порядками, – вежливо ответила ему. – А нас не отправят прямо сейчас? Вы же, наверное, сообщили, кого подобрали. Захар уверен, что нас подозревают в том, что случилось с «Черным лебедем».

– Сообщил, – не стал отрицать очевидного Алаути. – Насчет подозрений... Распоряжение было соблюдать осторожность и задержать, но опасными преступниками вас не называли и на помещении под стражу не настаивали, разрешено действовать по обстоятельствам. Да и после выступления Манеско уже сложно опасаться вас всерьез.

– Выступления? – не поняла я.

– Вламываться без оружия и предварительного наблюдения к вероятному преступнику, имеющему отличную боевую подготовку, это... не самый умный поступок, – усмехнулся он. – Но – ученые, что с них взять. Его гораздо сильнее беспокоило, что вы местным лишнего наговорите и вмешаетесь в их развитие. Так что не волнуйтесь особенно, никто вас пока всерьез не обвиняет. Так, учитывают все возможные варианты.

- Это радует. - Я вздохнула. - Скажите, ама-Аю, а на корабле, чисто случайно, нет женщин примерно моей комплекции?..

- Боюсь, нет. - Он белозубо улыбнулся. Все-таки очень жизнерадостный тип. - Но мы что-нибудь придумаем с вашей одеждой.

- Спасибо!

- Ну вот и пришли, - сообщил капитан, открывая одну из дверей. - Это жилой отсек. Экипаж небольшой, всего сорок шесть человек, считая тех, кто сейчас «в поле». С частью из них вы сможете познакомиться за ужином. Корабль - тоже достаточно маленький, но уютный, у нас здесь есть решительно все, что может понадобиться.

- Спасибо. А...

- Господин полковник займет соседнюю каюту, - Алаути махнул рукой. - Отдыхайте.

Я еще раз искренне поблагодарила мужчину и вскоре осталась одна в небольшой типовой каюте. Стенная ниша, ровный пол из полиморфа, для управления им - панель на стене при входе, напротив - узкая дверца в крошечный санитарный блок, вот и все удобства. Однако я готова была упасть на колени, расцеловать эту тесную каморку и разрыдаться от облегчения. Неужели все закончилось?!

Я поспешно сбросила прямо на пол замызганный халат уже неопределенного цвета, следом за ним показавшие удивительную стойкость ботинки и, с особенным удовольствием, инопланетную одежду - до последней тряпочки. После чего босыми ногами прошлепала в душ, чтобы смыть с себя даже воспоминания о безымянной планете.

Там я задержалась надолго. Если говорить объективно, душ был ничем не лучше конструкции у куйков, а если совсем уж честно - даже хуже. Тесный, с единственным моющим средством для кожи и волос в дозаторе, которое неприятно пахло стерильностью - против целой полочки ароматных средств неизвестного происхождения на планете. Но именно это сейчас приводило меня в восторг: все знакомое, понятное, простое и типовое - до слез умиления.

Когда я вывалилась в каюту, обнаружила там небольшие изменения. Грязная одежда пропала, вместо нее в нише обнаружилась стопка чистых вещей.

Выход из ситуации, как капитан и обещал, нашелся. Мне выдали новый халат, немного великоватый, и эластичный комбинезон вроде того, который Гаранин надевал под броню. Не иначе, какой-то комплект спецодежды распотрошили. Последний оказался достаточно универсальным и безразмерным, чтобы обтянуть даже мои кости. Конечно, сидел он не так плотно, как на полковнике, но все равно - хорошо, особенно с поясом, который добрые соотечественники прибавили к одежде.

Набросив халат поверх комбинезона, на пару мгновений я заподозрила, что у корабля барахлит гравитационный модуль и, если посильнее оттолкнуться, можно подпрыгнуть до потолка. На всякий случай даже подпрыгнула, пока никто не видел, но - нет, легкость оказалась исключительно внутренней.

Несмотря на радужное настроение, к входной двери я подходила с легким опасением. Капитан по первому впечатлению показался человеком неплохим и честным, но кто его знает!

Напрасно волновалась, меня действительно не заперли, отчего настроение опять скакнуло вверх. Но вскоре опять померкло, когда я сунулась в соседнюю каюту, а та оказалась заперта, и на звонок - сигнал оповещения о посетителе - никто не отреагировал. Похоже, Гаранин до каюты еще не добрался. Надеюсь, что только пока.

Пришлось идти на разведку в одиночестве.

Корабль действительно оказался небольшим, если сравнивать с исследовательскими станциями, на которых я успела поработать, или громадными межпланетными лайнерами, но удобным, продуманным и, кажется, неплохо оснащенным. Вот только допуск в лабораторный отсек мне не оформили и автоматика не пропустила.

Кают-компанию я нашла без труда, здесь вообще негде было блуждать. Уютная небольшая комната, тесноватая из-за обилия стандартной мебели из полиморфа с ее характерными нечеткими, словно оплывшими контурами: пара низких диванов у кофейного столика, пара прямоугольных обеденных столов со стульями. Кроме того, несколько терминалов для всевозможных виртуальных развлечений, в нише - стопки настольных игр, от простых бумажных до роскошных голографических, и уйма всяческой мелочовки. На стене две гитары, несколько акварельных пейзажей - от традиционных морских до откровенно психоделических, и попробуй пойми, это

проявление безудержной фантазии художника или природы, создающей на разных планетах весьма замысловатые виды.

Все сорок человек экипажа тут, конечно, не разместились бы, да и половина – с трудом, но это нормально. Не бывает такого, чтобы все бездельничали одновременно: работа в космосе обязательно посменная, многие посты нельзя оставлять без дежурного специалиста.

Сейчас здесь, за столиком с кофейником и печеньями, собрались всего трое. Крупная во всех измерениях дама неопределенного возраста с роскошной копной волнистых черных волос, совсем молоденький белобрысый парнишка – возраст и суть аспиранта в первой настоящей командировке выдавал перманентный испуг в глазах, и жилистый темнокожий мужчина очень интеллигентного вида.

– Добрый вечер, – первой проявила я вежливость.

Мужчины на разные лады поздоровались, ответив любопытными взглядами.

– Ага, – удовлетворенно кивнула женщина. – Я же говорила, здесь надо караулить, мимо не пройдет. Ну здравствуй, жертва незапланированного культурного контакта! Как тебе наши подопечные?

– Я лишний раз убедилась, что ксенобиолог из меня не вышел бы, – ответила честно, подходя к компании, и устроилась на свободном месте рядом со старшим из мужчин.

Аспирант, представленный как Отто, тут же был отправлен за чашкой для меня. Недалеко – все нужное нашлось в неприметном стенном шкафу. Второй мужчина, Базиль Модестович, оказался не биологом, а программистом. Дама же – начальницей экспедиции со звучным именем Любовь, «и безо всяких формальностей, пожалуйста!».

Конечно, биолог тут же надела на меня с расспросами: опыт общения с аборигенами, не оскверненный жесткими требованиями многочисленных инструкций, представлял для коллег огромную ценность. Сами ученые на такой риск, как непосредственное внедрение в среду куйков, без долгой подготовки идти не имели права, им за подобное самоуправство грозила серьезная головомойка. А с меня – что взять, человек случайный, незаинтересованный.

Я интерес женщины понимала и старалась рассказывать по возможности подробно. Заодно прояснила для себя некоторые детали: отвечала на вопросы Любовь не менее охотно, чем слушала.

Например, ушли куйки выращивали *внутри* собственного тела: в них кристаллизовалась неиспользованная семенная жидкость.

Шулик, к моему облегчению, выделяли не человекоподобные куйки, а галиги – при каком-то специфическом воздействии на них двуногих.

Одежду ткала одна из разновидностей арениев, готовую, иногда даже сразу с узорами, иногда ее расшивали женщины. Причем со временем платья эти без носки усыхали, пропорционально уменьшались, откуда и широкий выбор размеров.

Каменистые кораллы, выращенные на плантациях (и многие другие продукты), перерабатывали в пригодную для человекоподобных куйков пищу другие особи, почти неподвижные, живущие внутри чужаков. Им же скармливали остатки одежды, обуви, предметов быта. Этим мы с Гаранниным не видели, что радовало: со слов антропологов, ходили амики на огромных жирных гусениц.

В общем, биологический вид оказался весьма самодостаточным: как пчелиный улей, только круче. В ответ на мой вопрос, можно ли их вообще считать цивилизованными и насколько, женщина только рассмеялась – они и сами не могли на это толком ответить. А все шкалы и критерии, которые я пыталась вспомнить на планете, являлись больше творчеством фантастов, чем ученых. Даже набор критериев, определяющих возможность контакта, каждый раз был новым и очень условным.

А в моем рассказе Любовь в наибольший восторг привели действия Мария. Слишком сильно они выбивались из привычных поведенческих матриц, за пределы которых куйки почти никогда не выходили. Да, это наверняка объяснялось возрастными изменениями в его мозге, как и предполагали местные люди-ученые, но интересовали женщину детали: что именно замкнуло в его голове? При отсутствии трупа, конечно, этот вопрос оставался без ответа. Антрополог готова была рвать на себе волосы и кусать локти оттого, что столь ценный материал наверняка сгнил в суете межвидовых разборок. Потом плюнула и решила обратиться к капитану с требованием срочной высадки – вдруг повезет и Мария удастся найти. Я искренне пожелала коллегам удачи.

После разговора Любовь с аспирантом Отто в кильватере двинулась на приступ капитанского мостика, и мы с Базилем остались вдвоем.

– Василиса, разрешите, и я немного вас помучаю? – улыбнулся он. – Не могли бы вы рассказать, как

именно произошло перемещение? Дело в том, что «Черный лебедь» весьма далеко отсюда...

- Да с удовольствием, только без показаний приборов все это голые домыслы, - оживилась я. Одно дело исполнять роль наглядного пособия, и совсем другое - обсуждать то, из-за чего несколько дней болела голова, с компетентным человеком.

Базиль, хоть и специализировался в другом, оказался большим любителем астрономии, отлично подкованным в теории, поэтому все мои рассуждения и предположения выслушал с большим воодушевлением и пониманием. Это подкупало, бодрило и заставляло голову работать активнее. Какие-то версии мы сообща отбросили, какие-то возникли вновь.

Самой же стройной и непротиворечивой, на удивление, оказалась фантастическая, подкупающая своим изяществом вероятностная теория.

О том, что объекты существуют именно в той точке пространства, в которой вероятность их нахождения больше всего, говорили давно. И теория построенного на этом принципе двигателя тоже далеко не нова: по ней требовалось уменьшить вероятность существования объекта в точке входа и повысить - в точке выхода, и тогда естественным образом возникнет пространственный прокол. Забавная, чисто умозрительная задача, которая, однако, заиграла новыми красками в контексте нашего с Гараниным перемещения. Она прекрасно объясняла, почему нас выкинуло на кислородную обитаемую планету вместо открытого космоса: просто потому, что вероятность нахождения человеческих существ на такой планете гораздо выше. Дальность и направление наверняка можно было вычислить на основе энергозатрат.

Но самое интересное заключалось в том, что теория эта неплохо согласовывалась с событиями на планете. Перемещение словно что-то сдвинуло, нарушило стабильность поля вероятностей вокруг нас, и вдруг начали происходить события, маловероятные в обычных обстоятельствах. Почти одновременно - брухи, срыв Мария, извержение вулкана, успешная диверсия людей, вход исследовательского корабля именно в тот сектор, в котором находились мы, наше попадание именно в тот город, где работали полевые антропологи из экспедиции...

В общем, открылось еще одно непаханое поле для теоретиков. И это не считая самого факта перемещения с помощью прототипа!

Как бы договориться со здешним экипажем, чтобы они подобрали остатки приборов с места нашего появления? Вдруг из них удастся что-то выжать?

Наш разговор вскоре прервался, причем на самой оживленной ноте - в кают-компанию вошел Гаранин, одетый в светло-серую форму без знаков различия, наверное, тоже с чужого плеча.

- Захар! - улыбнулась я полковнику: сидели мы к двери лицом, поэтому заметили начбеза сразу. - Хорошо, что тебя все-таки не стали задерживать. А мы с Базилем тут прикинули теорию нашего перемещения, такая любопытная штука выходит...

Полковник постоял на месте, потом только махнул рукой:

- Да ладно, я просто убедиться, что все в порядке. Не буду мешать.

И вышел. Я проводила начбеза растерянным взглядом. Что это он?

- На чем мы остановились? - пожав плечами в ответ на свои мысли, обратилась к собеседнику.

- На функции Рошеля - Петренко, - медленно ответил Базиль.

Вид у него стал немного рассеянным, мужчина бросил на меня странный задумчивый взгляд. Но потом программист встряхнулся и разговор продолжился. Правда, опять - недолго, потому что вернулась воодушевленная Любовь и попыталась вновь на меня насесть. И снова безуспешно, поскольку начали подтягиваться остальные. Наступало время ужина.

На который полковник, кстати, так и не явился. Учитывая, что на небольшом корабле, который не относился к классу комфортабельных лайнеров, никакой системы доставки еды в каюту не существовало, это обстоятельство озадачило: до сих пор Гаранин отличался отменным аппетитом. Может, я поспешила с выводами и не так уж безобидно прошел его разговор с конвоем? Или, может, он просто уснул?

Последнее предположение я, подумав, приняла за основу. Скорее всего, поэтому Захар и с нами рассиживаться не стал, убедился, что со мной все в порядке, да и ушел плющить подушку. Начбез, конечно, выносливей иных роботов, но ему тоже нужно отдыхать.

Я решила отнести Гаранину ужин в каюту, но легкое, зудящее чувство тревоги никуда не делось и продолжало покусывать. Только к концу ужина поняла, в чем проблема: я соскучилась. Слишком

привыкла, что он постоянно рядом, а если нет – то это повод для беспокойства и за него, и за себя. Выработанная за несколько дней привычка оказалась до изумления устойчивой.

Бороться с ней радикальными методами я не стала, сгрузила пару порций на поднос и честно сообщила озадаченным сотрапезникам, что пойду кормить полковника. Конечно, посыпались шуточки, но в пределах разумного, без пошлостей – все-таки за столом собрались воспитанные, образованные люди. А Любовь вовсе пренебрежительно фыркнула на своих мужчин, заявила, что они все это от зависти, и благословила хорошо кормить спасителя. Как и я сама, насчет моих шансов выжить на планете в одиночестве она иллюзий не питала, поэтому называла вещи своими именами.

Каюта Гаранина оказалась заперта, на звонок полковник сразу не ответил, и я замерла в растерянности у закрытой двери. И что мне теперь делать с таким количеством еды? Не обратно же нести!..

Но пока я топталась в сомнениях, замок открылся. На пороге возник Захар, и заспанным он совсем не выглядел.

- Вась? Ты чего? – озадаченно нахмурился он.

- Я ничего, это ты чего ужин пропускаешь? Вот, держи, спаситель, пришла тебя кормить.

- Спасибо, но не стоило беспокоиться, – поморщился Гаранин. – Я просто не голоден.

Поднос, однако, взял. Прямо так, через порог.

- Спасибо. Спокойной ночи. – Дверь закрылась перед моим носом.

Поговорили.

Я пару секунд ошеломленно постояла на месте, не зная, как реагировать. Что это вообще было?!

А потом волной накатило раздражение. Ну что за человек, а? Что у него такое случилось? И почему нельзя нормально объяснить?! Я, значит, за ним тут с подносами, как дура, бегаю из лучших побуждений, а он вдруг явно демонстрирует нежелание разговаривать. Причем ладно бы еще по делу, так ведь на ровном месте же!

Злость подстегнула к действию. Я не ушла и не заперлась обиженно в каюте, а решила разобраться, что случилось с начбездом за жалкие пару часов на станции. Может, у него проблемы? Например, кто-то из конвоиров по секрету сообщил, что на него уже свалили все неприятности на «Черном лебеде»? Или, наоборот, установили истинного виновника, и полковник теперь переживает, потому что это был его друг? Я же не знаю, как он переваривает подобные события.

В его интересах, чтобы было именно так!

- Гаранин, открывай! – зло потребовала я, барабаня пальцами по сенсору звонка. – Зараза! – в раздражении пнула дверь. – Открой, а то я пойду к капитану и скажу, что ты невменяемый после контакта с куйками, и тебя сдадут на опыты биологам! Полковник, ну твою ж непробиваемую броню!

Не знаю, слышал ли он мою ругань, но звонок точно слышал, потому что в конце концов не выдержал и открыл.

- Вась, ну что...

Разговаривать на пороге я в этот раз не стала, шагнула внутрь, поднырнув мужчине под локоть. Тот машинально приподнял руку, пропуская меня, и устало вздохнул:

- Что случилось?

- Объясни ты мне, какое насекомое успело тебя грызнуть по дороге от капсулы до кают-компаний! – Я непримиримо сложила руки на груди, остановившись посреди комнаты. – Почему ты от людей шарахаешься? Что-то выяснилось по станции? Нашли виновного? Или все-таки мы дежурные виноватые?

- Понятия не имею, – поморщился он.

- Тогда какого?.. – Я, выругавшись, всплеснула руками. – Что это за демарш с хмурой рожей? Или что, это по принципу «сам придумал – сам обиделся»?

- Вась, не ерунди, – опять скривился Захар. – На что обиделся?

- Понятия не имею! Но хорошо, если это не так, все-таки женщина тут я, не хотелось бы резко меняться ролями. Тогда объясни, какого черта ты смотришь на меня как классическая механика на квантовые парадоксы?! Человеку речь - сюрприз, правда? - дана вот именно для этого. Чтобы объяснять, если вдруг что-то не так!

- Хорошо. Объясняю. Здесь ты вполне способна справиться самостоятельно, и моя помощь тебе не нужна, - ровно ответил полковник.

- Ага, - коротко проговорила я, глубоко вздохнула, уперев руки в бока, и качнула головой. - Да, Гаранин, по тебе так и не скажешь, какой ты местами трус.

- Что? А трусость тут при чем? - явно растерялся он.

- Потому что нормальный мужик просто сказал бы - извини, нам было хорошо вместе, но на этом все, продолжать не хочу. А не вот это вот. - Я покрутила в воздухе рукой. - Или ты что, думал, я на тебе виснуть стала бы? Ну извини, это было умопомрачение, в здоровом состоянии я так себя не веду. Не хочешь - не надо, только научись уже с людьми разговаривать! Я не телепат! - Я раздраженно всплеснула руками и стремительно вышла, жалея, что дверь автоматическая и нет возможности ею хорошенько, от души, шваркнуть.

Зараза. А я еще из-за него переживала! Как же ненавижу таких вот мямлей!.. А нормальным мужиком показался, я даже начала думать, что из всего этого может получиться что-то хорошее. Хуже того, начала хотеть, чтобы оно получилось!

Я зашла в каюту, навернула по ней несколько кругов - и вышла, понимая, что в одиночестве пустой комнаты озверею окончательно. Или, наоборот, разревусь от несправедливой обиды. Нет уж, в черную дыру страдания из-за мужиков! И все попытки серьезных отношений тоже.

Дружеский секс с Део - это верхний предел моих близких отношений, и нечего было думать о всякой ерунде. Это, наверное, на меня дурно повлияли куйки и прочие аборигены с их общей повернутостью на семейных узах. Иначе я свои нехарактерные порывы объяснить не могла.

Пока дошла до кают-компания, успела немного успокоиться. Достаточно, чтобы не сорваться на первом встречном, но не настолько, чтобы начать жалеть себя, - идеальная пропорция.

- О! Василиса! Ты-то мне и нужна, - поймала меня буквально на пороге Любовь. - Хочешь лабораторию посмотреть?

- Хочу, - не раздумывая, кивнула ей. - А с чего такая щедрость?

- Поучаствуешь в маленьком эксперименте? - вкрадчиво предложила она, уцепила под локоток и ненавязчиво потянула в нужном направлении.

- Если только на планету не надо возвращаться, - поморщилась я. - А тут - готова на все. В разумных пределах.

- Сразу виден настоящий ученый! - просияла Любовь. - Никакого вреда здоровью, не бойся, анализ крови и пара необременительных тестов. А ты что-то быстро от своего офицера сбежала, нет? Поругались, что ли? - пронизательно уточнила она, когда в ответ на первый вопрос я только недовольно скривилась и махнула рукой.

- Вроде того, - не стала вываливать на постороннего лишние подробности.

- Ничего, помириться, - решила начальница.

Лаборатории действительно оказались отлично оснащены. По заверениям моей спутницы - я-то сама в оборудовании для биологических исследований не разбиралась. Но и на дилетантский взгляд - впечатляло. Имелась чистая зона для микробиологических исследований за толстым стеклом, имелась особо защищенная - для работы с опасными культурами, но в этой экспедиции она почти не использовалась, никаких жутких вирусов на планете не нашли. Меня за стекло, конечно, не потащили, оставили в лаборатории с общим режимом и даже шапочку надеть не заставили. Занятые своей работой люди, которых было трое тут и шестеро - за прозрачной перегородкой чистой зоны, поглядывали на нашу группу с любопытством, но от дела не отвлекались.

Отто под чутким руководством начальницы взял у меня кровь и умчался загружать ее в блестящий полусферический аппарат, а сама Любовь достала откуда-то батарею из почти трех десятков пронумерованных пробирок.

- Ты последний образец подготовить успел? - строго спросила она.

- Да, он там, - отозвался аспирант.
- Молодец! - И обратилась уже ко мне: - Ну, давай проводить исследование.
- А можно хоть узнать, что мы проверяем? - Я была окончательно заинтригована.
- Пока нет. Да, имей в виду, эксперимент записывается. Садись, нюхай. Вот тебе пробирки, вот сюда можешь ставить проверенные.
- И? - совершенно растерялась я.
- Нюхай. Какой запах понравится - говори. Чуть поболтала пробирку, откупорила, понюхала, закрыла.
- Вы что тестируете? - Озадаченно качнув головой, я все-таки потянулась к ближайшему штативу. - Слушай, но они же не пахнут, - пожаловалась на третьей склянке, подозрительно в нее заглядывая. На дне плескалась какая-то прозрачная жидкость с легким желтоватым осадком. - Это нормально?
- Если будет ненормально, я скажу, - успокоила Любовь.

Когда я в итоге сообщила, что биологи надо мной издеваются, потому что в пробирках одинаковая жидкость, и наверняка это шутка, и они муку взболтали, женщина только удовлетворенно кивнула и достала из шкафа иньектор. Зарядила его и, заставив меня закатать рукав, ввела лекарство.

- Так, есть минутка, пока подействует. Ты говори, если что почувствуешь.

- А что я могу почувствовать? - тут же насторожилась.

- Мало ли. Но вообще оно безвредное. Может, легкое головокружение с дезориентацией, вроде слабого опьянения. А может вообще ничего не быть. Ну?

- Пока без изменений, - растерянно пожала я плечами.

Любовь заставила меня встать и походить вокруг стола, зорко наблюдая за координацией, потом присесть, коснуться кончика носа с закрытыми глазами.

- Любопытно, - прокомментировала женщина. - Садись, нюхай опять.

Я глянула на нее настороженно, но спорить не стала. На удивление, теперь пробирки действительно пахли слабо, но совершенно по-разному. Какие-то сразу нравились, какие-то я решительно отодвигала в сторону, над какими-то зависала дольше и ставила отдельно, чтобы потом понюхать снова и определиться.

- Вы какое-то вещество для улучшения нюха разработали, на основе секреции куйков? - хмыкнула я. - Или ты на мне шулик тестируешь? - возникла еще одна догадка.

- С тобой неинтересно, - хмыкнула Любовь. - Не совсем его, но да, вещество на основе. Ты нюхай, не отвлекайся.

- А мне один надо выбрать? Это что вообще такое, вы из мужиков, что ли, препараты сделали?

- Я же говорю, неинтересно. А выбирай, сколько хочешь. Если расставишь по степени привлекательности, будет совсем хорошо.

Понравилась мне из предложенных примерно треть запахов. Отодвинув подставку с остальными, я сосредоточилась на классификации. Лидер определился легко, дальше уже стало сложнее, но через несколько минут я все-таки удовлетворенно закупорила последнюю пробирку. Потом, подумав, достала первую. Уж слишком приятно пахнет, почему бы не насладиться, пока препарат действует!

Любовь сопровождала это действие ироничной улыбкой, но никак не прокомментировала.

- Отто, как там результаты, глянь?

- Результаты чего? - вынула я нос из пробирки и попыталась сунуть в планшет, который аспирант снял с прибора и отдал начальнице. Но колонки цифр и каких-то зашифрованных показателей не говорили ровным счетом ничего.

- Анализа, - насмешливо глянула на меня Любовь поверх планшета. - В какой ты там номер уткнулась?

- В восьмой.

- Любопытно. - Она со смешком подвинула к себе подставку с одобренными пробирками и принялась сравнивать номера с записями. - Поразительно, совпадение почти идеальное!

- Совпадение чего? Теперь-то можно?

- Теперь можно, - разрешила она. - Этот их секрет забавно работает, он активирует... ладно, в глутеус подробности. В двух словах, под этим препаратом самка с очень хорошей точностью выбирает самца, с которым вероятно получение наиболее удачного потомства. Удивительный механизм, обычные феромоны с гормонами у людей такой точности не дают. Хочешь, скажу, в кого ты там внюхалась? - хитро прищурилась она. - Почти идеальная совместимость!

- Да есть у меня подозрение, - я тяжело вздохнула в ответ и с сожалением заткнула пробирку. - Как пить дать полковник, если вы из него успели препарат сострять.

- Так. Чую, не все ты мне рассказала! - возмутилась Любовь. - Ну-ка, пойдём ко мне!

Я честно попыталась отбиться, но силы были неравны.

Разумеется, все я в кают-компании рассказывать не стала. Ну да, буду я всех подряд просвещать, как грязно Гаранина домогалась после этого шулика и чем все закончилось!

А вот сейчас скрытничать не стала, потому что наедине и по делу, для науки. Любовь - женщина серьезная, биолог, она над такими вещами смеяться не станет и подшучивать тоже, получится практически врачебная тайна.

Кроме того, раз уж начала рассказывать, заодно поделилась с Любой и окончанием своего «курортного романа». В прямом смысле - пожаловалась, но уж очень хотелось высказаться. Потому что остыть я, конечно, остыла, держала себя в руках и не рыдала от жалости к себе, но все равно было горько, обидно и даже больно. Особенно потому, что вроде бы ничто не предвещало подобного резкого разрыва, и Гаранин выглядел заинтересованным и увлеченным - мне, чай, не пятнадцать лет, чтобы не замечать подобных вещей. Не верилось, что он все это время только изображал интерес.

Или просто не хотелось верить?

Любовь подытожила этот рассказ коротким и веским: «Ну и дурак!» Чем сразу же исчерпала тему, потому что добавить мне было нечего.

Зато история с полковником положила начало уютной женской болтовне под чай с галетами на одну из основных женских тем: о мужских достоинствах и недостатках. При своей громогласности и видимой авторитарности Любовь оказалась отличным, понимающим собеседником, очень хорошо умела не только рассказывать, но и слушать.

Все-таки мне очень повезло с составом подобранных нас экспедиции. И добродушная Любовь, и умница Базиль - замечательные люди. Отличная реабилитация после куйков и их соседей.

По Гаранину я, правда, все равно тосковала, но твердо решила переболеть и больше не возвращаться к этой теме.

Глава 13

Совместимость

В свою каюту я вернулась часа через два, в гораздо лучшем настроении, чем уходила.

Да, рассталась с мужчиной. Не первый же раз, может, даже не последний, и уж в любом случае – не конец света. Ну не нужна я мужику, что ж теперь! Насильно мил не будешь.

Нет, если совсем честно, так неприятно было первый раз и так обидно тоже. Я и с Антоном расходилась легче, и со всеми, кто был после него. Наверное, из-за проклятых экстремальных обстоятельств знакомства с Гараниным слишком я успела к нему прикипеть. Но это тоже пройдет.

Вот вернусь на «Черного лебедя» и закручу там с кем-нибудь роман, чтобы шумно и со скандалами на всю станцию. И непременно выговором от Баева. Надо же чем-то перебивать неожиданно сильные эмоции, которые вызывал во мне черный полковник! А он там еще глаза мозолить будет...

И – нет, это не результат мелочного желания отомстить. Просто древняя народная мудрость: клин клином вышибают. Я, правда, не знаю, откуда и зачем, но это уже детали.

Расстегивая на ходу халат, я шагнула в каюту – и чуть с воплем не выскочила обратно, потому что внутри кто-то был. Благо в следующую секунду включился свет, и я опознала этого «кого-то»: им оказался неоднократно помянутый за вечер начбез.

Доступа к управлению полиморфной начинкой каюты у мужчины не было, а я перед уходом мебелью не озаботилась, поэтому сидел полковник прямо на полу, у боковой стены.

– Гаранин, ты меня вообще уморить решил? – хмуро спросила его, мысленно шикнув на радостную тревогу, екнувшую в груди. – Зачем пугаешь? Что тебе от меня теперь-то надо?

Я отвернулась, чтобы все-таки организовать себе кровать.

– Если ты хочешь согласовать показания, что говорить следователям, то мне кажется, для этого еще...

– К черту, – прозвучало почти над моим ухом.

Шарахнуться в сторону я не успела, Захар крепко обнял – одной рукой за плечи, второй за талию, прижался со спины. Стиснул, так что не только отойти – дышать стало сложно. Попробуй вывернись из такой хватки, как тисками сжал...

Но расслабиться я себе все равно не позволила.

– Передумал? – спросила едко. Стало нестерпимо тошно. – Вспомнил, что нам до цивилизации еще невесть сколько добираться?

– Вась, я совсем не поэтому... Я не хотел тебя обидеть и думал именно то, что сказал. Решил, что тебе я здесь даром не нужен. Не хотелось навязываться...

– Решил? А мое мнение спросить, что мне нужно, а что нет – язык отвалится? – Я раздраженно дернулась, но он не пустил, хотя хватку немного ослабил. – Гаранин, ты... чурбан! Причем сразу железный, а не деревянный!

– Я... что?

– Бревно тупое! – перевела тут же. – Пусти!

Хватку он, пусть и явно нехотя, ослабил, так что я смогла наконец почувствовать себя свободнее и уверенней. Резко развернулась, скрестила руки на груди.

– И что, вот я тебя сейчас, такого виноватого, прощу. А потом? Где гарантия, что ты через пару недель еще что-нибудь не решишь? А на станции? Когда я с Део буду болтать на околорабочие темы, ты опять приревнуешь и подумаешь, что он меня больше устраивает? Или – что он как-то не так посмотрел или тронул, и сломаешь ему руку? Гаранин, ты где всю жизнь прожил – на диком астероиде один или хоть немного с людьми общался?!

– Считай, что на астероиде, – кривовато усмехнулся Захар. Рассеянно запустил пятерню в волосы. – Василиса Аркадьевна... Виноват. Разрешите исправиться?

– Ради чего? – вздохнула я, чувствуя, что злиться на мужчину становится все сложнее. Взгляд такой – прямой, открытый, растерянный, вихор криво торчит вбок, улыбка эта неуверенная... ну как

на него ругаться? – Оно тебе надо?

– Оно – не знаю, а ты – да, – ответил он очень серьезно. – К тебе хочется возвращаться и не хочется отпускать.

– И поэтому ты решил меня послать сразу подальше? – спросила все еще мрачно, но чувствуя, что... Да простила уже, черт побери это глупое, доверчивое женское сердце! И так хотелось поддаться порыву, но надолго ли Гаранину хватит этого осознания?

– Стратегический просчет. Был неправ, – легко признал полковник.

Не знаю как, но перемену моего настроения он почувствовал – обнял за талию, мягко привлек к себе. Вот вроде бы чурбан чурбаном, а когда хочет – и чуткость откуда-то берет... Жалко, хочет он не так уж часто.

Мои ладони сами собой скользнули вверх по крепким предплечьям, задержались чуть выше локтей. И расслабляться не хотелось, и неправильно это – так легко прощать, в душе еще булькала обида, но и оттолкнуть не было сил.

Я глубоко вздохнула и уткнулась лбом в плечо мужчины.

Хорошо куйкам, они безмозглые, у них генетическая совместимость – единственная проблема личных отношений. Тут же... мы всего пару дней вместе, а он мне уже душу вымотал. И как быть? Нет ответа.

– Вась, дай мне шанс. Один. Я сглупил. Ты здесь такая... другая. Деловая, уверенная, все знаешь. Так просто подойти и не рискнешь, вот я и подумал... Ерунду подумал, в общем.

От такого признания я искренне опешила. Подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо, поймала внимательный, напряженный взгляд.

– Ты что, вот это сейчас серьезно сказал? Поверить не могу, что ты можешь испытывать неуверенность в себе... Ты же бронированный! – Я выразительно постучала по его груди. – Ты же стреляешь быстрее, чем я успеваю понять, что происходит!

Гаранин усмехнулся, неопределенно пожал плечами:

– Ты сравнила тоже. Стрелял я в жизни много и часто, работа обязывает. А с такими женщинами и не встречался-то раньше. Вот как на «Лебеда» назначили, так и увидел вблизи. – Шершавая ладонь погладила мое плечо, шею, поднялась вверх. Пальцы аккуратно закопались в волосы на затылке, мягко массируя, и я опять расслабленно опустила голову. Мысли как-то вдруг начали стремительно разбегаться, захотелось закрыть глаза и расслабиться. – На планете было просто и понятно: надо защищать и беречь. А здесь...

– А здесь то же самое, только опасностей меньше. Но у нас, значит, есть как минимум одна общая проблема: я тоже никогда близко не общалась с военными, – лениво пробормотала в ответ, окончательно сдаваясь ощущениям и закрывая глаза. – Генетика – наука точная, раз мы с тобой, по ее мнению, друг другу так хорошо подходим – надо хотя бы попытаться! Природа все-таки не дура. Ты, главное, перед тем как сделать выводы, спрашивай, ладно? Проблем сразу станет гораздо меньше.

– То есть прощаешь?

– Прощаю, – признала негромко. – Ты, конечно, местами настолько деревянный, что отчаянно хочется стукнуть чем-то тяжелым. Но в остальное время с тобой удивительно хорошо. Не только в постели, а вообще, рядом. Генетика тут виновата или совместные приключения – непонятно. Не знаю, что из этого выйдет, но хочу узнать.

– Хорошо. Тогда спрашиваю. Можно тебя поцеловать?

Я озадаченно уставилась на мужчину. Это что, он просьбу разговаривать воспринял настолько буквально? Но на этот раз Захар улыбался – тепло, искренне. Ясно, опять его странные шутки.

– Нужно! – ответила веско.

Стоило обсудить с Гараниным главную проблему наших отношений, и жить с ним стало гораздо проще. «С ним» в прямом смысле, потому что мы устроились в одной каюте. Вдвоем на такой маленькой площади было тесновато, но, на удивление, это совсем не раздражало. Мы даже с удовольствием и смехом втискивались вместе в крошечный душ: иногда миниатюрность – это даже хорошо, будь оба крупнее, физически не влезли бы.

В круг моих новых станционных знакомых полковник вписался не сразу – слишком неуверенно он

чувствовал себя с учеными, еще по «Черному лебедю» привык дистанцироваться. Но потихоньку освоился, обнаружив, что «головастики» тоже люди и обсуждают они за пределами работы те же проблемы, что и остальные смертные. Кроме того, к удивлению начбеза, биологи отнеслись к нему с большой долей восхищения и уважения.

А по-моему, чему тут удивляться, если боевики про бравых спецназовцев все смотрели? И вот он сидит, живой киношный персонаж, может, только недостаточно эффектный и фактурный для боевика, но оттого еще более убедительный. Самый настоящий суровый профессионал и герой с наградами, который может рассказать такого – никакому сценаристу не снилось!

Отнесись он с самого начала к обитателям «Черного лебедя» вот так же по-человечески, а не как к подотчетному неорганизованному формированию, и там бы его гораздо лучше приняли. Может, даже в учениях участвовали без особых возражений.

Гаранин явно позволил себе расслабиться, в кои-то веки скинув груз ответственности за все и всех вокруг, и при ближайшем рассмотрении оказался достаточно компанейским типом. Шутил, правда, по-прежнему не очень смешно, но это мелочи. Зато улыбался и рассказчиком оказался неплохим.

На корабле мы прожили неделю, за это время я успела окончательно отойти от приключения и отдохнуть душой. По работе скучала недолго: ама-Аю пошел мне навстречу, его люди отыскали и собрали обломки прототипа и приборов, и я глубоко закопалась в их изучение.

Надо отдать должное полковнику, к моему стремительному погружению в исследования он отнесся с пониманием, больше по ерунде не обижался и от невнимания совершенно не страдал. У Гаранина в прежней жизни свободные деньки явно выдавались не чаще, чем у меня, нынешнее ожидание он благоразумно воспринимал как внеплановый отпуск и отдыхал – читал, развлекался, общался с обитателями станции.

Такая расслабленная и спокойная версия начбеза мне нравилась даже больше собранной и готовой к действию: с ним было гораздо уютнее и легче. Зря я боялась, полковник продемонстрировал редкую обучаемость. Пообещал исправиться – и старательно над этим работал.

Вечерами мы вдвоем устраивались на кровати в каюте – целовались, разговаривали, занимались любовью, читали. Близкие отношения в спокойной обстановке оказались совсем не такими страшными, как мне виделось поначалу, и совершенно необременительными. Я, даже если бы попыталась, не нашла бы, к чему придираться: с Гараниным было хорошо.

Гораздо лучше, чем без него, вскоре я это признала. Безумно приятно оказалось просыпаться рядом и еще приятнее – каждый вечер возвращаться. Не в пустую комнату, а к крепким объятиям, внимательному взгляду и теплой улыбке.

А через неделю за нами прилетели. Голос капитана, заставший меня в отведенном гостеприимными биологами закутке лаборатории, велел полковнику Гаранину и госпоже Обской подняться в рубку. Пришлось спешно бросать все и бежать куда велели, пока без меня не случилось что-то непоправимое.

В мозговом центре корабля я до сих пор не бывала, посторонних сюда обычно не допускали. Причем не бывала не только здесь, а вообще никогда в жизни, поэтому осматривалась сейчас с большим интересом.

Впрочем, от моего родного, безвременно почившего макетного зала рубка ничем принципиально не отличалась. То есть выглядело все иначе, но по ощущениям и настроению не отличить. Управляющие терминалы стандартного вида, шесть штук по кругу, панорамный экран во всю стену с непонятными диаграммами на нем, посередине – кресло капитана с растущей из подлокотника подставкой, на которой закреплены нейроконтакты.

Сейчас здесь дежурили двое, а Алаути стоял на свободном пятачке у входа, за своим креслом, рядом с незнакомым подтянутым мужчиной в черной форме и хмурым Гараниным.

– Доброго дня, господа, – поздоровалась я, остановилась между «своими» и окинула настороженным взглядом «чужого».

В самом расцвете сил, то есть где-то от тридцати до шестидесяти, рослый, крепкий, с резкими чертами лица и выразительными бровями вразлет. Темноволосый, смуглый, со светло-карими, почти желтыми глазами. Красивый мужчина, но я заранее воспринимала его в штыки и ничего не могла сделать с этим предубеждением. Хоть Гаранин и уверял, что следствие проведут аккуратно и ничем страшным нам разбирательство не грозит – мы же не виноваты! – но от следователя я в первую очередь ждала неприятностей.

– Госпожа Обская, – коротко кивнул тот. – Полковник Марин, служба внутренних расследований ДаРа.

Отлично, у него еще и фамилия навевает самые неприятные воспоминания!

- Очень приятно, - соврала я, подвинувшись ближе к своему полковнику.

- Вась, ты готова? Можно улететь? - обратился ко мне Захар.

- Мне нужно полчаса на сборы. Ама-Аю, выделите кого-нибудь, чтобы погрузить оборудование?

- Оборудование? - нахмурился Марин.

- Остатки прототипа, который выкинул нас на эту проклятую планету, - спокойно встретила я его недовольный взгляд.

Здесь, среди людей, на меня можно сколько угодно мрачно зыркать, эффект будет нулевой. Давно выработался иммунитет против попыток морального давления авторитетом, без него свое мнение среди профессуры не отстают. Да и лично следователя я, несмотря на все опасения, не боялась, ничего он мне не делает по-настоящему страшного.

- Нет необходимости... - начал Марин, но я перебила:

- Есть. Во-первых, я должна разобраться, как именно сработала аппаратура. Это экспериментальная установка, в которую вложены несколько миллиардов. Вы действительно хотите, чтобы она просто сгинула в черной дыре без объяснений, если есть возможность выжать из нее экспериментальные данные? А во-вторых, считайте, это улика и наше с Гараниным алиби, и я тем более отказываюсь с ними расставаться! Сейчас вы скажете, что это все не нужно, а потом вообще заявите, что мы удрали на корабле, и попробуй докажи, что ты не инфузория в тифельках...

- Вась, уймись. - Тщетно пытаюсь сдержать веселье, Захар осторожно приобнял меня за плечи.

- И не подумаю! - Я в ответ метнула хмурый взгляд. - Мировая наука мне такого разгильдяйства не простит!

- Раз улики, то забрать надо. - Показалось или в уголках губ Марина действительно теплилась улыбка? Тон, однако, оставался ровным, холодным, да и взгляд вроде бы тоже.

- Ланс, отправь людей в лабораторию с погрузочной платформой, - обратился капитан к одному из своих подчиненных.

- Пойду проконтролирую, а то они еще угрожают то, что удалось восстановить.

Мужчины проводили меня молчаливо.

Не могу сказать, что я не доверяла корабельному экипажу. Все-таки работали тут грамотные люди, понимающие, и с доставкой обломков с планеты они справились прекрасно. Скорее, это был хороший повод покинуть общество неприятного следователя и заодно - по-человечески попрощаться с обитателями станции.

Аппарат за нами прислали действительно крошечный, двухместный, без грузового отсека. Тут и троим пассажирам было негде развернуться - впереди маленькая рубка с парой кресел, дальше, без шлюза, жилой модуль, состоящий из двухъярусной койки с одной стороны и двух кресел через стол - с другой. Над столом - простенький пищевой синтезатор и отсек для хранения продуктов. А потом - зачаток стыковочной палубы, на которой хранилась пара скафандров, и сразу шлюз. В этот закуток и набили основное количество ящиков, некоторыми пришлось занять верхнее спальное место, пару - приткнуть в рубку позади кресел.

Прощались тепло. Любовь с несколькими своими подчиненными даже оставила работу, чтобы нас проводить, и на стыковочной палубе через полчаса стало тесновато. Женщина обняла меня, крепко прижала к пышной груди. Контактными мы обменялись давно и договорились не терять связи.

Марин первым полез в шлюз, замер в проходе, так что я в него чуть не влетела. Ругнулся, обо что-то запнулся и ругнулся еще раз.

- Поосторожнее, это ценное оборудование! - одернула я его. - Под ноги смотрите!

Полковник обернулся на меня через плечо, проворчал что-то тихонько себе под нос, но дальше пошел аккуратнее. Гаранин процессию замыкал и делал все молча, только посмеивался.

- Это нарушение полетных норм, - заметил Марин, окинув взглядом ящики в рубке, но протиснулся мимо них и сел в кресло.

- Надо было корабль нормальный брать, а не это недоразумение, - огрызнулась я. Усаживаться рядом с ним не стала, предоставила такую честь начбезу и заняла свободное кресло у стола.

Следователь оглянулся на меня с каким-то странным выражением лица, хмыкнул, но больше ничего не сказал.

Пока рядом с ним не устроился Захар.

- Гаранин, она всегда такая? - спокойно спросил Марин.

- Беспокоится, - неопределенно пожал плечами мой полковник.

- Вот это понимаю - темперамент. Вулкан, а не женщина! Все-таки везучая ты зараза.

- Завидуй молча, - со смешком отмахнулся начбез.

И до меня наконец дошло.

- Вы что, знакомы?! - возмутилась я со своего кресла, а потом не выдержала и просочилась мимо ящиков в рубку. Между приборами и креслом хватало места, чтобы можно было нормально встать и заглянуть в бесстыжие глаза заговорщиков. - Гаранин, ты...

- Я пытался сказать, но ты даже слова вставить не дала! - логично возразил тот.

- Сядьте уже куда-нибудь, а? - вздохнул Марин. - Сейчас корабль дернется, вы упадете на приборы, и закончится все печально.

Претензию я приняла, она была обоснованной, и, извинившись, полезла обратно. Точнее, попыталась; Захар не пустил. Перехватил за талию, потянул к себе, устроил на коленях - я в первый момент от такого проявления нежности даже опешила. Прежде от чрезмерного проявления чувств на людях полковник воздерживался, мог разве что приобнять или ободряюще пожать руку, но так демонстративно?

Ревнует, что ли?

- Ну хотя бы так, - хмыкнул следователь и погрузился в управление кораблем.

- Не нервничай, - тихо попросил Захар и поцеловал в макушку.

- Я и не...

- Вась, я же не слепой. Тебя едва не трясет, и ты пытаешься унять волнение суетой. Не нужно, все хорошо. Я давно знаю Макса, он профессионал.

- И все-таки, как у тебя это получается? - пробормотала я, поудобнее устраивая голову на его плече. - Как можно быть одновременно таким чутким-понимающим и - совершенно непробиваемым, а?

- Легко чують то, что хорошо понимаешь, - невозмутимо пояснил Зар. - Твое беспокойство сейчас естественно.

- Логично, - вздохнула в ответ. - А потискать меня ты решил, потому что тебя успокаивают прикосновения?

- А тебя нет? - с иронией уточнил он, на пару мгновений прижав покрепче.

- Обычно меня это только больше злит, - возразила задумчиво. - Но к тебе я, кажется, привыкла. За время общения с куйками выработался рефлекс.

- Хорошо. Будем его поддерживать.

- Может, вы назад пойдете? - предложил Марин, когда голос искина корабля сообщил об успешном отделении, принятом маршруте и включении автопилота.

- Да вроде спать еще рано, - пожала я плечами.

- Нет, на такое счастье я всерьез не рассчитывал, - насмешливо глянул на меня мужчина. - Но если вас не видеть, я буду не так сильно завидовать. Хотя... с вас еще станет слишком активно не спать! Нет уж, сидите лучше тут.

- Не обращай внимания, Вась, - посоветовал Захар. - Макс дурачится. Должность ответственная, надо морду держать, дело нудное. А я его с учебки знаю, вот и расслабляется, пока все свои. Пойдем лучше ящики куда-нибудь поудобнее раскидаем, - обратился он уже к следователю. - А то спать действительно когда-нибудь придется. И есть.

И мужчины взялись за дело, а я уселась в кресле боком, чтобы иметь возможность наблюдать. И на

всякий случай проконтролировать, чтобы с оборудованием обращались аккуратно, а еще – просто полюбоваться. Они суетились как-то удивительно уютно, деловито, прикидывая варианты и пытались мускульной силой расширить пространство. Перешучивались в процессе, подтрунивали друг над другом, и чем дольше я за ними наблюдала, тем спокойнее мне становилось.

Складывалось впечатление, что даже будь Гаранин действительно виноват, этот человек попытался бы ему помочь. Хотя бы сбежать. Может, я плохо разбираюсь в людях и недооцениваю их чувство долга, но от этих мыслей все равно стало легче.

Утрясти груз мужчины в итоге сумели. Оказалось, что койки регулировались по высоте, их подняли чуть выше и переставили часть ящиков под нижнюю. Потом убрали стол, заменив его еще одной коробкой, поудобнее перетасовали основную массу груза, которая стояла у шлюза, освободив проход в санблок. И вроде бы меньше хлама не стало, но распределился он гораздо удобнее.

– А куда мы летим? – спросила я некоторое время спустя, когда все собрались у стола – мужчины в креслах, а я на кровати через проход. Потому что на этой приподнятой койке я единственная могла сидеть с комфортом, даже Гаранин уже не помещался.

– На «Черного лебедя», – обрадовал Марин. – Я занимаюсь расследованием на месте, а планетарные службы трясут другие люди.

– Отличная новость! Может, ты еще и расскажешь, что именно там случилось? Ну или хотя бы – как персонал станции? Уцелели все?

Макс не стал упрямиться и исчерпывающе все объяснил.

Кораблей террористы использовали три. Их целью было какое-то жутко секретное исследование в лаборатории генетиков, подробностей которого полковник, конечно, не сообщил. Сказал только, что оно того, пусть и с натяжкой, стоило.

Зараза, теперь изведусь от любопытства! Даже несмотря на то, что в генетике я не очень-то понимаю.

План состоял в том, чтобы забрать нужные материалы и нескольких специалистов, а всю остальную станцию столкнуть в черную дыру, и никто бы не узнал, что на ней произошло. Однако паранойя и дотошность Гаранина спутали нападающим планы и не дали провернуть все быстро и тихо. Начбез умудрился что-то серьезно поменять в системах безопасности, о чем террористы не знали, и коды доступа у них оказались не все.

Когда основной план провалился, пришлось переходить к силовому варианту. К станции «присосалась» еще пара ожидавших кораблей, они вскрыли обшивку, и внутрь сыпанули вооруженные бойцы. Оказалось, одна из таких «пиявок» и заблокировала люк аварийного сброса макета. Прицепись они чуть в стороне – и ничего бы не случилось. Однако за это я даже была им благодарна: пусть мы чуть не погибли, но зато какие потрясающие результаты! И перспектива грандиозного открытия, и в личной жизни – приятные изменения...

Но и тут станционная охрана сработала на «отлично», и даже силовой вариант провалился: нападающие здорово недооценили как подготовку, так и выучку защитников.

Ну а потом возле X-I Лебедя появились военные корабли. По стечению обстоятельств они оказались совсем неподалеку и быстро перехватили сигнал тревоги со станции. Самый первый корабль, который пристыковался под предлогом поломки, успел удрать, а вот оба штурмовых так и остались возле «Черного лебедя».

– Что броню для своих из начальства выбил ты – это я уже выяснил и подтвердил, – со смешком заверил Марин.

– То есть выходит, что Захар вообще вне подозрений? Если именно из-за него сорвался план?

– Что Зар на такое не способен, я и безо всяких проверок знаю, но следствию нужны факты, – развел руками следователь.

– А еще нужен тот, кто будет считаться виноватым, – добавил Гаранин.

– Не без этого, – легко подтвердил Марин. – Так что уж извини, как прилетим – придется тебе посидеть под арестом. Но я не думаю, что это надолго.

– А мне его навещать-то хоть можно?

– Можно, хотя лучше бы воздержаться, – осторожно ответил следователь. – Просто на всякий случай. Честно говоря, на станции и так не очень верят в виновность Гаранина, а ты для тамошнего

научного сообщества – человек свой, то есть твоя симпатия – это еще один довод в его пользу. Маленький, но и его может хватить. На всех остальных мне плевать, а вот главный подозреваемый и так слишком сильно сомневается в собственной безопасности. Мне это пока не надо.

– Ага. И кто у нас главный подозреваемый?

– Зар? – вопросительно глянул на моего полковника Марин. – На кого бы поставил ты?

– Баев, – без раздумий ответил тот. – Я думал об этом, больше особо и некому.

– Ты просто его не любишь, – обиделась я за научрука. – Поэтому и подозреваешь во всех грехах.

– Не поэтому, а потому что он умный, – возразил Захар.

– Да там полстанции – далеко не дураки! – такой аргумент возмутил меня до глубины души.

– Не в этом дело, – качнул головой начбез. – Он военный. Он знает важность любых учений, но саботировал их слишком настойчиво. Значит, либо дурак, либо предатель. Но Баев не дурак.

– Мы их тоже саботировали, – не захотела я так быстро сдаваться.

– Вы – гражданские, – в очередной раз повторил Гаранин. – Вы ничего об этом не знаете, поэтому и спросил с вас никакого. Для безопасности существуем мы.

– А капитан? Он ведь тоже не вмешивался в ваше противостояние!

– Его можно понять, человек попал между двух огней. Проблема в том, что у нас с Баевым разное начальство, и у них там свои счеты. Серьезные дисциплинарные меры капитан применить не мог, мы ему подчиняемся весьма условно, докладывать выше бесполезно, там тоже каждый на своем стоял и своего всячески прикрывал. Он, конечно, пытался найти компромисс, но не те обстоятельства.

– Бардак, – проворчала я.

– Не без этого, – легко согласился начбез.

– Вась, я лично к этому вашему Баеву не отношусь никак, но с Заром согласен, – поддержал следователь. – Это самая вероятная кандидатура. Он не просто знает план исследований, но, как биолог, в отличие от Захара, хорошо понимает предмет и может оценить важность того или иного эксперимента, контролировать его ход и отлично все спланировать, выбрать верный момент, когда исследования уже близки к успешному завершению, но широкой огласки еще не произошло. Он знает слабые места станции – за вычетом тех, куда влез Гаранин. Он, наконец, не в курсе обновок для охраны, потому что общался Зар напрямую с военным начальством, без привлечения научрука, а там белую кость тоже не очень любят. Генерал Штерн – мужик повоевавший, Гаранина ценит и уважает, а вот Баева вашего – нет. И когда прибыл груз, вашего научрука по стечению обстоятельств не было на станции.

– Но зачем?! – беспомощно уставилась я на мужчин. – Баев же умница, ценный специалист, он хорошо зарабатывает...

– Вась, иди сюда, – позвал Захар, выразительно похлопав себя по бедру.

И на этот раз я не обиделась и даже не задумалась о том, что жест выглядит как-то не так. Пересела к мужчине на колени. Раз уж у меня выработался рефлекс и прикосновения Гаранина легко возвращают душевное равновесие, надо пользоваться, потому что моральная поддержка сейчас точно не повредит.

Сказанное не укладывалось в голове. Баев – преступник?! Он не просто продал какой-то секрет, а готов был ради своей выгоды угробить станцию со всеми ее обитателями?! Несколько сотен человек отправить в черную дыру?!

– Ради чего все это?! – повторила я.

– На этот вопрос у меня пока нет ответа, только предположения, – признался Марин. – Может, что-то прояснится, когда вернемся на «Черного лебедя». Я уже несколько дней без новостей, спецсвязь недоступна, а обычной такие вопросы не доверишь. Ты работала с ним несколько лет, может, что-нибудь скажешь?

– Оказывается, я очень плохо разбираюсь в людях. Так что даже идей никаких, – вздохнула в ответ, покосившись на Гаранина.

Как интересно жизнь переворачивает все с ног на голову. Кто представлялся обаятельным и даже

чудесным – показал себя безжалостным чудовищем, а кто виделся грубияном и солдафоном – на деле заботливый, надежный, нежный. Волей-неволей задумаешься, а не перенеслись ли мы в какую-то параллельную реальность.

Чушь, конечно. Но как же трудно поверить...

Глава 14

Родные лица

- Василисаркадьнавыживы!

Хорошо, Леночка не намного крупнее меня – повыше, но тоже тонкая. Иначе непременно уронила бы, а потом еще и придушила на радостях.

- Лиса! Ну и заставила ты нас всех поволноваться, жестокая женщина! Но это же надо, как все получилось! – поверх Лены меня крепко стиснул в объятиях Део. Аспирантка придушенно пискнула от неожиданности, но выдираться не стала.

Остальные лабораторные проявляли эмоции сдержанней, но тоже обступили, выражая радость. Засыпали вопросами, на которые я даже не пыталась пока отвечать – бесполезно. Просто радовалась собственному возвращению и тому, что вокруг столько хороших, знакомых и, главное, понятных людей.

Модуль, в котором располагался макетный зал, после нашего с Гараниным перемещения хоть и сумели отловить и пристыковать обратно, но он все равно сильно пострадал, и доступ к нему закрыли до окончания восстановительных работ. Кроме того, террористы в двух местах покалечили обшивку станции, так что на потрепанном «Черном лебеде» активно шел ремонт. А с другой стороны – не так сильно он пострадал, учитывая изначально уготованную участь.

Мою лабораторию временно приютили программисты, выделив уголок. Свободного места у них хватало: хоть они и объединялись в один отдел, но по факту специалисты были прикреплены к разным направлениям и на своих официальных рабочих местах почти не появлялись. Там и состоялось мое воссоединение с командой.

Пошла я к ним почти сразу после прибытия на станцию, только наскоро приняла душ и наконец-то переделалась в свои вещи. Выбрала узкие темные брюки и алую блузку; кажется, я еще некоторое время буду протестовать против порядков той дикой планеты и избегать юбок.

Мне было не по себе оттого, что Гаранина отправили под домашний арест. Во-первых, привычка, что он всегда рядом, заставляла беспокоиться, а во-вторых, обидно за хорошего человека, даже несмотря на то, что я знала о кратковременности такой меры. Но теплый прием в родной лаборатории поднял настроение и немного отвлек от мрачных мыслей. Скучать и думать лишнее некогда, вокруг – приятные лица, и даже мое взбудораженное куйками подсознание не видит в них опасности.

- Ну все, все, дайте и мне уже Василису обнять, – шикнула на Амадео Хема. Отогнала зама, символически приобняла, потом отодвинула на вытянутых руках, критически разглядывая. – Слушай, а похорошела, посвежела! Как будто в отпуске побывала!

- В черной дыре видала такие отпуска, – поморщилась я. – Вечером поболтаем.

- А со мной? – Део приобнял меня за талию, поймал ладонь, чтобы поцеловать. – Я, между прочим, скучал и тоже хочу поболтать!

Ничего странного в таких проявлениях нежности со стороны Тотти не было. Дело не в том, что мы периодически проводили время вдвоем к общему удовольствию, это просто темперамент: Амадео лез ко всем женщинам, а если попадалась еще и симпатичная – то отделаться от его попыток обнять и подержать за руку мало кому удавалось. И я обычно предпочитала потерпеть: сплетен поведение Део давно не вызывало, и скорее кто-то обратил бы внимание, если бы я на людях от него шарахалась.

Но сейчас навязчивость Део вдруг вызвала резкое отторжение. Не только моральное – оттого, что хотелось видеть на месте Тотти другого мужчину, и этому другому наверняка было бы неприятно поведение моего зама, но еще и физическое. Если раньше порывы Амадео не вызывали протеста, потому что пробуждали приятные воспоминания, то теперь они воспринимались как попытки совершенно постороннего человека ограничить мою свободу.

Этого мужчину я больше не хотела. Совсем.

- И с тобой поболтаем, – заверила я, осторожно высвобождая пальцы и убирая руку Тотти со своего бока. Движение, конечно, не укрылось от зорких черных глаз Хемы, однако с расспросами она не полезла. – Вот прямо сейчас и начнем. Соскучились? А я вам работу привезла!

Ближайший час мы посвятили планерке. Я рассказала о том, как и куда мы переместились, о своих предположениях и о том, что удалось выжать из остатков прототипа. Коллеги – о том, какие

показания приборов удалось получить.

В итоге выяснилось, что нам и здесь невероятно повезло: в бортовом компьютере станции сохранились продублированные результаты прежних работ, и туда же оборудование до последнего отсылало отчеты о своем состоянии и полученные данные. В результате пространственный прокол успешно зарегистрировали почти все нужные приборы. В наших руках оказались уникальные данные, и дело оставалось за малым: расшифровать их и подключить теоретиков института.

Коллеги, конечно, пытались расспросить меня о приключениях и узнать, как мы с черным полковником друг друга не поубивали. Но я отшучивалась или откровенно отмахивалась от вопросов, объясняя, что попали мы буквально в руки к своим. Понимала, что этим заметно меняю картину происшествий и лишая подчиненных как минимум теории об искаженном поле вероятностей в месте выхода из прокола. Однако, начав рассказывать, я рисковала сболтнуть лишнее о том, каким хорошим оказался на поверку начбез и как напрасно его обвиняли, а от этого Марин строго предостерегал.

Потом нам пригнали грузовую платформу с остатками прототипа, и работа закипела. Подчиненным вместе со мной стало не до посторонней болтовни.

- Пойдем-ка, дорогая. - Рабочий день уже час как закончился, когда подошла Хема, взяла меня под локоть и настойчиво потянула к выходу.

- Куда? - Я не сразу вынырнула из вычислений.

- Посидим, поговорим по душам. Ты обещала, а уже как раз вечер.

Пришлось откладывать дела на потом.

С Хемой сложно спорить. Эта волоокая темноволосая красавица только кажется томным призраком из-за плавной неторопливости жестов, грудного бархатного голоса и размеренной речи. А по факту она неумолима, как бег времени, и так же упряма. Если возникает какая-то задача, требующая методичности, упорства и бездны терпения, - это к ней.

Конечно, порой я с ней ругаюсь. Не всегда Хемино упорство идет на пользу делу, а перенаправить его в другое русло сложно. Но сейчас явно был не тот случай. Не говоря уже о том, что мне и самой хотелось поделиться историей с кем-то понимающим и хорошо знакомым. Уж кому-кому, а Хеме можно было доверить любую тайну.

Привела она меня к себе в комнату. Визиты сюда всегда повергали меня в смятение: подруга очень любила этнические мотивы, поэтому окружала себя разнообразными вышитыми подушечками, ковриками ручной работы и еще тысячей странных мелочей вроде коллекции вырезанных из камня животных. С непривычки обилие цветов и узоров било по глазам.

- Садись, - она махнула рукой на низкий мешкообразный пуфик у стола, а сама полезла в шкаф, где интригуяще зазвенела посудой. - Я очень рада, что ты вернулась. Смерть не конец всего, но, на мой взгляд, ты еще тут очень пригодисься.

- Спасибо, ничего не имею против, - хмыкнула я.

- Есть у меня кое-что приятное на такой случай. На день рождения хранила, считай - он наступил. - При этих словах на столе появилась пара высоких бокалов - хрустальных, дорогущих - и темная винная бутылка, уже открытая. И коробочка с сыром.

- У тебя там что за стратегический запас? - опешила я от такого богатства.

- На любой случай жизни. - Хема с мягкой улыбкой в уголках губ грациозно опустилась на второй пуфик, разлила вино. - С новой жизнью!

Я молча поддержала тост. Не поспоришь: считай - второй раз родилась, когда прототип сработал.

- А теперь, дорогая, рассказывай, что у тебя было с черным полковником.

- С чего... - вытаращилась я на подругу.

- Василиса, я знаю тебя двадцать лет, - улынулась Хема, явно довольная произведенным эффектом. - И, смею надеяться, не настолько глупа, чтобы не сложить два и два.

- И что ты сложила?

- То, что ты вдруг начала ускользать от Део, хотя раньше была к нему благосклонна. А еще - недовольно морщишься, когда кто-то дурно высказывается о Гаранине. Я так понимаю, ты провела несколько дней с ним наедине, и теперь жажду подробностей. Он оказался совсем не таким

противным, как говорила молва?

- В общем да, мягко говоря, - не стала я отрицать очевидное. - А ты не выглядишь удивленной.

- Этого следовало ожидать. - Хема пожалала плечами. - Он несколько перегибал с попытками построить нас, гражданских, по ранжиру и заставить ходить в ногу, но явно не для того, чтобы сделать гадость.

- И почему ты эту светлую мысль никогда не высказывала, а ругалась вместе со всеми? - хмыкнула я.

- Ну, мне тоже не хотелось заниматься всей этой ерундой вместо экспериментов, - она плавно повела бокалом. - А заступаться за черного полковника... Больно надо ему мое заступничество. Но ты, дорогая, тему не меняй. Как он вблизи?

- На глаз так себе, а вот на ощупь!.. - мечтательно улыбнулась я.

Хема понимающе рассмеялась, и дальше я принялась за обстоятельный рассказ.

Сейчас, делаясь подробностями с подругой, я с удивлением понимала, что некоторые эпизоды кажутся даже смешными. Например, то, как я лапала полковника. Или фантазии о собственной жизни среди населения той планеты. Даже про некоторые детали столкновения с Марием сейчас получалось шутить достаточно легко, а смерть куйка хоть и будила неприятные чувства, но воспринималась гораздо легче.

- Кстати, Гаранин же не виноват в том, что случилось на станции, верно?

- Почему ты так думаешь? - осторожно спросила я.

- Потому что он профессионал и отвечал за охрану станции, - снисходительно, как ребенку, объяснила она. - Если бы он хотел что-то такое проверить, у него не было бы осечек. Ну и, кроме того, мы же видели, кто пришел нас спасать! На станции вообще мало кто верит в его виновность, и тех, кто верит, я бы на месте Баева отправила домой как профнепригодных. Потому что дураки.

- И кого подозревают? - заинтересовалась я.

- В основном кого-то из самого высокого, планетарного начальства. Но сама знаешь, у нас всегда так - виноватого ищут повыше, а не рядом. Я бы сказала, что это кто-то из охраны рангом пониже. Непонятно только, почему твоего полковника арестовали, мне следователь показался неглупым. Может, расскажешь?

- Извини, обещала молчать, - развела в ответ руками.

- Может, проморгаешь морзянкой? - Темные глаза лукаво блеснули.

- Хема, это ребячество, - укорила я подругу.

- Знаю, знаю, но не могла не попробовать!

Потом я наконец выяснила, что происходило с коллегами, пока мы с Гараниным осваивались на далекой планете. Со слов Хемы, все прошло довольно спокойно - сначала погрузились в капсулы, потом немного побоялись, пока не сработал прыжковый двигатель, потом - побоялись еще немного, пока не прибыли спасатели. А потом всех доставили обратно на станцию. Подруга полагала, что вернули их в первую очередь для удобства расследования, а не для продолжения работы. Мне эта версия тоже нравилась.

Однако просидели мы всего часа два, когда мне на комм пришло сообщение.

- Что такое? - удивилась Хема. - Дурные вести?

- Не то чтобы... Баев вызывает.

- Хм? И от этого тебя так перекошило? Чую, дорогая, ты много чего мне не сказала! Ну да ладно, иди к нашему беленькому. Но потом - опять ко мне, так и знай!

- Потом, дорогая, я лягу спать. Утром работать, ты помнишь?

- Ну вот, Обская вернулась, и не поспать теперь в свое удовольствие, - полушутя проворчала подруга и пожелала удачи.

Удивительно: хоть я и совсем не хотела идти к научруку, но серьезного беспокойства не испытывала, даже понимая умом, что это может быть опасно. Если подозрения мужчин

справедливы, то Баев безжалостно обрек на смерть несколько сотен хорошо знакомых людей, значит, ждать от него можно чего угодно. А с другой стороны, и правда, что паниковать? Не станет же он нападать на меня посреди станции. Зачем ему подобное?

Скорее, интерес Баева совершенно не связан с террористами и расследованием. Даже если научрук пособник убийц или сам убийца, ученым он быть не перестает, и я бы на его месте тоже заинтересовалась нашим с Гараниным перемещением. Пусть профессор – биолог, но наш эксперимент он тоже отчасти курировал, как научный руководитель всей станции.

Но на всякий случай сбросила на комм Марину сообщение с предупреждением, куда иду.

Ответ пришел почти сразу и достаточно странный: «Заболтай его как следует, чтобы он от тебя не отвлекался». Без пояснений, зачем это могло понадобиться.

– Здравствуйте, Василиса Аркадьевна. – Баев вежливо поднялся из-за стола, когда я вошла. Пожал руку, жестом предложил сесть.

Руки у него были прохладными, сухими и ухоженными, с очень мягкой кожей – кажется, у меня грубее. Среднего роста, с элегантно-округлой фигурой и правильной осанкой, аккуратно уложенными короткими седыми волосами и внимательным взглядом серых глаз. Его располагающая наружность служила отличной иллюстрацией понятий «представительный» и «благопристойный».

Полная противоположность Гаранина. Жаль, что *настолько* полная.

– С возвращением, так сказать, в родные места, – обаятельно улыбнулся научрук. – Очень рад, что это приключение завершилось благополучно. Приятно сознавать, что ваше изобретение действительно работает, а?

– Наше изобретение работает, да. Осталось понять, как именно, – весело ответила я. – Но информации вроде бы достаточно, есть с чем разбираться.

Мы долго обсуждали прототип. Прикинули, что нужно для продолжения исследований срочно, без чего можно обойтись в ближайшем будущем, а без чего – вовсе. Правда, грузить излишними теоретическими подробностями я научрука не стала – он не физик и, хотя обладает достаточно широким кругозором, в специальных терминах наверняка запутается. Марин, конечно, мог бы и поточнее объяснить, что от меня требуется, но это не повод саботировать задание.

Потом, когда тема исчерпала себя, я принялась рассказывать о куйках и их странном сосуществовании с людьми на той планете. Этот вопрос Баева явно заинтересовал куда больше, и тут уже он начал загружать меня малопонятной терминологией и теориями. Понимала я, кажется, еще меньше, чем научрук из моих слов, но старательно делала вид. Зато выяснила, что он в курсе истории открытия этой цивилизации, знаком с некоторыми из тамошних исследователей и даже примерно догадывается, какая часть генетического кода у людей с куйками должна быть общей, а какая – разной у нас с людьми той планеты: именно это различие объясняло, почему выделения паразитов не вредили нам с Захаром.

– Скажите, Василиса Аркадьевна, а как вы находите полковника Гаранина после совместных приключений? Ваше мнение о нем не изменилось? – спросил он наконец.

– Да в общем нет, – осторожно ответила на это. – Грубиян, зануда и солдафон.

– То есть вы полагаете, обвинения в его адрес справедливы?

– Никогда не любила детективы, – отмахнулась недовольно. Надеюсь, получилось достаточно убедительно. – Следователь оказался мне компетентным человеком, думаю, он знает, что делает.

Что-то мне подсказывало, что аудиенция подходит к концу. Где там Марин, интересно, со своими пояснениями и выводами? Мне уже можно уходить?

– И вы не считаете, что арест Гаранина – это попытка найти... козла отпущения? Что настоящий преступник может сидеть еще выше?

– Может, – осторожно согласилась с этим. – А может и не сидеть. Денис Александрович, я же говорю, я не следователь и ничего в этом не смыслю. Если судить по тому, как вел себя полковник на планете, он совсем не кажется жестоким и безжалостным монстром. Но, с другой стороны, даже самые кровавые маньяки в жизни, насколько слышала, были милыми и безобидными людьми, так что никто в здравом уме не мог бы их заподозрить.

– А говорите, детективами не интересуетесь, – улыбнулся Баев.

- Доброго вечера! - В кабинет шагнул бодрый и как будто слегка взвинченный Марин в сопровождении пары бронированных охранников. - Простите, что прервал занимательную беседу, но дело неотложное. Баев Денис Александрович, вы арестованы по обвинению в пособничестве террористам, а также в государственной измене. Прошу без глупостей и резких движений.

- На каком основании? - нахмурился научрук. Он явно старался выглядеть невозмутимым, и это вполне удавалось. Если бы не одно «но» - на лбу мужчины выступила испарина. Контролировать это он явно не мог.

За спиной Баева встал один из конвоиров.

- Оснований полно. Показания свидетелей, записи переговоров, показания пилота корабля, на котором вы сегодня ночью планировали удрать. Он даже попытался вас предупредить, но мы заглушили рабочие частоты коммов. Василиса, ты молодец, - кивнул Макс и сделал знак охране. - Очень вовремя он проявил любопытство и очень сильно увлекся, даже заглушку не заметил.

- И зачем бы мне подобное понадобилось? - не сопротивляясь, через губу сцедил белый полковник, когда стоявший рядом охранник надел ему наручники.

- Мне тоже интересно, - вставила я.

- Да все примитивно и просто. Деньги, - развел руками следователь. - Очень, очень большие деньги.

- И зачем ему «очень-очень большие деньги»? - удивилась я. - Неужели банально захотелось красивой жизни?!

- Банально захотелось жизни, - хмыкнул Марин. - Ваш научрук - игрок. С полгода назад он здорово проигрался тем, с кем вообще не стоило садиться за один стол. Покрыть выставленный счет законными методами оказалось невозможно, на что и был расчет. Ладно, пойдем мы. И ты иди, Гаранина я уже отпустил... А, ну кто бы сомневался.

Последняя реплика относилась, собственно, к моему полковнику, который очень вовремя появился на пороге. Захар окинул внимательным напряженным взглядом кабинет, обнаружил, что ничего страшного не происходит, и заметно расслабился.

В коридор мы вышли вдвоем, Марин остался проводить обыск в присутствии уже, можно сказать, бывшего научрука.

- Надо же, все-таки он, - задумчиво пробормотала я. - В голове не укладывается, как это все получилось... Да еще по такой банальной причине!

- А ты ожидала заговора мозгоедов? - иронично спросил начбез.

- Ну хотя бы. Впрочем... Знаешь, вот тот факт, что он оказался игроком, почему-то не очень удивляет. Мне кажется, именно такой порок подходит ему идеально. Ко всему его облику, к работе, к личности. Наверное, если подумать, только как-то так и могло объясняться его участие. Азарт и долг перед опасными людьми - это более подходящий для Баева мотив, чем внезапная жажда наживы или, тем более, внезапно открывшийся фанатизм, или вхожесть в верхи «Последнего часа». Но все равно не по себе. Он казался таким хорошим... неужели не придумал другого выхода?

- Скорее всего, ему не дали такой возможности, - предположил Захар. - Не удивлюсь, если окажется, что вышли на него намеренно, как на подходящий ключ к станции.

- И теперь его казнят, да? За измену же полагается высшая мера.

- Не знаю, это от многого зависит, - неопределенно пожал плечами мужчина. - Но я сомневаюсь. Баеву нет резона упираться, он наверняка будет старательно сотрудничать со следствием. Но срок все равно получит очень большой, заслужил.

- Наверное, - я нервно повела плечами. Думать о последних событиях не хотелось, но думалось. И было от этих мыслей грустно и противно. Конечно, хорошо, что со всем разобрались и все выяснили, но...

- Как первый рабочий день? - спросил Гаранин.

Только теперь я обратила внимание, что в голосе полковника, вообще в том, как он шел рядом, сцепив руки за спиной, ощущалось странное напряжение. Покосилась на мужчину растерянно, но сказала:

- Рабочий - хорошо, мои явно обрадовались появлению останков прототипа.

- То есть мы не зря трое суток летели верхом на ящиках?

- Не зря, - коротко ответила ему. Потом подцепила под локоть и спросила настороженно: - Зар, что-то случилось?

- Нет, я... - проговорил он, машинально согнув руку, чтобы мне было удобнее держаться. Запнулся и, отмахнувшись, накрыл мою ладонь своей. - Не обращай внимания. Я соскучился.

- Так, погоди. Ты что, опять какие-то выводы сделал?! - сообразила я. Остановилась возмущенно, поймала его за воротник формы, чтобы развернуть к себе. - Ну-ка в глаза смотри! Что ты там опять напридумывал?

В ответ начбез засмеялся, заметно расслабившись.

- Никаких выводов, я же обещал, - заверил он. - Просто... легкие опасения.

- Дурак ты, Гаранин! - буркнула я, но продолжать ругаться не стала. Просто потянула мужчину к себе за все тот же воротник, заставляя нагнуться.

Намек был понят правильно, и через мгновение мы уже увлеченно целовались прямо посреди коридора. И мне было совершенно плевать, как на это отреагируют окружающие. Даже, если совсем честно, хотелось, чтобы кто-то нас застукал. Пусть уже поскорее сплетня облетит станцию и забудется, чтобы Захар перестал дергаться по мелочам.

Удивительно, как такой серьезный, бесстрашный профессионал может быть таким неуверенным в себе, когда дело касается личных отношений! Даже как-то неловко, что такие эмоции вызываю у него именно я. И ведь вроде бы ничего для этого не делаю...

Странно, но упорство Гаранина в собственных заблуждениях и опасениях - конечно, в тех случаях, когда он не делал выводов, а само по себе - уже совсем не раздражало и вызывало только одно желание: как-то успокоить, убедить, доказать ему, что повода для беспокойства нет. Ну в самом деле, куда я от него денусь-то?

- Знаешь, оказывается, это был очень длинный день, - пробормотала я через пару минут мужчине в губы. - Я ужасно соскучилась. Куда ближе, к тебе или ко мне?

- Наверное, ко мне.

По дороге нам вообще никто не встретился, станция как будто вымерла, хотя обычно жизнь здесь кипит круглые сутки - люди работают в разные смены, никакой единой на всех ночи. Даже освещение в коридорах всегда приятно-приглушенное, утренне-вечернее.

В каюте некоторое время было не до пустой болтовни и не до сомнений со всякими посторонними мыслями. А вот потом, когда мы лежали рядом, обнявшись, и я рассеянно выводила кончиками пальцев узоры на груди мужчины, мысли эти нагнали.

Я с удивительной ясностью понимала, что не желаю расставаться с этим человеком. Совсем. Хочу не встречаться от случая к случаю и приятно проводить время, а иногда расставаться, на положенные графиком восемь рабочих часов, чтобы непременно в середине дня встретиться и пообедать тоже вместе. Засыпать и просыпаться рядом, и пусть никому даже в голову не приходит, что это временно.

Интересно, это любовь? Или какой-то вариант зависимости, спровоцированной шуликом?

Впрочем, даже если и так, плевать на причины. Какая разница, в самом деле? Главное, что я - это все еще я, а он - все еще он, со своими достоинствами и недостатками. Надежный, заботливый, но с дурацким чувством юмора и глупыми страхами, которые очень хотелось побороть, успокоить, дать понять, что Захар мне нужен и менять его на кого-то я не собираюсь.

Причем процесс утешения, кажется, интересовал несколько сильнее, чем конечный результат.

- Зар...

- Вась...

Заговорили мы одновременно, одновременно фыркнули от смеха.

- Давай ты, - вежливо уступил мне очередь начбез.

- Гаранин, ты знаешь... только не смейся. Я вот лежу и думаю: а может, нам взять и пожениться? - предложила задумчиво. Пальцы мужчины, до этого медленно перебиравшие мои волосы, замерли. - Я, честно говоря, после Антона и не думала, что мне подобная идея когда-нибудь в голову придет, но вот - поди ты! Нет, если ты вдруг против - я не обижусь, в конце концов...

- Вась, ты что, серьезно? - Захар приподнялся на локте, чтобы заглянуть мне в лицо.

- Серьезно - это ты про «не обижусь»? - с иронией спросила я. - Или, хочешь сказать, ты собирался предложить что-то в этом же духе?

- Я собирался предложить тебе перебраться в мою каюту. Совсем не хочется тебя отпускать, а у меня просто больше места. Но твой вариант гораздо интереснее!

Откладывать надолго мы не стали. Оповещать кого-то тоже. В конце концов, это наше с ним личное дело, а выслушать бесконечные «вы серьезно» и «ну ничего себе!» можно будет и потом. Просто с утра пораньше заявили к капитану станции, который по древней докосмической традиции обладал правом заключать браки. Капитан никаких лишних вопросов себе не позволил, только растерянно качнул головой и заметил задумчиво: «Ну ты, Гаранин, даешь».

И никакие сомнения с опасениями меня не беспокоили, и даже не казалось, что мы торопим события. Спешка... нам ведь хорошо вместе, какой смысл тянуть? А будущее - штука переменчивая, и если сейчас бояться сделать шаг навстречу тому, кто дорог, то зачем вообще нужна жизнь?

Я отчетливо понимала, что полковник - человек сложный, но... когда нормального ученого пугали трудные задачи, в самом деле! Да и я не проще.

Выйдя от капитана уже в новом статусе, мы разошлись каждый по своим делам, условившись, что начбез зайдет за мной перед обедом. Просто потому, что я наверняка забуду, а он - человек собранный и более организованный в вопросах распорядка дня.

Утром станция бурлила. Работа не то чтобы совсем встала, но шла гораздо медленнее, чем могла: все обсуждали арест Баева. Ругались, ужасались, делились подробностями. Кто-то вспомнил, что у научрука уже были проблемы с его игорным азартом, еще на Земле, и едва не дошло до увольнения, но потом он вроде как взял себя в руки. Но все равно в виновность Баева люди верили с большим трудом, потому что его любили и к нему привыкли.

Однако, как ни странно, верили все-таки легче, чем в виновность начбеза. Лично меня это очень радовало, потому что я лелеяла грандиозный план примирить своего уже - с ума сойти! - мужа с научным сообществом «Черного лебеда», и момент для этого был вполне подходящий. Осталось только выбрать какой-нибудь удачный повод для неформального представления его хотя бы своей лаборатории. Потом, не сегодня, надо дать им какое-то время привыкнуть.

В момент явления Гаранина в лаборатории среди рабочего дня коллектив поначалу притих, как мышь под веником: кажется, все решили, что черный полковник вернулся к своим обязанностям и будет страшно мстить, поэтому у нас внеплановая проверка.

Захар, однако, вежливо поздоровался со всеми и невозмутимо окликнул меня уже привычным «Вась!». Коллеги опешили от такой фамильярности, потому что от остальных я подобного сокращения не терпела, а тут даже не поморщилась. Чтобы окончательно их добить и снять вопросы, я отложила дела, подошла к мужчине, поцеловала его и, подцепив за локоть, потащила прочь. Провожала нас звенящая тишина.

Конечно, новость они пережили. После возвращения с обеда меня, правда, засыпали вопросами, но это даже не раздражало: изумление коллег было понятно. Потом привыкли, успокоились и через несколько дней окончательно перестали настороженно коситься на Гаранина.

Впрочем, отношение к нему после нападения на станцию естественным образом изменилось и без моего участия, и уже мало кто всерьез сетовал на дотошность и солдафонство начбеза. Практика показала, что он оказался прав, и это сделало коллег гораздо более послушными и ответственными. Ученая половина «Черного лебеда» даже против гаранинских учебных тревог перестала роптать. На второй раз мы уложились в норматив, по этому поводу Захар ходил чрезвычайно довольным несколько дней. И действительно, как обещал, добившись один раз нормальной реакции, перестал так изводить народ своими учениями. После чего был окончательно прощен и принят. А наш брак стал лишь дополнительным аргументом в пользу того, что черный полковник - нормальный мужик.

Куйков я теперь вспоминала с отголосками прежнего содрогания, но во многом еще и с благодарностью. Если бы не это приключение, так бы мы и ходили с Захаром одними коридорами, но вряд ли смогли бы друг друга найти. И дело тут, конечно, не в генетической совместимости, хотя и ее результаты мы, думаю, сумеем оценить года через три-четыре, когда соберемся заводить детей.

Легко, когда гены - единственный критерий. А вот выяснить, что этот грубый хмурый мужчина на самом деле нежный, чуткий, потрясающе надежный и рядом с ним можно наконец почувствовать себя счастливой, никакой шулик не поможет. Только практика, и ничего, кроме практики!